

**ДЕЛО О ВРЕДИТЕЛЬНОСТИ
НА ЭЛЕКТРИЧЕСКИХ СТАНЦИЯХ
В СССР**

**ОФИЦИАЛЬНЫЙ
СТЕНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ
СПЕЦИАЛЬНОГО ПРИСУТСТВИЯ
ВЕРХОВНОГО СУДА СССР**

ВЫПУСК II

Заседания 14 и 15 апреля 1933 г.

ОГИЗ — «СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО»

МОСКВА — 1933

ДЕЛО О ВРЕДИТЕЛЬНОМ НА ЭЛЕКТРИЧЕСКИХ СТАНЦИЯХ В СССР

*Витвицкого Н. П., Гусева В. А., Грегори А. В., Зорина Н. Г., Зиверта Ю. И.,
Кушни Дж., Крашенинникова М. Д., Котляревского М. Л., Кутузовой А. С.,
Лобанова А. Т., Лебедева В. П., Макдональда В., Монклауза А., Нордволла Ч.,
Олейника П. Е., Сухоручкина Л. А., Торитона Л. Ч. и Соколова В. А.*

ОФИЦИАЛЬНЫЙ СТЕНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ СПЕЦИАЛЬНОГО ПРИСУТСТВИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

ВЫПУСК II

Заседания 14 и 15 апреля 1933 г.

ОГИЗ — «СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО»

МОСКВА — 1933

Техредактор А. Боровский
Объем 121 $\frac{1}{4}$ печ. листов
Формат бумаги 62×94/16
Тираж 30.000 экз.
Уполном. Главлита А — 90669
Зак. 6698

Третья фабрика книги ОГИЗа РСФСР треста «Полиграфкнига» «Красный пролетарий», Москва, Краснопролетарская, 16.

СОСТАВ СУДА

По постановлению Президиума Центрального Исполнительного Комитета СССР от 29 марта 1958 г. назначены на должности судей Верховного Суда СССР следующие лица:

Председатель

ХАРЬКИН И. И.

Заместитель Председателя

МАРТИНС И. К.

Директор Канцелярии

Профессор по кафедре уголовного права

АММУТОВ С. А.

Заместитель директора

Ильинский В. П.

Заместитель директора

Заместитель директора

Заместитель директора

ПРОТОКОЛЫ СПЕЦИАЛЬНОГО ПРИСУТСТВИЯ

ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

1

БРАУН М. А. КОММУНИСТ И. В. ШИЛОВ И. П.
КОММУНИСТОВ И. А. ШИЛОВ И. П.
КОММУНИСТОВ И. А. ШИЛОВ И. П.
КОММУНИСТОВ И. А. ШИЛОВ И. П.

СОСТАВ СУДА

По постановлению Президиума Центрального Исполнительного Комитета СССР от 30 марта 1933 г. настоящее дело передано на рассмотрение Специального присутствия Верховного суда СССР в следующем составе:

Председатель

УЛЬРИХ, В. В.

Член Верховного суда СССР

Члены суда

МАРТЕНС, Л. К.

Директор Дизельного Института

Профессор по кафедре моторов внутреннего сгорания

ДМИТРИЕВ, Г. А.

Начальник «Главэнерго»

Инженер-электрик

Запасный член суда

ЗЕЛИКОВ, А. В.

Председатель Центрального Комитета профессионального союза рабочих, инженеров и техников электрической промышленности и электрических станций

Секретарь

КОСТЮШКО, А. Ф.

Старший инспектор Верховного суда СССР

ОБВИНЕНИЕ

ВЫШИНСКИЙ, А. Я.

Прокурор РСФСР

РОГИНСКИЙ, Г. К.

Помощник прокурора РСФСР

ЗАЩИТА

БРАУДЕ, И. Д.; СМИРНОВ, А. А.; КОММОДОВ, Н. В.; ЛИДОВ, П. П.; ДОЛМАТОВСКИЙ, А. М.; ШВАРЦ, Л. Г.; ПИНЕС, И. Г.; КАЗНАЧЕЕВ, С. К.; ЛИБСОН, И. Н.

Члены Коллегии защитников

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 14 апреля 1933 г. 10 час. 15 мин.

Комендант. Прошу встать, суд идет.

Председатель. Садитесь пожалуйста. Заседание продолжается.

Председатель. Товарищ комендант, пожалуйста попросите свидетеля Долгова.

Комендант. Есть.

Председатель. Ваша фамилия Долгов?

Долгов. Да.

Председатель. Имя, отчество?

Долгов. Алексей Николаевич.

Председатель. Где работаете?

Долгов. Электроимпорт.

Председатель. В какой должности?

Долгов. Заведующий контрольным отделом.

Председатель. Вы вызваны по ходатайству прокуратуры свидетелем. Предлагается давать точные показания, за ложные показания подлежите ответственности в уголовном порядке (секретарь отбирает подписку у Долгова).

Один вопрос: при каких условиях вы получили 3 000 рублей от одного из сотрудников фирмы «Метро-Виккерс»?

Долгов. Взятка была дана в кабинете мистера Торнтон, кажется 1 или 2 июля 1932 года, при следующих условиях: мистер Торнтон зашел в обычный порядок по делу ко мне в кабинет и пригласил...

Председатель. В каком помещении?

Долгов. В моем отделе. Он пригласил меня по делу к себе в кабинет. Так как я обычно связан с представительством фирмы по предъявлению претензий и часто имел встречи вообще по делам претензий, я пошел для решения какого-то вопроса. Торнтон открыл ящик, в котором лежали 3 000 рублей, и предложил мне эти деньги. Первое время мне бросилась кровь в глаза, потом я решил: если мистер Торнтон как английский гражданин хочет купить меня — советского инженера — возьму эти деньги и сдам следственным властям, что я и сделал в тот же день.

Председатель. Чего Торнтон хотел от вас добиться?

Долгов. По роду службы в мои функции входит предъявление претензий и наблюдение за качеством заграничного электросилового оборудования вообще. Вполне естественно, что в моих руках сосредоточен материал, говорящий о конкретных дефектах заграничного оборудования, и в частности оборудования фирмы «Метро-Виккерс».

Оборудование фирмы не всегда было должного качества. Я был очень

напорист в предъявлении своих претензий, требовал удовлетворения законных требований нашего комитета, и кроме того, вполне естественно, я делал выводы в отношении качества оборудования. Инженер, который ведает заказами, мог рекомендовать тот или иной тип оборудования. По моему мнению эти деньги даны за то, чтобы я молчал о плохом оборудовании фирмы «Метро-Виккерс».

Я повторяю еще раз, что я был всегда очень тверд в своих требованиях и просил не только представителей фирмы «Метро-Виккерс», но и представителей других фирм, без всякого зубозаговаривания, без напускания теоретического тумана, удовлетворять наши законные требования. То же самое было и в отношении фирмы «Метро-Виккерс».

Поэтому я считаю, что эти деньги мне даны, надо полагать, за сокрытие именно дефектов импортного оборудования, которое идет от фирмы «Метро-Виккерс».

Вышинский. Свидетель Долгов, скажите пожалуйста, сколько времени вы знали Торнтонна?

Долгов. Я знаю мистера Торнтонна с 1930 года.

Вышинский. А когда произошел этот случай?

Долгов. Этот случай произошел в 1932 году, кажется в июле месяце.

Вышинский. Следовательно, он произошел уже после вашего продолжительного с ним знакомства в течение примерно 2 лет.

Долгов. Знакомства в течение 2 1/2 лет.

Вышинский. За эти 2 с лишним года как складывались ваши отношения с Торнтонном?

Долгов. Первое время, когда я работал в качестве инженера контрольного отдела (я, можно сказать, был пионером, был первым инженером), мистер Торнтон, мистер Монкгауз собственно не замечали меня, так как в мои функции входило именно предъявление претензий, а не выдача заказов, что более интересно представителям фирмы. Так что это было вполне объяснимо. Но во всяком случае в 1930 и 1931 году они фактически меня не замечали.

Вышинский. Ну, а дальше? Когда же они стали вас замечать?

Долгов. Это надо отнести примерно к ноябрю месяцу 1931 года, когда я стал уже заведующим контрольным отделом.

Вышинский. В чем же выразилась эта перемена в отношении к вам?

Долгов. Внешне хотя бы в том, что люди стали меня видеть, стали кланяться.

Вышинский. Здороваться?

Долгов. Конечно, здороваться.

Вышинский. Заходить покалякать?

Долгов. Да, заходить поговорить. И затем такой мелкий факт: фирма обычно рассылает свой технический журнал. Раньше я никогда не получал. С этого момента я стал также регулярно получать, как все инженеры Электроимпорта.

Вышинский. Как определенный знак внимания?

Долгов. Да.

Вышинский. А отношения к вам Торнтонна, как они вам рисовались: как отношения интеллигентного, отзывчивого, чуткого человека или как-нибудь иначе — напористого и жесткого?

Долгов. С одной стороны, для меня было заметно, что с этого времени со мной стали весьма любезны. С другой стороны, это заставило меня все-таки требовать то, что нужно требовать. Но любезность несомненно увеличилась. Как будто бы мы уже давно знакомы, и то, что они меня в 1930 году не знали, — этот этап был уже пройден.

Вышинский. Какие у вас были разговоры: только ли деловые, только ли в рамках ваших служебных отношений?

Долгов. Разговоры с мистером Торнтоном как с человеком, который занимается также претензиями в отношении фирмы «Метро-Виккерс», то есть принимает эти претензии и обсуждает их, у меня были. У меня было много разговоров об этих претензиях. Кроме того были разговоры на темы чисто технического порядка. Я специалист молодой. Окончил недавно, в 1929 году, школу. Мистер Торнтон — большой практик. Вполне естественно, что говорить с практиком полезно: есть что почерпнуть. Говорили на технические темы, обсуждали вопросы разного оборудования.

Что же касается мистера Монкгауза, то так как он стоял дальше по положению от меня, разговоры фактически с ним были очень редки. Но они также касались претензий. Или я с ним говорил потому, что он видный специалист по вопросам изоляции, а я интересуюсь вопросами изоляции. Мы обсуждали эти вопросы в отношении конкретных фактов.

Вышинский. Разговоры, не относящиеся непосредственно к вашим служебным обязанностям и технике, то есть разговоры обывательского порядка, были с Торнтоном и Монкгаузом?

Долгов. Вполне понятно, что в течение длительных бесед такие моменты были. Были разговоры именно обывательского характера. Но я их так и принимал, как разговоры обывательского порядка, так как представители иностранных фирм удивляли меня своими рассуждениями и вопросами, доказывающими то, что они не понимают нашей советской действительности. Такие разговоры конечно были.

Вышинский. А личного порядка? Вопрос о вашей личной жизни, о вашем личном положении, и в том числе о материальном положении — затрагивался или нет с вашей ли стороны или со стороны ваших собеседников?

Долгов. Если отнести к этой категории вопросы мистера Торнтона о том, «где вы отдыхаете», «поедете ли в санаторию» или «дом отдыха», то такие вопросы были.

Вышинский. Прямо не ставился вопрос о том — не нуждаетесь ли вы в средствах?

Долгов. Прямо вопрос не ставился.

Вышинский. Может быть вам покажется не деликатным, но я хочу знать — не ставили ли вы перед Торнтоном вопрос о своем затруднительном материальном положении?

Долгов. Товарищ прокурор, я советский инженер и знаю пределы, где можно говорить по этому вопросу.

Вышинский. Я не хочу ставить вас в неловкое положение. Но мне важно получить ответ, не ставили ли вы перед Торнтоном как представителем фирмы, с которой вы связаны, может быть не совсем сознательно, а по своей неопытности, неосторожности, не ставили ли вы вопрос о том, что ваше положение может быть было бы лучше, если бы вы

получали больше жалования, если бы у вас была иная квартира, что-нибудь в этом духе? Может быть случайно, неосторожно вы затрагивали этот вопрос?

Долгов. Я был очень загружен работой и в процессе работ может быть было время, когда входил Торнтон в комнату и я часто нервно реагировал на все это бумажное море. Может быть эта моя повышенная нервность давала возможность говорить о моей неудовлетворенности, но говорить прямо с представителем фирмы о том, что я нуждаюсь — было не нужно, так как собственно я не так нуждался.

Вышинский. Сколько вы получаете жалования?

Долгов. 550 рублей, а кроме того зарабатываю литературой — переводами, рефератами и статьями.

Вышинский. Ваше семейное положение?

Долгов. Жена и ребенок.

Вышинский. Жена не служит?

Долгов. Служит.

Вышинский. Сколько жалования получает?

Долгов. 190 рублей.

Вышинский. Следовательно вы получаете?...

Долгов. В целом 750—800 рублей кроме литературного заработка.

Вышинский. А литературный заработок как выражается?

Долгов. За последний 1932 год в среднем 100—150 рублей в месяц я зарабатываю легко. Материала для литературного заработка у меня очень много, а именно дефекты в качестве материала заграничного оборудования, — то, что представляет ценность не только для русского инженера и техника, но и для всей нашей промышленности. В этой области я, собственно говоря, и работаю, но это соответствует и работе над собой.

Вышинский. Вы встречались когда-нибудь с кем-нибудь кроме Монкгауза и Торнтона из фирмы «Метро-Виккерс», с кем-нибудь из приезжающих из Англии?

Долгов. Я встречался редко, но конечно встречался с Кушни, так как, когда отсутствовал Торнтон, то часто заменял его Кушни.

Вышинский. Кушни денежных предложений не делал — намеками и прочее?

Долгов. Нет.

Вышинский. Монкгауз?

Долгов. Нет.

Вышинский. А Торнтон в этот раз прямо вам предложил деньги или к этому была какая-нибудь подготовка?

Долгов. Я назвал бы этой подготовкой чрезмерную любезность. Он был чрезмерно любезен в отношении меня, даже несколько предупредителен, то есть может быть за день или два спросил — еду ли я в санаторий или дом отдыха, так как было лето. Насколько мне помнится, я сказал, что отдыхаю в деревне.

Вышинский. А не говорил ли он вам о том, что некоторые служащие у них получают денежные суммы займы или как-нибудь иначе на свои нужды вообще?

Долгов. Да, такой случай был.

Вышинский. Вы что же ему на это сказали?

Долгов. Решительно ничего не сказал. Я сделал вид, что меня это не касается.

Вышинский. После этого разговора вскоре вам были даны эти 3000 рублей?

Долгов. Примерно через пару дней или через день.

Вышинский. В той обстановке, как вы излагали председателю?

Долгов. Я забыл сказать о том, что когда мистер Торнтон мне передал деньги, то он меня успокоил, чтобы я не беспокоился, что об этом собственно знает только он да мистер Монкгауз, так что, мол, не беспокойтесь, все в порядке.

Вышинский. Но в компенсацию были предъявлены какие-нибудь требования общие или конкретные?

Долгов. Нет, требований никаких не ставилось.

Вышинский. А как было предложено — возьмите, потом отдадите или как?

Долгов. Об отдаче я не слышал.

Вышинский. Но вы лично приняли как заимообразную сумму?

Долгов. Абсолютно нет.

Вышинский. Или как простую обыкновенную взятку?

Долгов. Я так и принял ее как обыкновенную взятку.

Вышинский. Когда подали заявление в ГПУ о том, что дана взятка?

Долгов. В тот же день.

Вышинский. И деньги приложили к заявлению?

Долгов. Да.

Вышинский. Вы член партии?

Долгов. Беспартийный.

Вышинский. Член профсоюза с какого года?

Долгов. С 1918 года.

Вышинский. Разрешите задать вопрос Торнтону?

Председатель. Пожалуйста.

Вышинский. Вы слышали сейчас показания свидетеля Долгова, факт передачи денег вы не отрицаете?

Торнтон. Нет.

Вышинский. Вы подтверждаете, что действительно в своем кабинете передали Долгову 3000 рублей?

Торнтон. Да.

Вышинский. Второе — разговор, который предшествовал этой передаче денег, совсем незначительный разговор обывательского порядка тоже не отрицаете?

Торнтон. Нет.

Вышинский. Вы подтверждаете, что вы сказали Долгову, что нечего беспокоиться, что об этих 3000 знает только Монкгауз, это тоже подтверждаете?

Торнтон. Да.

Вышинский. О том, что вы были предупредительны и достаточно любезны до этого с Долговым, вы тоже подтверждаете?

Торнтон. У меня очень хорошие отношения с Долговым были всегда.

Вышинский. Никаких недоразумений с ним не имели?

Торнтон. Нет.

Вышинский. Долгов по отношению к вам не проявлял никакой особой нетактичности?

Торнтон. Нет. Он исполнял свои обязанности очень хорошо.

Вышинский. Вы подтверждаете, что вы ему передали не займы эти деньги, а именно так, как это и понял Долгов, то есть, как взятку?

Торнтон. Нет.

Вышинский. И опять-таки заявляете о том, что эти деньги были даны займы?

Торнтон. Он сам спрашивал эти деньги, но сначала спрашивал— не можем ли мы это сделать в валюте, потому что у него есть за границей родственник, через которого можно будет возвратить обратно. Я отказался.

Вышинский. Значит вы дали займы?

Торнтон. Да.

Вышинский. А на какой срок?

Торнтон. Об этом мы не говорили.

Вышинский. Значит бессрочно?

Торнтон. Никогда.

Вышинский. Когда даешь займы, то говоришь насколько времени.

Торнтон. Это было для покупки квартиры, потому что у него была очень скверная квартира, сырая.

Вышинский. А почему вы знали, что у него скверная квартира?

Торнтон. Он сам говорил.

Вышинский. Может быть он говорил, где он намерен купить квартиру?

Торнтон. Я не спрашивал. Я спрашивал Монкгауза о том, можно ли дать деньги и он неособенно охотно сказал, что можно, а потом, когда я говорил с Долговым, говорил, что лучше дать расписку, он сказал— никоим образом этого нельзя.

Вышинский. Почему?

Торнтон. Я не знаю.

Вышинский. Значит Монкгауз предупредил, чтобы расписки не брать?

Торнтон. Нет, ни в коем случае. Монкгауз сказал— лучше взять расписку.

Вышинский. А кто сказал, что ни в коем случае расписки не давать?

Торнтон. Долгов сказал, что расписки не нужно.

Вышинский. Товарищ Долгов, вам было предложено дать расписку?

Долгов. Категорически возражаю против всего того, что наговорил Торнтон. Никаких родственников за границей у меня нет. Все, кто у меня есть, живут здесь, да и говорить об этом я не мог. Как я мог говорить об этом, когда у меня никого нет за границей?

Вышинский. Это говорит Торнтон.

Торнтон. Я забыл, родственники или знакомые.

Вышинский. А знакомые есть за границей, такие, которые с вами были бы близки?

Долгов. Нет. По службе товарищи работают там из Электроимпорта.

Вышинский. Подсудимый Торнтон, может быть Долгов называл вам фамилии своих знакомых за границей?

Торнтон. Не называл.

Вышинский. Что же это были знакомые или родственники?

Торнтон. Я забыл.

Вышинский. Забыли? Итак, сроков никаких не назначали?

Торнтон. Нет.

Вышинский. Когда это было?

Торнтон. В середине 1932 года.

Вышинский. Вы напоминали ему, что нужно отдавать деньги?

Торнтон. Не спрашивал.

Вышинский. Вы дали в долг деньги и нужно было спрашивать.

Торнтон. Срок времени истек небольшой—6 месяцев.

Вышинский. Деньги были ваши личные?

Торнтон. Нет.

Вышинский. Значит, позвольте удостовериться еще факт, что деньги это были фирменные. Кто за них отвечал?

Торнтон. Я.

Вышинский. Вы потом целые полгода не интересовались и не просили отдать долг?

Торнтон. Я не знал, что он не мог отдать.

Вышинский. Но ведь чем дальше, тем труднее выплатить долг?

Торнтон. Еще недостаточно времени прошло, чтобы спрашивать, я и не спрашивал.

Вышинский. Значит прошло полгода и за это время не спрашивали?

Торнтон. Не спрашивал.

Вышинский. И он ничего не говорил?

Торнтон. И он ничего не говорил.

Вышинский. Конечно он не говорил, потому что отнес эти деньги властям. Вам судьба этих денег не была известна?

Торнтон. Я прочитал об этом в обвинительном заключении, до этого не знал.

Вышинский. Я все-таки не понимаю, деньги Долгов брал для квартиры или для знакомых и родных, бывших за границей?

Торнтон. Он спрашивал деньги для покупки квартиры.

Вышинский. А причем же здесь знакомые за границей?

Торнтон. Он сначала просил валюту, потому что оказывается, что за валюту можно купить квартиру в Москве. Я ему валюты не дал. Валюты у нас мало, а рублей много.

Вышинский. Поэтому предложили рубли?

Торнтон. Да, сказал, что можно только рубли.

Вышинский. Значит речь шла о том, чтобы на эти рубли приобрести квартиру?

Торнтон. Да.

Вышинский. Что же, он приобрел квартиру?

Торнтон. Я не знаю.

Вышинский. Вы не спрашивали потом?

Торнтон. Нет.

Вышинский. Как же это так—вы не интересовались квартирой, ведь он, по вашим словам, жил в такой сырой квартире.

Торнтон. Я никогда не был в его доме и ничего не знал, кроме того, что у него скверная квартира.

Вышинский. Это с его слов, а может быть хорошая квартира?

Торнтон. Может быть.

Вышинский. Для вас было достаточно, чтобы он сказал, что у него плохая квартира, что он хочет приобрести лучшую, чтобы вы выдали эти 3 000 рублей, кстати сказать, проведя по книгам как «переходящую сумму»?

Торнтон. Сначала она была на моем счету.

Вышинский. Затем как «переходящая сумма»?

Торнтон. Да.

Вышинский. Прекрасно. Остается только одно разногласие, все остальные факты сходятся и не подлежат сомнению. Разговор, деньги, неполучение денег обратно, ненапоминание об этих деньгах и ваше незнание о квартире. Остается одно разногласие или вернее два: первое—не вы сами дали, а он просил и второе—вы дали, но взаймы. Так?

Торнтон. Да.

Вышинский. Долгов отрицает это обстоятельство. Мы его слышали, я хотел бы теперь спросить Монкгауза.

Гражданин Монкгауз, вы слышали объяснение Долгова? Вы продолжаете настаивать на том, что говорили раньше?

Монкгауз. Да.

Вышинский. Вы подтверждаете то, что вы сказали: «Я предполагаю, что деньги, данные Долгову под видом займа, были даны за то, чтобы он... и так далее».

Монкгауз. Так было записано.

Вышинский. Вы подтверждаете, что так было записано?

Монкгауз. Я писал потому, что я видел, что Долгов смотрел на это, как на взятку.

Вышинский. Вы подтверждаете, что Долгов смотрел на это как на взятку?

Монкгауз. Надо так предполагать, потому что он не захотел отдать обратно.

Вышинский. А то, что вы давали ему деньги как взятку, вы не подтверждаете?

Монкгауз. Нет.

Вышинский. Когда следствие было окончено, вам объявили об окончании следствия и вы написали: «На предъявленный мне вопрос о том, признаю ли себя виновным в предъявленных обвинениях, отвечаю—не признаю себя виновным за исключением пункта 4-го, так как считаю себя соучастником в даче взятки Долгову».

Вы так писали?

Монкгауз. Я так писал? Я не писал, что взятка.

Вышинский. В ваших показаниях вы написали именно так. Том XII. Мы вчера оглашали это и сейчас я считаю нецелесообразным к этому возвращаться. Тогда возник только один спор—вы, Монкгауз, говорили, что это не взятка, а подарок. Я тогда ответил—по-вашему подарок, по-нашему взятка.

Монкгауз. Я сказал, что я все время смотрел на это, как на долг, но если он не отдает обратно, значит был подарок.

Вышинский. Но вы же не знали, заплатит он или не заплатит.

Ведь Торнтон говорит, что 6 месяцев это срок короткий. Быть может он заплатил бы через 2 месяца, тогда это не взятка?

Монкгауз. Если он через 6 месяцев не заплатил, я решил, что это взятка и я сказал начальнику Ричардсу об этом.

Вышинский. Мы знаем, что Ричардс разрешил вам списать эту сумму.

Монкгауз. Да.

Вышинский. Вы следовательно по такому признаку, как неуплата денег в течение 6 месяцев, решили, что это взятка.

Монкгауз. Я решил, что это пахнет взяткой.

Вышинский. Я прошу суд обратить внимание на эти два допроса, которым подвергался гражданин Монкгауз по этому поводу: первый допрос 26 марта, где Монкгауз точно указывал, что под видом займа был в действительности дан подарок для того, чтобы Долгов как заведующий монтажным отделом, через который проходит решение вопросов о претензиях и рекламациях, поддерживал фирму, чтобы фирма была поставлена в более благоприятное положение при разрешении вопросов о претензиях и рекламациях.

Второе показание в том же томе XII от 1 апреля, где Монкгауз прямо утверждает, из 4 пунктов обвинения, предъявленных ему, он три не признает, а 4-й он признает: «Признаю себя виновным в том, что я был соучастником дачи этой взятки».

Рогинский (к Торнтону). Правильно я понял ваш ответ товарищу Вышинскому, что давая займы эти 3000 рублей Долгову, вы имели в виду, что погашение этой суммы займет длительный период времени, примерно месяцев 6?

Торнтон. Может быть и больше.

Рогинский. Следовательно примерно около 6 месяцев вы должны ждать для того, чтобы она была погашена?

Торнтон. Да.

Рогинский. По крайней мере 6 месяцев.

Торнтон. Да.

Рогинский (к Монкгаузу). У вас тоже такое же было впечатление, что нужно ждать по крайней мере 6 месяцев?

Монкгауз. Я в течение 6 месяцев неоднократно говорил об этом с Торнтоном, все время спрашивал. Каждый месяц я спрашивал Торнтон об этом.

Рогинский. Чем же тогда объяснить, что эта сумма была списана за счет «переходящих сумм» до истечения 6 месяцев?

Монкгауз. Торнтон не хотел иметь этой суммы на своем счету и ее перевели в счет «переходящих сумм».

Рогинский. Но ведь вы должны были ждать известный промежуток времени, если Долгов погасит, то тем самым закроется счет Торнтон.

(К суду.) Я попрошу мне разрешить огласить выписку из бухгалтерской книги «Метро-Виккерс», которая показывает, когда были выданы 3000 рублей, и когда был закрыт счет... Ни о каких шести месяцах здесь речь не шла. Том XIX на листе 340. «Протокол осмотра 29 марта. Следователь по важнейшим делам Шейнин в камере своей произвел осмотр книг лицевых счетов Московской конторы «Метро-Виккерс»,

причем обнаружил следующее: на странице 12-й в этой книге на лицевом счете Торнтон имеет запись от 2 июля в графе дебетования о выдаче ему наличными 3 000 рублей». То есть, день, который по утверждению свидетеля Долгова был именно тем днем, когда ему было выдано 3 000 рублей. Того же года 22 июля (спустя всего 20 дней, а не шесть месяцев) эта сумма перенесена со счета Торнтон на счет «переходящих сумм». Подсудимый Торнтон, где же шесть месяцев?

Торнтон. «Переходящая сумма»—это все равно висящая.

Рогинский. Счет ваш был закрыт?

Торнтон. Нет, не был закрыт.

Рогинский. Как же не был?

Торнтон. Он и сейчас существует.

Рогинский. Ваш счет конечно существует, но 3 000 сейчас не существуют на вашем счету. Переходящими они значатся 22 июля. С вашего счета они были списаны за счет «переходящих сумм» не через 6 месяцев, а через 20 дней, то есть 22 июля. Правильно?

Торнтон. Да.

Рогинский. Были списаны тем путем, о котором нам вчера говорила подсудимая Кутузова.

Торнтон. Нет. Они были списаны в этом году.

Рогинский. Они на «переходящие суммы» были списаны 22 июля?

Торнтон. Это все равно висящая сумма. Она числится в отчете. Это очень маленькая разница. Это непокрытая сумма.

Рогинский. Ясно, что непокрытая, но с вашего счета она снимается?

Торнтон. Снимается.

Рогинский. Теперь перейдем к другому моменту. Вы помните ваши показания, которые вы давали в связи с этим на допросе следователя по важнейшим делам? В том же томе XIX, на листе 336 вы даете показание: «Подтверждая дачу 3 000 рублей для заведующего контрольным отделом Электроимпорт Долгову, сообщаю, что я это сделал по согласованию с Монкгаузом, без которого я бы не мог дать ему эти деньги». Правильно?

Торнтон. Да.

Рогинский. Подсудимый Монкгауз, согласовано было с вами о выдаче этих 3 000 р.?

Монкгауз. Около 29 июня в день моего отъезда я был очень занят. Торнтон мне сказал, что Долгов просит денег. Я говорю, что я не очень хочу это делать. Он говорит—но он все-таки просит. Я говорю—ну, хорошо.

Рогинский. На предварительном следствии вы также показывали?

Монкгауз. Я сказал, что о сумме не знал.

Рогинский. Напомним, как вы говорили на предварительном следствии.

Монкгауз. Я не писал.

Рогинский. Не давали ли вы показания, что вы об этом узнали только после возвращения из отпуска?

Монкгауз. Не из отпуска, а с Днепростроя.

Рогинский. Вот ваше показание от 26 марта: «Что Торнтон взял из кассы 3 000 рублей в совзнаках я узнал по своем возвращении из отпуска, обнаружив на своем счете эту сумму 2 000 рублей. Одну ты-

сячу рублей Торнтон отнес на какой-то другой счет, не знаю, какой именно. Когда я обратился к Торнтону за разъяснением, то он сообщил, что он деньги эти, т. е. 3 000 рублей, одолжил Долгову, сотруднику Электроимпорта».

Монкгауз. Правильно.

Рогинский. Это было после возвращения из отпуска?

Монкгауз. Это было после посещения Днепростроя.

Рогинский. Вообще после возвращения из вашей поездки. Ну, а согласовывание о выдаче этих денег имело место или нет?

Монкгауз. Точная сумма не согласовывалась.

Рогинский. А выдача займа?

Монкгауз. Были предварительные разговоры.

Рогинский. Значит вы свои показания, данные на предварительном следствии, меняете?

Монкгауз. Добавляю.

Рогинский. Меняете, ибо на предварительном следствии вы утверждали, что об этом узнали только после своего приезда из командировки. Дальше на 2-м допросе вы внесли следующую поправку: «Свое указание, что 3 000 рублей, одолженных Торнтоном Долгову, были отнесены на мой счет, оказалось неверным. Я выяснил в бухгалтерии, что все 3 000 р. были проведены по счету Торнтон. На мой счет была отнесена другая сумма в 2 000 рублей, которая однако относится к расходам по поездке в СССР руководителей управления «Метро-Виккерс», приезжавших тогда из Англии.

Дальше вы говорите, что вы обратились к Торнтону за разъяснением о том, зачем была выдана эта сумма Долгову? Помните это показание?

Монкгауз. Правильно.

Рогинский. Если вы знали, что эти деньги даны взаймы, то зачем обращаться к Торнтону за таким разъяснением?

Монкгауз. Я спрашивал, почему это нужно.

Рогинский. Ведь деньги даются в долг?

Монкгауз. Он сказал, что Долгов (хочет купить себе новую квартиру.

Рогинский. Если вы знаете, что Долгов хочет купить квартиру, что деньги даются для того, чтобы вывести Долгова из стеснительного положения, то зачем же обращаться к Торнтону за разъяснением о том, зачем даны эти деньги.

Монкгауз. Я не знаю, зачем.

Рогинский. При чем же здесь разъяснение?

Монкгауз. Вы использовали мое незнание русского языка.

Рогинский. Я ничего не хочу использовать, не хочу использовать вашего незнания русского языка, я задаю вопрос и прошу ответить. Если вам трудно ответить по-русски и вы не понимаете моего вопроса на русском языке, имеется переводчик, который может вам перевести.

Монкгауз. Я не хочу через переводчика.

Рогинский. Тогда нечего ссылаться, что вы слабо владеете русским языком. Я оглашу лист дела 226, том XIX: «Когда я спросил Торнтон, на что он израсходовал эту сумму...» и так далее.

Это ваши показания?

Монкгауз. Да.

Рогинский. Спрашивали вы Торнтон?

Монкгауз. Да.

Рогинский. Для чего вам надо было знать, на что Долгов израсходовал эту сумму?

Монкгауз. Если человек просит 3 000 рублей—это неожиданно.

Рогинский. Какой же вам интерес знать, куда он ее израсходует? Купит ли квартиру, автомобиль, мотоцикл. Какой интерес в этом вопросе?

Монкгауз. Я спросил у Торнтон, почему Долгову нужна эта сумма. Торнтон ответил, что он хочет купить квартиру.

Рогинский. Вот как вы ответили на этот вопрос на предварительном следствии: «Я спросил Торнтон, на что он израсходовал эту сумму. Он мне ответил, что мне лучше этого не знать».

Монкгауз. О, нет.

Рогинский. Тогда ваши показания на предварительном следствии нужно предъявить?

Председатель. Подсудимый Монкгауз, будьте любезны, подойдите сюда. Вот об этих показаниях идет речь.

Рогинский. Я обращаю внимание, что есть перевод и на русском языке и на английском, и на то, что показания подписаны Монкгаузом.

Монкгауз. Да, но это разговор о 250 рублях торгсиновских денег.

Рогинский. Я прошу удостоверить, что это было написано собственноручно подсудимым Монкгаузом.

Монкгауз. Правильно. Когда Торнтон сказал, что это лучше вам об этом не знать об этих деньгах, то это касается не 2 000 рублей, а 250 рублей, и это я вам объяснил.

Вышинский. Но эти 250 рублей торгсиновских бонн, это та же самая сумма?

Монкгауз. Та же самая.

Вышинский. Так в чем же дело?

Председатель. Может быть мы закончим этот допрос?

Вышинский. Я просил бы продолжить допрос, потому что у нас еще есть целый ряд вопросов. Подсудимый Монкгауз, скажите пожалуйста, не припомните ли вы ваши показания от 26 марта, где вы говорили о том, что вы не знаете, за что были Долгову даны 3 000 рублей. Может быть вам напомнить?

Монкгауз. Я сказал—не знаю, за что были даны. Торнтон сказал, что на квартиру.

Вышинский. Вы этого не говорили. Мы допрашивали: известно ли вам, за что были даны 3 000 рублей Долгову. Вы написали и потом подписали в только что предъявленном вам документе следующее: «За что были даны Долгову 3 000 рублей и почему Ричардс распорядился списать задолженность в сумме 250 рублей торгсиновскими деньгами—я не знаю». Значит 26 марта вы не знали?

Монкгауз. Я 26 марта писал, что не знаю, а лично говорил то, что мне говорил Торнтон, что на квартиру.

Вышинский. Гражданин Монкгауз, все то, что вы говорили на допросе, все это записано в протоколе?

Монкгауз. Нет.

Вышинский. Если нет, то вы должны были или сделать соответ-

I do not admit myself guilty of the charges made against me except point 4 in the ~~protestation~~ indictment ~~which is~~ & in this I admit my guilt in as much that I assisted to write off the amount - i.e. 3000 roubles which was given as a present to Dolgoff by Thornton.

I knew that Thornton brought various things for certain soviet ~~engineers~~ engineers & technicians but imagined that he received (money) for these things.

With regard to the receipt by me of various information of an economical character I confirm the statement which I made previously.

And finally, on the question of spending equipment and organizing break down I cannot give any statement because on this point I know nothing.

The accusation protocol has been read to me.

Translated & signed by me.

Alfred Monks

1st April 1933.

Допросил:

Следователь по Восточному

делам: *Шейнман*

Факсимиле собственноручного показания Монкгауза на английском языке (от 1 апреля, 1933 г.), в котором он признает себя виновным в соучастии в даче взятки инж. Долгову (см. стр. 13).

ствующие оговорки, или вы сейчас высказываете предположение о том, что на допросе под моим руководством было допущено извращение ваших показаний.

Монкгауз. Этого я не скажу. Там не записано все, что я сказал.

Вышинский. Вы сами делаете оговорку—«Записано мной собственноручно и соответствует фактам».

Монкгауз. Да, но...

Вышинский. Никаких «но». Вопрос ясен. Пойдем дальше. Известен ли вам случай, когда был сделан подарок некоему Вагнеру?

Монкгауз. Нет.

Вышинский. Позвольте предъявить показание 26 марта, где было сказано: «Тем же объясняю и подарок, сделанный Вагнеру».

Монкгауз. Вы мне показали показания Торнтонна, где он говорит о подарке Вагнеру.

Вышинский. Совершенно правильно, и вы объясняли этот подарок Вагнеру так же, как и подарки, которые делались Торнтонном разным инженерам?

Монкгауз. Правильно.

Вышинский. В таком случае—подтверждаете вы или нет эту вашу запись, где говорится, что дача денег инженерам объясняется тем, что как раз они и давали вам и Торнтону информации о будущих заказах на электрооборудование. «Вернее,—говорили вы,—я так предполагаю».

Подтверждаете это?

Монкгауз. Подтверждаю.

Вышинский. Позвольте считать, что нами установлено, что Торнтон давал подарки разным русским инженерам и техникам за то, что они давали информации о будущих заказах на электрооборудование.

Монкгауз. Вы мне показали показания Торнтонна, где он писал о подарках, и я сказал, что я предполагаю.

Вышинский. Итак, у вас такая практика была—давать подарки за такие сведения?

Монкгауз. Я лично никогда не давал.

Вышинский. Если бы было так в Англии, то как по английским законам были квалифицированы эти подарки? Можно сказать, что по английским законам это была взятка?

Монкгауз. Это маленький подарок, это не взятка.

Вышинский. А большой подарок?

Монкгауз. Это большая разница.

Вышинский. Я знаю, что между большим и малым подарком есть всегда разница.

Монкгауз. Если вам человек помогает, то вы даете подарок. Наши монтеры на строительстве получают награды, это не есть взятка.

Вышинский. Я не спрашиваю о ваших, я спрашиваю о наших. Когда даются подарки для того, чтобы скрыть дефекты, узнать сведения, то это считаете нормальным?

Монкгауз. Если человек помог вам сделать что-нибудь, то я считаю подарком.

Вышинский. Вы такого рода подарки считали нормальным? Мне важно установить вашу точку зрения. Вы такие подарки считаете нормальными?

Монкгауз. Если это делается с целью подкупить человека, это ненормально, а если дается за помощь, это я считаю нормальным.

Вышинский. И если дается для того, чтобы человек не предъявил претензии, то это что? Это значит подкупить.

Монкгауз. Это не подкупить. Если у меня была ошибка, а он мне помог исправить, это подарок.

Вышинский. Вопрос ясен.

Председатель. У прокуратуры вопросы еще есть?

Вышинский. Нет.

Председатель. У защиты есть вопросы?

Брауде (к Монкгаузу). Не будете ли вы добры объяснить перевод этих 3000 рублей с личного счета Торнтонна на «переходящие суммы»?

Монкгауз. Торнтон очень аккуратный человек. Каждый месяц он проверяет свой личный счет. Понятно, что он не хотел иметь на своем счете этих денег. Поэтому было возбуждено ходатайство о переводе этих денег на счет переходящих сумм, а потом я по этому поводу обратился к начальнику Ричардсу, который дал разрешение списать эту сумму.

Коммодов (к Монкгаузу). Давайте установим следующий факт: Торнтон говорит, что, когда он с вами разговаривал об этом, вы просили взять расписку. Деньги были даны в вашем отсутствии, вы в это время были на Днепрострое. Когда вы вернулись, вас поставили перед этим фактом. Так вот расписка, которую вы просили взять,—не взята?

Монкгауз. Не взята.

Коммодов. Деньги даны—не возвращаются. Вы просили взять расписку—она не берется. В вашем личном сознании создается такое впечатление, что деньги были даны как подарок?

Монкгауз. Сначала—нет. Я Долгова хорошо знаю, я с ним ездил на Челябинск, 6 дней мы были вместе в поезде, я считаю его очень честным человеком, который хорошо работает. Я ему доверял и думал, что он деньги вернет обратно.

Коммодов. Долгов бесспорно и честный человек и хорошо работает. Вы сами знаете, что он вернул вам стоимость железнодорожных билетов, но вернемся к установленным фактам: вы просили взять расписку—не взята расписка, деньги были взяты без вас—деньги не возвращаются. Не создало ли это у вас впечатление, что был дан подарок?

Монкгауз. Сначала—нет. Я никогда не смотрел на эту сумму, как на подарок, но когда деньги не были возвращены обратно, я подумал, что это явно пахнет подарком. Поэтому, когда Ричардс был здесь, мы решили эту сумму списать. Это было 5 месяцев после того, как деньги были даны.

Коммодов. Значит в это время у вас уже создалось впечатление, что это именно подарок?

Монкгауз. У меня создалось впечатление, что Долгов смотрит на это как на подарок.

Коммодов. Долгов смотрел на это так, как каждый честный

человек должен смотреть, но в вашем личном сознании не создается такого впечатления, что это был подарок.

Вы предлагаете взять расписку. Расписку не берут, дают деньги без вас. Вы приезжаете, вас ставят перед фактом. Вы каждый месяц спрашиваете: когда погасят. Не погашают. Разве это не должно создавать определенного впечатления?

Монкгауз. Я Торнтону доверял.

Коммодов. Не создавало впечатления потому, что доверяли Торнтону.

Либсон. Подсудимый Монкгауз, что у вас в фирме Московской конторы были еще и еще такие случаи, когда русскому инженеру, соприкасающемуся с работой вашей фирмы, давали займы по 3 000 рублей?

Монкгауз. Нет.

Председатель. У защиты нет вопросов к свидетелю?

Коммодов. Товарищ Долгов, вы подтверждаете свои показания, данные на предварительном следствии (том XIX, лист дела 359) в той части, где вы говорили о железнодорожном билете?

Долгов. Да, подтверждаю.

Председатель. У подсудимых нет вопросов к свидетелю?

Подсудимые. Нет.

Председатель. У прокуратуры нет вопросов к свидетелю?

Прокуратура. Нет.

Председатель. Свидетель Долгов, вы свободны.

Переходим к Котляревскому. Подсудимый Котляревский.

Подсудимый Котляревский, расскажите в двух словах вашу биографию.

Котляревский. Я родился 21 апреля 1904 года в городе Бодринцы, в семье рабочего слесаря. Отец работал по найму в различных кустарных и промышленных предприятиях. Затем, в 1912 году имел свою слесарную мастерскую. В 1914 году он был мобилизован в армию рядовым.

В 1914 году я поступил в приходскую школу, в которой учился один год. Затем поступил в высшее начальное 4-классное училище, которое окончил в 1919 году. В 1919 году поступил в мужскую гимназию в том же Бодринце. В 1920 году перешел из 5-го класса в 6-й. Гимназия была закрыта. С 1920 по 1921 год я ничего не делал, не учился. В 1921 году поступил в Одессе на подготовительные курсы в Одесский политехнический институт. Эти курсы я окончил в 1922 году, а потом уже поступил в институт. В 1927 году я институт закончил. Получил диплом инженера-механика. Это было в июне 1927 года. В сентябре 1927 года я поступил на Штеровскую электростанцию на должность дежурного теплотехника, в которой работал до марта 1929 года. С марта 1929 года примерно по май-июнь месяц 1930 года работал дежурным инженером по станции. Затем был старшим инженером теплосилового отдела и был заведующим машинным залом Штеровской электростанции. В связи с имевшим место наводнением на Штеровской электростанции в июле 1931 года я был снят с работы, месяц жил на Штеровке, выдав подписку о невыезде органам ГПУ Краснолужского района. Затем был переведен в Харьков на работу в Донэнерго в качестве инженера турбинной группы. В конце октября 1931 года я был направлен в командировку на Зуевскую электростанцию на 3 месяца. На Зуевской электростанции

я пробыл 9 месяцев, потому что меня раньше не отпустили. Уехал оттуда 29 июля 1932 года. Я был в Одессе, потом в Москве с семьей, затем семью отвез в Одессу, вернулся в Москву к 25 ноября 1932 года, поступил работать в Оргэнерго старшим инженером. Там я работал по день ареста, причем 2½ месяца был в командировке в Казани на казанской электростанции.

Председатель. Женаты?

Котляревский. Женат и есть ребенок.

Рогинский. Вы на Зуевской электростанции в какой должности работали?

Котляревский. Заведующим турбинным отделом.

Рогинский. С какого по какой год?

Котляревский. С 1 ноября 1931 года. По какое время — точно установить трудно, потому что из декретного отпуска я вернулся на Зуевку 23 июля 1932 года, причем приказ об освобождении меня от должности был отдан в мое отсутствие — 11 июля того же года. При этом было указано, что это сделано по моему соглашению, и это соответствовало действительности, потому что я все время старался оттуда уйти.

Рогинский. Значит все ваше пребывание на Зуевской электростанции исчисляется примерно в 9 месяцев?

Котляревский. Примерно в 9 месяцев, даже меньше, потому что последние 2 месяца я фактически там не был.

Рогинский. По своей работе как заведующий турбинным отделом вы часто должны были сталкиваться с монтерами, которые проводили монтаж турбин?

Котляревский. Да конечно, потому что они работали в турбинном отделе, монтировали машины, а я заведывал цехом.

Рогинский. С кем вам чаще приходилось встречаться?

Котляревский. С Макдональдом.

Рогинский. Вам было известно, представителем какой фирмы является Макдональд?

Котляревский. Да, конечно.

Рогинский. Вы встречались с ним только в служебной обстановке, или встречи эти затем были расширены и происходили уже вне служебной обстановки?

Котляревский. Сначала в служебной обстановке, потом у него на дому, реже у меня.

Рогинский. Вы бывали у него, и он бывал у вас на квартире?

Котляревский. Да, но последнее реже, значительно чаще я бывал у него.

Рогинский. И эти встречи происходили часто?

Котляревский. Да, часто.

Рогинский. Отношения у вас установились дружеские, близкие?

Котляревский. Да.

Рогинский. На какой почве вы сблизились с Макдональдом?

Котляревский. На Зуевке я жил один. Семья осталась жить в Харькове. Знакомых почти не было. Мне пришлось быть у Макдональда по поводу составления предварительной первой инструкции по обслуживанию турбин во время эксплуатации. У Макдональда был

патефон, с очень хорошими пластинками. Я очень люблю музыку, и на этой почве и потом вообще он на меня произвел хорошее впечатление, и я начал бывать у него все чаще и чаще.

Рогинский. Вначале на музыкальной почве произошло сближение, а затем может быть на несколько иной почве?

Котляревский. Да.

Рогинский. На более глубокой. У вас политические разговоры с Макдональдом были?

Котляревский. Когда?

Рогинский. В период этого сближения.

Котляревский. Вероятно были, потому что я не представляю...

Рогинский. С какого времени те политические беседы, разговоры, которые происходили с Макдональдом, привели к тому, что вы стали Макдональду оказывать известные услуги, выходящие за пределы ваших служебных отношений?

Котляревский. Мне трудно так ответить. Я в своем показании, данном на предварительном следствии, сказал, как все было, вероятнее всего, что все разговоры, которые мы вели, и привели к этому, но сказать, как это повлияло — я затрудняюсь.

Рогинский. Какие предложения или поручения вам делал Макдональд вначале вашего сближения и какие поручения вы выполняли по его просьбе?

Котляревский. Он меня просил вначале сказать ему, каким образом предполагается расширение в будущем Зуевки.

Рогинский. Расширение Зуевской электростанции. Затем?

Котляревский. Затем он просил меня достать ему схемы, составлявшиеся там на электростанции, маслопроводов, турбин, затем трубопроводов к уплотнениям, затем к циркуляционной воде, конденсаторной, затем просил достать чертежи здания станции. Это я ему все достал.

Рогинский. Эта просьба Макдональда была вами выполнена?

Котляревский. Да.

Рогинский. Помимо этих поручений, еще какие-нибудь поручения, более активного свойства, были вам даны?

Котляревский. Да.

Рогинский. Какие это поручения?

Котляревский. Макдональд предложил мне не обращать внимания на дефекты оборудования и давать неправильную оценку тем авариям, которые будут происходить с турбинами.

Рогинский. Соккрытие дефектов оборудования и неправильная оценка тех аварий, которые будут происходить с турбинами?

Котляревский. Правильно. Затем Макдональд предложил мне произвести порчу одной из турбин таким образом, чтобы турбина, на возможно продолжительный срок, была выведена из строя.

Рогинский. Значит сначала сведения, соккрытие дефектов оборудования, неправильная оценка происходящих аварий и затем уже предложение прямой диверсии. Так?

Котляревский. Да.

Рогинский. Какие ваши последние акты относятся к вашей конкретной вредительской деятельности?

Котляревский. Это авария с генератором № 3.

Рогинский. Дальше?

Котляревский. Больше ничего.

Рогинский. Что было вами проделано с генератором № 3?

Котляревский. Мною был вставлен болт в междужелезное пространство генератора.

Рогинский. Результат?

Котляревский. Результат такой: нанесены повреждения ротору генератора, то есть сильные борозды на его поверхности, повреждение железным пакетом статора генератора. Это вызвало задержку работы турбины примерно на 10 дней, потому что в эти 10 дней была выемка ротора, ликвидация, поскольку возможно, тех дефектов, которые были причинены.

Рогинский. Это тот конкретный диверсионный акт, который был совершен лично вами?

Котляревский. Да.

Рогинский. А в части сокрытия вредительских актов, совершенных иными членами вредительской группы, организованной на Зуевской станции?

Котляревский. Вы спрашиваете — скрывал ли я акты, которые делали другие?

Рогинский. Да.

Котляревский. Это мне неизвестно.

Рогинский. А насчет аварий с масляными насосами известно?

Котляревский. Мне известно, что Макдональд говорил, что в масляных насосах материал недоброкачественный, аварии с ними возможны, причем предупреждал, что этому нужно придавать другой характер — объяснять это иначе.

Рогинский. Предупреждал ли он вас о том, что аварии произойдут?

Котляревский. Это было сказано в таком виде, что аварии могли быть и будут.

Рогинский. Вы поняли так, что аварии будут?

Котляревский. Понял.

Рогинский. И никаких шагов к устранению этих дефектов вами не было предпринято?

Котляревский. Да.

Рогинский. Это вы скрывали?

Котляревский. Да, пожалуй.

Рогинский. У меня в связи с этими показаниями вопрос к Макдональду. Гражданин Макдональд, вы слышали показание Котляревского?

Макдональд. Слышал.

Рогинский. В своем показании от 2 апреля 1933 года вы указываете: «На 1-й и 3-й турбинах были аварии с масляными насосами, которые были засорены». Это то, о чем говорит сейчас Котляревский?

Макдональд. Да.

Рогинский. Это самое?

Макдональд. Да.

Рогинский. Подсудимый Котляревский, и вы имеете в виду аварию с этими масляными насосами?

Макдональд. Да.

Рогинский. Здесь расхождения с показаниями Макдональда нет?

Котляревский. По-моему нет.

Рогинский. И у Макдональда нет расхождения с показаниями Котляревского?

Макдональд. Нет.

Рогинский. Подсудимый Макдональд, вы слышали показания Котляревского об аварии на генераторе № 3. Вот вы что показывали: «Эта авария произошла вследствие оставления болта в междужелезном пространстве». Вы это подтверждаете?

Макдональд. Подтверждаю.

Рогинский. Значит Котляревский был тем лицом, который это произвел?

Макдональд. Я не знаю, сам ли он это сделал, но это было сделано.

Рогинский. Вы так и показывали: «Сделали это Фомичев или Котляревский», мы это выяснили.

Подсудимый Котляревский, за деятельность, которую вы проводили на Зуевской электростанции, вы денежное вознаграждение получали?

Котляревский. Одну тысячу рублей.

Рогинский. Эта тысяча рублей была дана единовременно, сразу или в несколько приемов?

Котляревский. В два приема по 500 рублей.

Рогинский. У меня больше вопросов нет.

Председатель. У защиты вопросы есть?

Либсон. У меня есть вопрос.

Председатель. Пожалуйста.

Либсон. Скажите пожалуйста, подсудимый, вам сейчас 29 лет?

Котляревский. Да.

Либсон. Как вы рассказали суду, вы все образование получили при советской власти, в советских школах. Так?

Котляревский. Не совсем. Только высшее образование.

Либсон. Семья ваша трудовая?

Котляревский. Да.

Либсон. Вы жили все время в этой семье?

Котляревский. Исключая непродолжительное время, когда я жил в Одессе, примерно 1½—2 года. Я тогда жил в комнате. Потом мои родители в 1923 году переехали тоже в Одессу, и я опять жил с ними.

Либсон. Все время жили в трудовой обстановке, в трудовой атмосфере?

Котляревский. Да.

Либсон. Будьте добры объяснить суду, какие мотивы руководили вами в той деятельности, о которой вы так откровенно рассказали. Что вас толкнуло на это. Как это объяснить?

Котляревский. Это произошло таким образом: в первый раз, когда Макдональд просил меня дать сведения относительно расширения станции, я ему эти же сведения тут же рассказал, потому что мне как заведующему машинным залом и одному из высшего технического персонала на станции это было известно.

Может быть рассказать несколько детальнее?

Председатель. Вы скажите, какие мотивы побудили вас к этой деятельности?

Либсон. Разрешите вопрос уточнить. Будьте добры рассказать суду, как вы подошли впервые к разговору с Макдональдом. При какой обстановке произошел разговор, закончившийся впервые получением денег? Что из этого в дальнейшем получилось и как это случилось, что вы, при вашей биографии, решились на это?

Котляревский. Макдональд просил меня сообщить ему сведения о расширении станции. Я тут же рассказал ему об интересующих сведениях. Он меня просил сообщить точные данные, потому что я ему сказал не вполне определенно. Через день или два, в следующий мой приход, я ему сказал об этом. В тот же вечер у нас зашел разговор в порядке общего разговора относительно моего стесненного денежного положения, потому что я жил в Зуевке, а семья моя жила в Харькове. Эти разговоры у нас были и раньше, и он о моем положении знал. Он предложил мне займы 500 рублей. Я, не видя в этом ничего, деньги взял.

Председатель. Взял деньги определенно займы?

Котляревский. Да, займы.

Либсон. А инициатива этого предложения от кого исходила?

Котляревский. Об этом мне сейчас трудно вспомнить.

Либсон. Что же дальше?

Котляревский. Затем, после этого он просил меня достать ему чертежи здания станции. Эти чертежи я ему достал, потому что я в этом не видел ничего особенного, и затем, имея на руках его деньги, я чувствовал себя несколько обязанным. Когда я чертежи принес, он мне передал вторые 500 рублей. Я их не хотел брать, потому что я еще те первые не вернул. Он мне тогда открыл глаза на это дело, объяснив, что я, передавая сведения, делал то, что делать нельзя было. Я деньги взял.

Либсон. Скажите, правильно ли я вас понимаю: стало быть до того, как получить первые 500 рублей, вы ему оказывали услуги просто в силу дружеских отношений?

Котляревский. До того, как получить первые 500 рублей.

Либсон. До сведений о расширении?

Котляревский. Да, это было до того.

Либсон. Носили ли эти сведения секретный характер или вообще не подлежали оглашению? Как вы понимали?

Котляревский. Я тогда в этом секрета не видел.

Либсон. Это была прямая просьба, обращенная к вам, сообщить эти сведения?

Котляревский. Да.

Либсон. Помимо вас—имел ли он возможность официально получить сведения о предполагающемся расширении станции?

Котляревский. Может быть и мог.

Либсон. Но вы поняли, что это обращение Макдональда к вам за дружеской услугой?

Котляревский. Да, я ничего здесь не подозревал.

I have handed Kollinovsky, Vasilieff and Fomitcheff from Zuyevs about two thousand roubles for their damaging and spying activities. Money was given to each of them separately. I gave Kollinovsky about one thousand roubles.

Kollinovsky had given me information on the Stresovaya Power Station which worked in parallel with Zuyevs. He had also given other information that I have mentioned in my previous testimony.

I did not know Vilenitsky and have never met him.

There was on the first and third turbine a breakdown of the oil pump owing to this being left in a dirty condition. This damage was done by Vasilieff under my instructions.

W. Macdonald.

3-IV-33

I hereby add that in June or July 1932 there was organized a breakdown of the third generator. This breakdown took place as a result of leaving a bolt in the air gap of the generator. This was done under my instruction by Fomitcheff or Kollinovsky.

W. Macdonald.

3-IV-33.

Следователь
по важнейшим делам. [Signature]

Либсон. Вот эти чертежи здания вы принесли после того, как получили займы?

Котляревский. После.

Либсон. Сколько времени прошло с того момента, когда он впервые предложил взять 500 рублей займа и когда попросил принести чертежи здания?

Котляревский. Это несколько дней.

Либсон. Чертежи здания представляли из себя секрет для Макдональда, вернее от Макдональда или нет. Как вы понимаете?

Котляревский. Я не знаю. Может быть через главного инженера он и мог бы получить, но он просил меня достать.

Либсон. Но как вы понимали—эта просьба есть поручение секретного порядка или просьба о дружеской услуге, чтобы не обращаться к главному инженеру, с которым трудно ему разговаривать?

Котляревский. Можно сказать так, тогда я этому значения не придавал.

Либсон. Ну, хорошо. Когда вы давали чертежи здания, как расценивали вы этот поступок? Считали ли вы, что в данном случае совершаете если не преступление, то во всяком случае не этический поступок, делаете то, что не следовало бы по вашему должностному положению делать. Или у вас этих подозрений не было?

Котляревский. Нет. У меня этих подозрений не было. У меня были дружеские отношения с Макдональдом.

Либсон. Вы каждый день виделись?

Котляревский. Каждый день на службе.

Либсон. И потом жизнь протекала вместе в общежитии?

Котляревский. Сначала вместе в гостинице, а потом он переехал на отдельную квартиру.

Либсон. Следовательно прошло два дня. После этого он вас попросил принести чертежи. Когда вы сдали ему чертежи, как он вам дал деньги—сразу?

Котляревский. Сразу.

Либсон. Вы не просили?

Котляревский. Нет.

Либсон. А когда вы попытались отказаться от этих денег, что он вам сказал?

Котляревский. Я точно не помню. Но во всяком случае он сказал мне, что я передаю сведения ему, иностранному подданному, и что советский инженер это не должен делать, что если об этом узнают, то это для меня будет связано с неприятными последствиями.

Либсон. Так. Что вы на это ответили?

Котляревский. Я уже не помню, что я ответил, потому что это довольно трудный разговор.

Либсон. Но деньги вы взяли?

Котляревский. Деньги я взял. Да.

Либсон. Может быть вы объясните суду, почему вы об этом сейчас же не сообщили, куда следовало, что вот, мол, вы попали в какую серьезную историю: сначала дружеские одолжения, потом все это превратилось в преступление.

Котляревский. Потому что я боялся последствий.

Либсон. В каком смысле—последствий?

Котляревский. В том смысле, что я буду привлечен к ответственности за те сведения, которые я передавал, и вообще за эту связь.

Либсон. И после этого вам никаких денег не давали?

Котляревский. Нет.

Либсон. Все последующие шаги вы совершали, не получая еще денег?

Котляревский. Да.

Либсон. Вы приехали на Зуевку в ноябре месяце?

Котляревский. 1 ноября.

Либсон. Впервые вы деньги получили от него когда?

Котляревский. Я не помню точно, вероятно в январе. Что-нибудь в этом духе.

Либсон. А от ноября до января следовательно никаких разговоров у вас с ним не было?

Котляревский. Мы постепенно сближались.

Либсон. Я понимаю. Но разговоров такого рода, как просьба, обращенная к вам, не было?

Котляревский. Нет.

Либсон. Сколько же время продолжалась эта ваша преступная деятельность? На протяжении какого времени произошли аварии, которые вы скрыли, аварии, которые вы совершили?

Котляревский. Примерно 4—5 месяцев.

Либсон. Вы уехали из Зуевки в июле месяце?

Котляревский. 1 июня в разрешенный мне отпуск на 8—10 дней, 12 вернулся и 20 уехал в декретный отпуск. Вернулся 23 и 29 уехал совсем.

Либсон. Как вы рассказывали, после Зуевки вы уже начали работать в Москве. Вы здесь встречались с Макдональдом?

Котляревский. Я один раз виделся с ним в конторе.

Либсон. Здесь какой-нибудь разговор у вас был или нет?

Котляревский. Никаких разговоров на такую тему не было.

Либсон. Не было ли разговоров о том, куда вы направляетесь на работу, где будете работать?

Котляревский. Нет, я сам этого не знал.

Либсон. Вы этого сами еще не знали. Теперь еще такой вопрос. Давая сведения о своей биографии, вы сказали, что не выезжали, дав подписку ОГПУ о невыезде. Где, когда и почему это было?

Котляревский. 13 июля 1931 года на Штеровской электростанции было наводнение, вследствие которого станция стояла 11 часов. В связи с этим было снято с работы 5 человек: я, Фомичев, который был в то время мастером моего отдела, дежурный инженер, начальник станции и еще кто-то—не помню. 15 числа меня вызвали в Краснолужское отделение ОГПУ. Там следователь со мной говорил, был допрос, и с меня была взята подписка о невыезде. Через пару дней меня вызвали еще раз. Я приехал, но следователя не оказалось. На следующий день он меня вызвал уже на Штеровку и в конторе станции задал мне несколько вопросов, которые были написаны на листе. Я ему дал ответы, и больше он меня не вызывал, больше допросов не было. Я ездил несколько раз, потому что интересовался, чем это дело кончится, и кажется 14—15 августа подписка о невыезде была снята.

Либсон. Вопрос был исчерпан, и обвинение вам не было предъявлено?

Котляревский. Не было предъявлено.

Либсон. Разрешите задать вопрос Макдональду. Обвиняемый Макдональд, вы слышали показание Котляревского. Вы подтверждаете это показание во всех частях?

Макдональд. В общем да.

Либсон. А в частности? Меня интересует—во всех ли частях вы подтверждаете, все ли, что показал Котляревский, соответствует действительности, действительно ли все это было так, как он рассказывает?

Председатель. В части, которая касается Макдональда?

Либсон. Да, конечно, то, что касается Макдональда.

Макдональд. Да.

Председатель. У кого есть еще вопросы Котляревскому?

Смирнов. Скажите мне. Эти сведения, чертежи здания, станции, расширение электростанции—они секретны или нет?

Вышинский. Разрешите мне, с согласия защиты, сделать заявление, которое упростит допрос по этому эпизоду. Здесь товарищи Либсон и Смирнов. ведут допрос в части, касающейся секретных сведений и шпионажа. Я хотел бы обратить внимание, что подсудимому Котляревскому вменяются в вину преступления, предусмотренные статьями 58-7, 58-9 и 58-11, а обвинение по шпионажу прокуратура к Котляревскому не предъявляет.

Смирнов. Но касается ли это Макдональда в данном эпизоде?

Вышинский. В этой части и Макдональду не предъявляется такого обвинения.

Смирнов. Тогда этот вопрос ясен. Но у меня есть другой вопрос. Этот генератор № 3 чьей фирмы?

Котляревский. «Метро-Виккерс».

Смирнов. А турбины №№ 1 и 3?

Котляревский. Тоже. Все три турбины этой фирмы.

Смирнов. Таким образом выходит, что дело касалось порчи своих собственных машин, то есть машин своей фирмы?

Котляревский. Да.

Смирнов. В каких целях, как вы понимали, предлагалась вам эта порча. Вы понимаете мой вопрос? Я понимаю, что можно предложить испортить чужую машину, чужой фирмы, вывести ее из строя с тем, чтобы получить заказ на поставку своей машины?

Котляревский. Выводя из строя машины, установленные на электростанции, которая снабжает энергией рудники и заводы Донбасса, ясно, что наносился ущерб промышленности Союза.

Смирнов. Так вы и понимали, что это умысел прямого вредительства—нанести вред промышленности Донбасса?

Котляревский. Да, потому что он значительно крупнее того непосредственного вреда, который наносится генератору.

Смирнов. Когда произошла порча вот этих масляных насосов при турбинах №№ 1 и 3?

Котляревский. Это было примерно в марте-апреле месяце.

Смирнов. Макдональд в это время был в Зуевке или в отъезде?

Котляревский. Не помню точно, но по-моему его не было. Он кажется с первых чисел марта и по 17 или 18 апреля был в отпуску в Англии.

Смирнов. Таким образом это вредительство было совершено в отсутствие Макдональда?

Котляревский. Аварии произошли в отсутствие Макдональда.

Смирнов. Но он ранее вас предупреждал о том, что такие аварии могут произойти?

Котляревский. Да.

Смирнов. Он предупреждал вас, как инженера, заведующего машинным залом?

Котляревский. Конечно так. Ведь он давал мне конкретные задания по этому поводу.

Смирнов. Будем брать пока совершенно объективные факты. Макдональд перед отъездом в отпуск вас предупреждал, что с генераторами №№ 1 и 3 не все благополучно, что на них могут произойти аварии с масляниками насосов?

Котляревский. Да.

Смирнов. Когда Макдональд уезжал в Англию, то оставались ли какие-нибудь английские монтеры на Зуевке?

Котляревский. Да. Там был Корнелл, был Эллиот. Было несколько монтажных инженеров.

Смирнов. И были английские монтеры?

Котляревский. Да.

Смирнов. Они обязаны были наблюдать в отсутствие Макдональда за этими генераторами?

Котляревский. Конечно.

Смирнов. Вытекает ли из этого, что также и Корнелл и остальные были осведомлены о том, что эту аварию нужно допустить?

Котляревский. Я этого не знаю.

Смирнов. Фактически кто ее допустил, чей недосмотр, чей непосредственный поступок допустил эту аварию? Факт такой: Макдональд уезжает в Англию. Перед своим отъездом вас как заведующего машинным залом он предупреждает, что с такими-то двумя турбинами не все благополучно, там может произойти авария, потому что там насосные масляники не в порядке. Остается три английских монтера, один из них инженер, двое просто монтеры. Кто же допустил эту аварию фактически?

Котляревский. Во-первых, я допустил, потому что не сообщил кому следует, а во-вторых, я не знаю, может быть кто-нибудь знал о неисправности масляников, но это допустил.

Смирнов. Я не знаю ваших функций, но надлежит вам в качестве заведующего машинным залом смотреть за состоянием масляных насосов на турбинах или для того приставлены особые люди?

Котляревский. Имеется определенная структура: я—заведующий, у меня есть мастер, у него есть помощник, но это входит и в мои обязанности.

Смирнов. Но кто первый должен предусмотреть беспорядок в мас-

ляных насосах, кто должен первый сигнализировать о принятии мер или потребовать каких-нибудь распоряжений относительно принятия мер—заведующий машинным залом или какие-то лица, стоящие близко и непосредственно к работе?

Председатель. Известно ли гражданину защитнику, что в связи с этим делом арестован целый ряд лиц, в отношении которых ведется дознание? Об этом должно быть известно из обвинительного заключения по этому делу.

Смирнов. Это мне известно.

Председатель. Зачем же вы говорите здесь еще об английском инженере Корнелле, зачем это вам понадобилось? Повторяю, вы знаете, что в связи с этим делом произведен арест ряда советских служащих, которые обвиняются в целом ряде преступлений. Этим лицам допрашивают. Поэтому ваш вопрос о тех, кто здесь не присутствует, является бесцельным.

Смирнов. Тогда позвольте задать еще один вопрос.

(К подсудимому Котляревскому).

Вы говорите, что вам эти деньги—500 рублей и еще 500 рублей—были даны до того, как вы доставили сведения о расширении станций, и после того, как вы представили чертежи здания?

Котляревский. Нет, я так не говорил. Я говорил иначе. Если хотите, я повторю. Я дал сведения относительно расширения, и мне было дано 500 рублей. Мне было предложено дать чертежи, я их дал, и мне дали второй раз 500 рублей.

Смирнов. Значит вам 1000 рублей была дана после того, как вы представили сведения, а за производство этих диверсионных актов вам никаких денег не давалось. Так?

Котляревский. Так.

Смирнов. У меня больше вопросов нет.

Либсон. У меня есть вопрос.

Скажите, Котляревский, часть аварий, о которых идет разговор, на Зуевской станции проистекала из-за низкого качества оборудования и дурного монтажа. Так или нет?

Котляревский. Да, это авария с насосами.

Либсон. Определенно?

Котляревский. Да.

Либсон. Скажите, когда вы приехали на работу в ноябре месяце, монтаж был закончен?

Котляревский. Полностью закончен не был, но я никакого отношения к этому не имел.

Вышинский. Разрешите мне вопрос. Вы говорите, что монтаж был плохой, но если бы монтаж был идеальным, а вы всунули бы в междужелезное пространство железный предмет, авария могла бы произойти?

Котляревский. Да.

Вышинский. Так что ссылка на то, что был плоховат монтаж, не играет роли, факт вредительства остается?

Котляревский. Здесь речь идет о разных вещах. Болт был остав-

лен в междужелезном пространстве генератора. О монтаже генератора здесь не говорится.

Вышинский. Монтаж не при чем?

Котляревский. Да.

Либсон. Тогда разрешите мне еще задать вопрос. Вы произвели порчу генератора, всунув болт в междужелезное пространство. А все остальные аварии происходили на почве плохого монтажа?

Вышинский. Какие аварии?

Либсон. Маслопроводов, масляных насосов.

Котляревский. Вы говорите о масляных насосах. Масляные насосы портились как из-за относительно скверного монтажа, так и из-за скверного материала.

Рогинский. А из-за скверного обращения с ними. Я говорю—засорения?

Котляревский. Засорение имело место.

Вышинский. Это от монтажа зависит?

Котляревский. Нет.

Либсон. Вы имели отношение к засорению?

Котляревский. Нет. Разрешите сказать—о каком засорении идет речь. Я говорю вот о чем: во время монтажа машин тут же производились строительные работы в помещении, и из-за этого в машинном зале всегда стояла пыль.

Зеликов. Подсудимый Котляревский, вы знали об этом засорении?

Котляревский. Да.

Зеликов. Вы как начальник машинного зала должны были принять меры, сообщить начальнику?

Котляревский. Я сообщал непосредственному начальнику, затем и говорил, правда, неофициально, заведующему.

Зеликов. Вы обязаны были принять непосредственные меры?

Котляревский. Я заведывал эксплуатацией турбин, а строительные работы велись строительным отделом Оргэнерго.

Зеликов. Вы в категорической форме должны были сообщить?

Котляревский. Я в категорической форме сообщал инженеру, что дальнейшее ведение работы в таком виде приведет к аварии машин.

Рогинский. Это было до вашего разговора с Макдональдом, а после разговора эти предупреждения прекратились?

Котляревский. Я не помню. Если говорил после разговора, то это случайно.

Рогинский. После беседы с Макдональдом ваши требования о соответствующей обстановке эксплуатации масляных насосов прекратились? Вы закрыли глаза на те дефекты, которые там имели место?

Котляревский. Я точно не помню, когда мною были написаны записки, но вероятно так.

Рогинский. Вопросов у меня больше нет.

Председатель. Больше вопросов нет?

Вышинский. Мне интересно уточнить одно только место. На предварительном следствии, гражданин Котляревский, вы показывали сле-

дующее: «Мне известно, что на турбинах №№ 1 и 3 вследствие плохой работы масляных насосов произошли аварии, в результате чего одна турбина стояла около 2 недель, а другая турбина меньше. Аварии произошли после моего разговора с Макдональдом. Я действительно никакого шума не поднимал как после первой, так и после второй аварий. Знаю, что вскоре после аварии была создана комиссия в количестве 6—7 инженеров, которые без моей помощи пришли к выводу, что причиной аварии на турбине является плохая конструкция главного масляного насоса. Мне приходилось в таких случаях пост-фактум присоединяться к решениям комиссии».

Котляревский. Это все верно.

Вышинский. У меня больше вопросов к Котляревскому нет.

Председатель. Есть ли вопросы у защиты?

Защита. Нет.

Председатель. Есть ли у подсудимых вопросы к Котляревскому?

Монкгауз. У меня есть вопрос. Гражданин Котляревский скрывал этот дефект с масляными насосами?

Котляревский. Да.

Монкгауз. Как он объясняет тогда, что об этом было телеграфировано в Москву, мы немедленно сообщили в Англию, откуда прислали два новых масляных насоса, которые пришли на станцию Зуевка и были распакованы?

Котляревский. Я не понял, о какой телеграмме идет речь.

Монкгауз. О телеграмме, которую, я думаю, послал сам Макдональд.

Котляревский. Ведь это после аварии.

Вышинский. А дефекты вы вскрыли тоже после аварии?

Котляревский. После аварии я присоединился к мнению комиссии.

Вышинский. Когда авария произошла, можно было скрыть дефекты?

Котляревский. Нет, там о них говорили.

Вышинский. У вас комиссия была сейчас вслед за аварией, или прошел известный промежуток времени?

Котляревский. Я не помню, кажется сейчас же.

Монкгауз. Он сказал, что он передал чертежи здания станции Макдональду. Может он точно сказать, какие чертежи он передал?

Председатель. Это неважно. Подсудимому Котляревскому не предъявляется обвинения в шпионаже.

Монкгауз. Тогда другой вопрос относительно этого болта, который был найден в междужелезном пространстве генератора. Может он сказать, какого размера был болт?

Котляревский. Я не помню. Дело в том, что я в мастерской своей взял первый попавшийся болт, который, по моим соображениям, мог туда войти, приблизительно на полдюйма. Он был потом найден сломанным на две части.

Монкгауз. Можете вы объяснить, как вы всунули туда этот болт?

Котляревский. Это очень просто: когда крышка была открыта (я на станции задерживался иногда до поздней ночи), это было вечером или ночью, во всяком случае на третьей машине никого не было,

остальные машины работали, и в эту машину я вставил болт. Это никакого труда не составляет.

Монкгауз. Видели ли вы, что на крышке отсутствовал болт? Где тот болт, который был вынут из крышки?

Котляревский. Я не знаю точно, о чем он говорит. Я думаю, что речь идет вот о чем. На одной из крышек был обнаружен отогнутый борт. Было ли там обнаружено, что отсутствовал какой-нибудь болт—я не знаю. Я знаю только, что и Макдональд, и Эллиот, и Тейлор—электрики—облазили весь генератор и не нашли, чтобы где-нибудь отсутствовал болт,—насколько мне известно. О чем сейчас говорит мистер Монкгауз,—я не знаю. То, что был отогнут борт,—это известно. Это можно видеть на фотографии.

Вышинский. Не было ли случая, что кроме болта в генераторе находились всякие посторонние предметы?

Котляревский. Да.

Вышинский. Например?

Котляревский. Мне известно, что там было много пыли. Я знаю, что там была найдена щетка для обметания шин.

Вышинский. Кусок доски?

Котляревский. Правильно.

Вышинский. Камень какой-то?

Котляревский. Возможно и камень. Относительно камня я не знаю.

Вышинский. Вопросов больше нет.

Прошу зафиксировать заявление, заключающееся в следующем: в материалах Экспертной Комиссии у нас имеется акт, который говорит о том случае, когда обнаружили в генераторе № 3 разные посторонние предметы: болты, кусок доски, камень и прочее, что не может рассматриваться иначе как следствие преступной халатности монтажного персонала или чьего-нибудь прямого злого умысла, о чем говорит здесь Котляревский.

Я прошу это обстоятельство зафиксировать в памяти суда.

Председатель. Вопросов нет?

Перерыв на 20 минут.

* *

*

Комендант. Прошу встать, суд идет.

Председатель. Садитесь пожалуйста.

Приступаем к допросу подсудимого Лобанова. Подсудимый Лобанов, сообщите ваши основные биографические данные.

Лобанов. Родился я в 1897 году. Отец мой арендовал мельницу, одновременно у него был маслобойный завод, паровая мельница, торговля. Отец умер, когда я учился в средней школе, в гимназии, и я продолжал жить с братом, который тоже арендовал мельницу. Кончил я гимназию в 1918 году.

Председатель. В каком городе?

Лобанов. В Ростове Ярославском. 1918—1919 годы совместно с

братом работал на мельнице у брата. С 1920 года по начало 1928 года учился в Иваново-вознесенском политехническом институте, который в 1928 году окончил. За время пребывания в институте около 2 лет работал на разного рода предприятиях. В 1928 году, по окончании института и даже за несколько месяцев раньше до окончания института, я поступил на работу в Ивгрэс. Сначала я работал в качестве чертежника по подстанциям по электрической части. В скором времени стал конструктором по подстанциям, а затем инженером по подстанциям. В начале 1930 года я был командирован на курсы по повышению квалификации инженеров-энергетиков в Ленинграде. По окончании этих курсов я вернулся обратно в Ивгрэс и был командирован на районную станцию. Я до этого момента работал при правлении, которое находилось не на самой станции, а в 1930 году был откомандирован в качестве руководителя пробной эксплуатации Ивгрэса. Здесь пробыл недолго и был назначен заведующим электро-эксплуатационным отделом Ивгрэса. Затем до момента моего ареста, я был в должности руководителя тепломеханической группы технического отдела, а до этого я работал в отделе рационализации в качестве инженера. Вот, кажется все.

Председатель. У прокуратуры есть вопросы?

Вышинский. Есть. Когда вы познакомились с Нордволлом?

Лобанов. Примерно в конце 1930 года.

Вышинский. При каких обстоятельствах?

Лобанов. Он бывал на станции и производил вместе с Чопиным, который тогда тоже работал английским монтером на самой станции Ивгрэс, монтаж оборудования, которое поставляла фирма «Метрополитен-Виккерс».

Вышинский. Какую должность вы занимали?

Лобанов. Заведующего эксплуатационным отделом, а потом руководителя тепломеханической группы технического отдела до момента ареста.

Вышинский. Кто был начальником станции в момент ареста?

Лобанов. Директор Белов.

Вышинский. А в то время, когда познакомились с Нордволлом, кто был директором?

Лобанов. Не помню, как будто был Глебов, но точно сказать не могу.

Вышинский. Вы познакомились с Нордволлом в 1930 году на чисто служебной почве?

Лобанов. Нет, не на чисто служебной почве. Самая первая встреча— я не знаю когда произошла и на какой почве, а вообще наше знакомство, более близкое, протекало как в производственной обстановке, также и при поездках в поезде между Ивгрэсом и Ивановым. Там ходит специальный поезд, в котором я ездил частенько, так как семья моя была в Иванове, и Нордволл тоже частенько попадал со мной в этот поезд, и вот мы с ним более или менее близко познакомились в такой обстановке.

Вышинский. Так было в конце 1930 года. А в 1931 году?

Лобанов. Это также продолжалось и в начале 1931 года.

Вышинский. Ну и вот, как вы дальше перешли к нелегальным отношениям, то есть к отношениям, которые строились на почве вашей нелегальной работы?

Лобанов. В один прекрасный момент, примерно в феврале 1931 года, Нордволл у меня в кабинете, после общих разговоров, обратился ко мне с предложением вести вредительскую диверсионную работу на Ивгрэсе.

Вышинский. Вас это предложение не удивило?

Лобанов. Да, конечно я был крайне удивлен этим делом.

Вышинский. А почему же он вам предложил?

Лобанов. Мне кажется, мы с ним были в довольно близких отношениях, не то, чтобы дружеских, но друг друга знали довольно хорошо. Он отлично знал мои антисоветские настроения.

Вышинский. А почему у вас такие антисоветские настроения были? В чем они выражались?

Лобанов. Они выражались в высказывании недовольства существующим строем, во всякого рода жалобах на недостатки в моей личной жизни, в частности материальные недостатки.

Вышинский. Нордволл вел с вами разговоры по поводу ваших отношений к советской действительности или вы вели?

Лобанов. И я вел и он вел.

Вышинский. Какие он высказывал соображения и суждения?

Лобанов. Он иногда даже сам вызывал на всякого рода антисоветские разговоры, и я конечно был не прочь на эту тему повести разговоры.

Вышинский. Почему это «конечно был не прочь»?

Лобанов. Таковы уж были тогда у меня убеждения.

Вышинский. Под каким влиянием у вас эти убеждения сложились?

Лобанов. Во-первых, семья.

Вышинский. То есть?

Лобанов. Брат, который был частным предпринимателем, он не служил, а арендовал мельницу.

Вышинский. Он арендовал мельницу, где?

Лобанов. В Гавриловом посаде Владимирской губернии. Это мой родной брат.

Вышинский. Отец ваш чем занимался?

Лобанов. Я уже говорил, что отец также арендовал мельницу, потом у него был маслобойный завод, потом паровая мельница, была торговля.

Вышинский. А чем торговал ваш отец?

Лобанов. Мучная, бакалейная торговля, кажется, точно не знаю, как называется.

Вышинский. Когда умер отец?

Лобанов. Примерно в 1907 году. Когда я учился в средней школе, то два моих приятеля во время Ярославского восстания в Пошехонии были расстреляны.

Вышинский. Значит приятели ваши участвовали в восстании против советской власти?

Лобанов. Да.

Вышинский. А вы участвовали?

Лобанов. Я нет.

Вышинский. Почему же, раз у вас были такие убеждения?

Лобанов. Я не был таким, чтобы участвовать в действиях военного порядка. Я на военной службе не был.

Вышинский. Под влиянием всех этих обстоятельств, в этой обстановке у вас сформировались определенные взгляды?

Лобанов. Да. Потом, работая на Ивгрэсе, я находился в среде не столь благоприятной — в такой среде, которая мои взгляды разделяла.

Вышинский. Какую-нибудь общественную работу вели?

Лобанов. Никакой.

Вышинский. Теперь это ясно. Вы встретились с Нордволлом, сблизились известным образом, во всяком случае настолько, что имели возможность с ним вести довольно откровенно политические разговоры. Что произошло в этой обстановке?

Лобанов. В этой обстановке, примерно в феврале, точно я не могу сказать, он предложил мне вести активную вредительскую диверсионную работу на Ивгрэсе.

Вышинский. В каких целях?

Лобанов. В целях подрыва экономической мощи Советского союза.

Вышинский. Чем он это мотивировал?

Лобанов. Тем, что я ему высказывал свои убеждения, свои враждебные настроения. Он мне не говорил о конечной цели, но я его понимал.

Вышинский. От слов потом перешли к делу?

Лобанов. Да. Он говорил, что «если вы хотите личного благополучия, то давайте переходить от слов к делу». Так это и было сказано.

Вышинский. Какие же были дела?

Лобанов. Конечно я немножко был удивлен и не хотел в это дело вступать, потому что дело такое, которое могло повлечь за собой печальные последствия.

Вышинский. Только могло повлечь? Может быть повлекло?

Лобанов. Факт налицо. (В зале шум.)

Председатель. Я бы просил зал свои настроения проявлять немножко тише.

Вышинский. Конкретно скажите, какие факты, какие аварии имели место на Ивгрэсе. В каких вы участвовали, о каких знали, кто еще в этом деле участвовал и какие последствия этих аварий?

Лобанов. При вербовке Нордволлом мне было указано, что нужно бить по мелочам, из того расчета, чтобы не попасться, но эти мелочи должны повлечь за собой довольно крупные последствия. Он указал, что нужно бить по импортному оборудованию в основном, в целях выкачки валюты из Советского союза и тем самым подрывать его экономическую мощь. Он также указал, что необходимо распространить эти диверсионные акты по умышленной порче оборудования и на оборудование фирмы «Метро-Виккерс», а не только других иностранных фирм, но при этом указал, что это должно вестись с таким расчетом, чтобы вину на фирму нельзя было свалить, то есть причины аварий и диверсионных актов должны быть таковы, чтобы фирма казалась здесь совершенно непричастной и так, чтобы порча оборудования на гарантийных сроках не отражалась, то есть если оборудование будет выведено из строя по какой-либо причине, то только такое оборудо-

вание фирмы «Метро-Виккерс», сроки которого, гарантийные сроки, уже кончились.

Вышинский. Какие были конкретные факты вредительства, диверсий?

Лобанов. Это вывод из строя моторов цепных решеток, выключение фидеров собственных нужд, порча подшипников питательных насосов, порча путем засорения подшипников, создание коротких замыканий...

Вышинский. А был случай с мотором для котла № 5?

Лобанов. Был, сожгли.

Вышинский. Почему? Как?

Лобанов. Закрыли вентиляцию. Эти моторы вентилируются, закрыли вентиляцию, тем самым обмотка мотора перегрелась.

Вышинский. Дальше.

Лобанов. По фрезерному торфу били. Здесь я уже сам принимал участие. По питанию котлов ударяли, но не совсем удачно.

Вышинский. Почему неудачно — не удавалось вам это хорошо?

Лобанов. Не удалось. Оно могло бы быть удачно проведено, но во-время это было предупреждено рабочими.

Вышинский. Дальше.

Лобанов. Трансформатор сожгли. Сгорела и обмотка.

Вышинский. Телефонная связь?

Лобанов. Правильно. Нарушили телефонную связь. Было такое дело.

Вышинский. Вернемся к какому-нибудь из этих конкретных фактов и разберем, как они были вами осуществлены. Кто в этом деле участвовал? Какие были последствия?

Возьмем выведение из строя моторов цепных решеток котлов.

Лобанов. Было такое дело.

Вышинский. Расскажите.

Лобанов. Помня задание Нордволла — бить по мелочам, по которые бы влекли за собой серьезные последствия, была обдумана довольно простая, но хорошо действующая операция. Путем порчи кабеля, питающего моторы редукторов цепных решеток, выводились из строя эти моторы. Тем самым останавливались решетки, выводилась топка из строя, котлы останавливались; сбрасывалась нагрузка — иногда полностью, иногда частично.

Вышинский. Что значит «сбрасывалась нагрузка»?

Лобанов. Ввиду выхода из строя котельных агрегатов, когда станция работала еще на незначительной мощности, решетки останавливались. Котел не мог давать пара. Давление садилось. Раз давление садилось — турбины уже не могли работать при пониженном давлении. Турбина выключалась. Снималась нагрузка потребителей: фабрики и заводы.

Вышинский. Сбрасывалась нагрузка — это значит прекращалась подача тока?

Лобанов. Прекращалась подача тока в промышленные районы, которые снабжают Ивгрес. Отсюда все последствия.

Вышинский. Кто осуществлял эту операцию?

Лобанов. К этому делу был привлечен Лебедев—мастер электроотдела.

Вышинский. Он был в вашей группе?

Лобанов. Да.

Вышинский. Какую должность он занимал?

Лобанов. Он был мастером того отдела, в котором я работал.

Вышинский. Он был мастером того отдела, в котором вы работали.

Подсудимый Лебедев, вы слышали это показание?

Лебедев. Слышал.

Вышинский. Что вы скажете по этому поводу?

Лебедев. Да, я делал.

Вышинский. По чьему поручению?

Лебедев. По поручению Лобанова.

Вышинский. В каких целях?

Лебедев. В смысле подрыва.

Вышинский. Садитесь.

Лобанов. Выключение фидеров собственных нужд. Казалось бы вещь весьма безобидная, и нам это легко сходило.

Вышинский. Почему это вам легко сходило? Ряд таких случаев был?

Лобанов. Неоднократно. Это было порядочно.

Вышинский. Почему это вам все сходило с рук?

Лобанов. Видите ли, все фидера защищены релэ. Такой механизм, на который очень легко свалить.

Вышинский. На объективные причины?

Лобанов. Да, на объективные причины: сработались и так далее.

Никто не мог никогда объяснить.

Вышинский. Ну, а вы как объясните это? Каким образом выключали?

Лобанов. А было очень просто. На это дело был мобилизован я. Чтобы один другому ногу не подставлять в работе, привлекли старшего электротехника Угрюмова. Тогда у нас было все благополучно.

Вышинский. Он имел непосредственное отношение к этим фидерам собственных нужд?

Лобанов. Да. Он вообще был по электрической части. Это второе лицо после меня.

Вышинский. Ваш помощник?

Лобанов. Он считался не помощником, а старшим электротехником.

Вышинский. А во вредительстве он помогал?

Лобанов. Да, да.

Вышинский. Значит вот у нас имеется Лебедев, Угрюмов, может быть и еще кто-нибудь по вашей станции?

Лобанов. Лебедев, Угрюмов, а потом уже к концу или не совсем к концу, по телефонной связи—Ростов.

Вышинский. Ростов; еще как будто один был?

Лобанов. Были попытки привлечь еще одного—это Китаева.

Вышинский. Не привлекли?

Лобанов. Нет.

Вышинский. Не удалось?

Лобанов. Когда я задумал произвести вербовку, так как машин-

ный зал по линии турбин оставался не охваченным нашей группой, я задумал привлечь Китаева—мастера. Он тогда был не мастер, а вроде монтера старшего по турбинам. Я задумал привлечь его для проведения вредительской работы в части монтажа турбин. Когда я ему под-
рассказал, в чем дело и как и что, он заявил мне, что мои предложения запоздали немного, что он уже в этом направлении работает.

Вышинский. Так что и привлечь не приходилось?

Лобанов. Да.

Вышинский. А что у вас было еще, скажем, с хаусгенераторами, с трясунами?

Лобанов. Когда я попал в отдел рационализации, то непосредственного отношения к производству я не имел, но работа была подходящей для проведения вредительских актов. Я, используя эту самую рационализацию, провел ряд рационализаторских вредительских работ.

Вышинский. То есть вредительских под маркой рационализаторских?

Лобанов. Да, под маркой рационализаторских.

Вышинский. То есть использовали рационализацию. Как, в чем?

Лобанов. Во-первых, по фрезерному торфу ударил: нужно было оборудовать котлы №№ 3, 4 трясунами. Трясуны на Ивгрэсе уже были, но я решил предложить другую систему, когда занялся проектированием. Якобы она должна быть лучше той, которая существовала. Мне администрация предлагала—вы, говорит, как руководитель, хотя я только переводился в руководители тепло-механической группы—проверьте существующие чертежи старых трясунов, которые работали, и пустите их в работу. Я со своей стороны внес предложение о новой конструкции и настаивал довольно крепко на проведении ее в жизнь. После долгого упорства администрации—она согласилась на это дело. Я обещал, что это дело будет выполнено в кратчайший срок и что это мало отзовется на ходе оборудования трясунами котлов №№ 3 и 4. Администрация согласилась и я начал проектировать новую систему. Проектировал я немного-немало несколько месяцев, и тем самым оборудование двух котлов задержалось и сжигание фрезерного торфа на станции не было возможным на этих котлах. Тем самым недожог такового был значительным. Конечно, получилась конструкция не лучше, что было. Я доказывал, что она лучше, но на самом деле может быть лучше, а может быть и хуже. В некоторых частях лучше, в некоторых хуже. Одним словом, точно я не взвешивал этого дела. В результате получилась задержка сжигания фрезерного торфа на этих двух котлах примерно на полгода в круглых цифрах.

Вышинский. Ваша задача в этом случае была в чем?

Лобанов. Учитывая важность освоения фрезерного торфа, задержать сжигание его на станции, а это могло повлечь за собой всякого рода последствия в отношении хранения фрезерного торфа и другие, вытекающие, отсюда последствия.

Вышинский. Еще один вопрос: как у вас обстояло дело в расчете на возможность всякого рода военных внешних осложнений? Эти вопросы в поле зрения были?

Лобанов. Как же, были. Вначале вообще было указано Нордволлом, что на случай войны, интервенции необходимо вывести из строя

станцию целиком, а как и что — это было предложено подумать, как это удобнее. В последний раз, когда я встречался с Нордволлом и получал соответствующие инструкции, было определенно указано, что в случае чего он обещал подробно информировать о том, как это провести, взорвать плотину, которая там имеется, которая держит воду в пруде, снабжающем станцию водой и тем самым на долгое время вывести станцию совершенно из строя, спустив воду из пруда. Кроме всего прочего он дал наметку, чтобы кроме этого обеспечить еще вывод основного оборудования, основных агрегатов станции целиком, как-то: трансформаторов.

Вышинский. В этом, в основном, заключался ваш план на случай войны?

Лобанов. Да.

Вышинский. Об этом вы говорили с кем-нибудь из ваших соучастников?

Лобанов. Вскользь я говорил с Лебедевым.

Вышинский. А он что?

Лобанов. При соответствующем, говорит, указании с моей стороны, при разъяснении можно принять участие в этом деле. Он согласен был на производство подобного рода акта.

Вышинский. К Лебедеву вопрос.

Председатель. Подсудимый Лебедев.

Вышинский. В этой части, что вы скажете?

Лебедев. В мае месяце 1931 года мне Лобанов об этом говорил.

Вышинский. А вы ему, что говорили по этому поводу?

Лебедев. Я ему на это ничего определенного не сказал.

Вышинский. То есть как ничего определенного?

Лебедев. Мне Лобанов сказал, что Нордволл говорил ему, что на случай войны нужно будет вывести станцию из строя, но плана подробного не было.

Вышинский. Детального плана?

Лебедев. А поэтому я на это ему ничего не сказал.

Вышинский. Лобанов сказал, что ему Нордволл предложил подумать о том, как вывести станцию из строя на случай войны, вы выслушали и ничего не сказали?

Лебедев. Потому что планы разработаны не были.

Вышинский. Но как вы реагировали? Скажем, что это плохо, это делать нельзя, или вы сказали, ладно, подумаем?

Лебедев. Я в этом отношении говорил, что это можно проделать.

Вышинский. Вы деньги получали?

Лебедев. Получал.

Вышинский. От Лобанова?

Лебедев. Да.

Вышинский. Частично?

Лебедев. Частично.

Вышинский. За что?

Лебедев. За проведенные мною вредительские работы.

Вышинский. Значит за проведенные вами вредительские действия, Лобанов, вы деньги давали ему?

Лобанов. Давал.

Вышинский. Частично?

Лобанов. Нет, целиком и полностью.

Вышинский. Что значит целиком и полностью?

Лобанов. Дал сразу 1 000 рублей, чтобы почувствовал.

Вышинский. А что говорит Лебедев?

Лебедев. Я получил поменьше. Первый раз получил в июне месяце 150 рублей. Второй раз получил 100 рублей. Когда получил второй раз, то он работой повидимому был недоволен. Затем он может быть считал то, что прибавил жалование 50 рублей в месяц.

Вышинский. Лобанов, вы это подтверждаете?

Лобанов. Нет.

Вышинский. Значит у вас расхождение в суммах? Вы говорите получили меньше, а Лобанов говорит дал больше? Лобанов, вы от кого эти деньги получили?

Лобанов. От Нордволла.

Вышинский. Сколько?

Лобанов. 5 000 рублей.

Вышинский. Как вы распорядились этими деньгами?

Лобанов. Оставил себе немного.

Вышинский. Сколько?

Лобанов. 2 600 рублей.

Вышинский. Это как раз половина.

Лобанов. Затем Лебедеву дал 1 000 рублей, Угрюмову 800 рублей и Ростову 600 рублей.

Вышинский. При каких обстоятельствах вы получили от Нордволла эти 5 000 рублей, сразу или нет?

Лобанов. В два раза. Первый раз, примерно в июне 1931 года, второй раз — это в конце 1931 года или в начале 1932 года.

Вышинский. В какой обстановке, при каких условиях и обстоятельствах?

Лобанов. Первые деньги—3 000 рублей—я получил от него после беседы с ним и доклада о том, что проделано мною по его заданию.

Вышинский. Где был этот доклад?

Лобанов. Вообще я старался с ним не встречаться в домашней обстановке, а в производственной, в незаметной обстановке. Это было на щите управления, и при проходе вдоль машинного зала по специальным площадкам, которые сделаны для того, чтобы пройти в служебное отделение, он мне передал эти 3 000 рублей как премию за это дело.

Вышинский. Вы просчитали при нем?

Лобанов. Конечно, я не считал здесь, а считал дома.

Вышинский. И дома делили?

Лобанов. Делил на другой день, когда прикинул, как и что, кому сколько.

Вышинский. Можно мне задать вопрос Нордволлу?

Председатель. Пожалуйста.

Вышинский. Подсудимый Нордволл, вы слышали эти показания?

Нордволл. Слышал.

Вышинский. Что скажете?

Нордволл. Частично правда, частично неправда.

Вышинский. Скажите, что правда, и что неправда?

Нордволл. То, что говорил Лобанов обо мне — неправда. А то, что говорил о себе, я не знаю.

Вышинский. Деньги давали?

Нордволл. Не давал.

Вышинский. Разговоры антисоветские не вели?

Нордволл. Такой разговор был. Я один раз встретился в поезде с Лобановым. В этом купэ были другие лица и он стал говорить о своих трудных материальных условиях жизни. Я ему сказал мой собственный взгляд на это и сказал, что каждый служащий, инженер и рабочий Советского союза в теперешних условиях должен свои требования в жизни немножко уменьшать, потому что большая нагрузка объясняется усилиями выполнить пятилетний план. Он сказал, что этим он не интересуется. Я сказал, что русские инженеры думают, что им здесь плохо. Затем я сказал, что наши инженеры пока лучше живут, чем советские инженеры, это вполне понятно.

Вышинский. Вы подтверждаете, что несколько раз встречались в поезде и имели разговор?

Нордволл. Несколько раз встречался.

Вышинский. И имели разговор, причем Лобанов проявил отсутствие интереса к пятилетке, а проявлял свое недовольство?

Нордволл. Проявлял свое недовольство советскими порядками.

Вышинский. А вы наоборот?

Нордволл. Я наоборот.

Вышинский. Вы старались ему разъяснить, что оснований для недовольства не должно быть, что имеются большие задачи, надо подчинить себя этим интересам, а он не соглашался?

Нордволл. Не соглашался. Я защищал Советский союз.

Вышинский. Подсудимый Лобанов, выходит наоборот. Вы антисоветские разговоры вели, но Нордволл вас уговаривал в советском духе, так?

Лобанов. Нет. Он вызывал иногда на такие разговоры. Убежденный с его стороны, чтобы я отбросил свои взгляды, не было, наоборот, я чувствовал поддержку, он говорил «да, да» и я чувствовал нашептывания антисоветского порядка, потому что особенно громко нельзя было о таких вещах говорить.

Председатель. Подсудимый Нордволл, подойдите ближе к столу. (Нордволл подходит к столу.)

Вышинский. Подсудимый Нордволл, я вас так понял — вы говорили в беседе с Лобановым, что в настоящее время английские инженеры живут лучше русских?

Нордволл. Да.

Вышинский (к Лобанову). Так это было?

Лобанов. Да, да.

Вышинский (к Нордволлу). И что вы ему советовали?

Нордволл. Я ему сказал, что он должен понять теперешнее время, что он занимает большую должность в Советском союзе, что он должен это выдержать, но он сказал, что этим не интересуется.

Вышинский (к Лобанову). Так это было?

Лобанов. Я не совсем понимаю его.

Вышинский. Он говорит, что вы занимали должность такую,

которая вас связывала с большими задачами страны, что вы должны были это учесть. (К Нордволлу.) Верно я вас понял?

Нордволл. Да.

Вышинский (к Лобанову). Ну, так что же?

Лобанов. Не совсем это так. Относительно того, что он говорил, что я занимаю ответственный пост—это верно, против этого я не возражаю, относительно того, что по долгу службы я должен был выполнять работу—это верно, но свою мораль я ему не проповедывал.

Вышинский. А он проповедывал?

Лобанов. А он поддерживал самые обычные такие антисоветские разговоры, недовольство пятилеткой, говорил, что пятилетка провалится и так далее, я с ним соглашался, на эту тему был разговор. Подобного рода разговоры мы вели. Конечно, были и служебные разговоры.

Вышинский. Подсудимый Нордволл, в отношении порчи оборудования и прочего были разговоры?

Нордволл. Никаких.

Вышинский. И вы никаких указаний не давали?

Нордволл. Нет.

Вышинский (к Лобанову). А вы утверждаете обратное?

Лобанов. Подтверждаю.

Вышинский (к Нордволлу). Насчет войны были разговоры?

Нордволл. Ничего не было.

Вышинский. И не было никаких разговоров о том, что Советский союз может встретиться с опасностью войны?

Нордволл. Не было.

Вышинский (к Лобанову). Вы что скажете?

Лобанов. Я не знаю, почему он это отрицает,—он думает на меня одного свалить это дело?

Вышинский. Вы настаиваете на своем утверждении, что имели место такие разговоры—на случай войны вывести из строя оборудование, диверсионные акты?

Лобанов. Да, ведь это было на самом деле.

Вышинский. Вы это подтверждаете и после теперешних заявлений Нордволла, что якобы этого не было? Вы говорите, что это было в действительности?

Лобанов. Я подтверждаю, что я имел с ним разговор и получал поручения.

Вышинский (к Нордволлу). Вы деньги когда-нибудь Лобанову давали?

Нордволл. Никогда.

Председатель. В долг может быть давали?

Нордволл. Никогда никаких денег не давал.

Лобанов. Я получил от него 5000 рублей и кроме того шубу.

Председатель. Давайте уточним насчет денег. Подсудимый Лобанов сказал, что получил 3000 рублей, а остальные 2000 рублей...

Лобанов. 2000 рублей были даны в 1932 году, тогда, когда он в последний раз приезжал на испытание на Ивгрэс, и одновременно после этого я имел примерку шубы, которую он мне прислал. Потому что я заблаговременно предупредил его, что я хотел бы получить что-нибудь из одежды, в частности шубу.

Вышинский (к Нордволлу). А шуба здесь была?

Нордволл. Это я могу сказать подробно. Один гражданин Тейлор, служащий нашей фирмы, был на Ивгрэсе, на испытании турбогенератора, временно приезжал в Союз для работы и купил новую шубу. Уезжал в Англию и видел, что эта шуба скоро будет не нужна, и хотел эту шубу продавать.

Вышинский. Кому?

Нордволл. Подождите пожалуйста, я объясню по порядку.

Вышинский. Пожалуйста.

Нордволл. В один прекрасный день Тейлор мне сказал: есть такой человек Лобанов? Я сказал: да. Вы знаете, где он работает? Я сказал: я думаю, да. Наверху в одном из отделов Тейлор меня попросил: идите к Лобанову и скажите ему, пусть он сегодня придет и примерит шубу. Сказал мне на английском языке. Тейлор русского языка совершенно не знал. Я пошел наверх в контору, где Лобанов работал. В это время я спросил у него технический вопрос, которым комиссия интересовалась—относительно реакции генератора. Потом сказал: придите к нам на квартиру сегодня примерить шубу. Он сказал: хорошо. Лобанов об этой шубе уже знал. Вечером пришел Лобанов на квартиру. Я вызвал Тейлора и сказал: вот вам Лобанов. Сказал ему по-английски.

На предварительном следствии я сказал, что комната была Тейлора. Теперь я точно знаю: моя комната в общей квартире. Мы с Тейлором жили вместе. Тейлор принес шубу и показал ему. Они стали договариваться о цене. На предварительном следствии я сказал вам кажется 400 рублей. Теперь я знаю точно. Эта сумма—500 рублей.

На предварительном следствии я сказал: я думаю, присутствовала жена. Теперь я это точно знаю. На очной ставке с Лобановым я говорил: присутствовала жена Нордволла и присутствовал Тейлор.

Тейлор продал свою шубу. Условились, что когда Тейлор уедет в Англию, мы пошлем Лобанову шубу. На следующий день в коридоре здания Ивгрэса Лобанов передал мне 500 рублей.

Председатель. Вам лично передал?

Нордволл. Мне лично.

Вышинский. Вы подтверждаете тот факт, что Лобанов приобрел какую-то шубу?

Нордволл. Купил шубу.

Вышинский. И вы помогали, с одной стороны, Тейлору, с другой стороны, Лобанову в приобретении этой шубы? Помогали ему в этой покупке?

Нордволл. Да.

Вышинский. По просьбе кого?

Нордволл. Тейлора.

Вышинский. Деньги за эту шубу Лобанов платил Тейлору?

Нордволл. Нет, дал мне для передачи Тейлору.

Вышинский. В этот день или на следующий?

Нордволл. На следующий.

Вышинский. Вы получили эти деньги?

Нордволл. Да.

Вышинский. И передали ему?

Нордволл. Тейлор сказал, что мне не нужны сейчас деньги.

Вышинский. Почему не ответить прямо?

Нордволл. В этот день я деньги не отдал.

Вышинский. Вы говорили, что на следующий день получили деньги от Лобанова и передали их Тейлору?

Нордволл. Но не в тот же день.

Вышинский. Вы показали, что Тейлор получил эти деньги в кассе конторы за ваш счет.

Нордволл. Да, я так сказал.

Вышинский. А потом, когда проверили по кассе, то оказалось, что в книге этого нет?

Нордволл. Это верно.

Вышинский. Тогда вы вспомнили, что это было иначе и что вы заплатили Тейлору путем перевода на Лондон? Была такая длинная операция?

Нордволл. Это не длинная операция, потому что Тейлор не хотел провести через свой счет такую большую сумму.

Вышинский. Значит единственный случай, когда вы имели денежное дело с Лобановым,—это шуба?

Нордволл. Да.

Вышинский. При этом вы отказались от своего показания, данного на предварительном следствии?

Нордволл. Не полностью, а частично. Я ошибочно говорил о вещах, которые были давно.

Вышинский. Итак фиксируем ваши ошибки. Первая ошибка, что вы в тот же день или на следующий, получив от Лобанова деньги, передали их Тейлору. Этого на самом деле не было. Правильно это или нет? Я попрошу вас отвечать на мои вопросы.

Нордволл. Скажите еще раз.

Вышинский. С большим удовольствием. Вы сейчас заявили, что на предварительном следствии вы допустили несколько ошибок по этому вопросу. Я хочу сейчас установить, какие ошибки были вами тогда допущены, какие ошибки вы сделали на предварительном следствии. Первая ошибка—вы заявили на предварительном следствии, что деньги за шубу от Лобанова получили в тот же день или на следующий и передали их Тейлору. На самом деле этого не было. Это ваша первая ошибка. Правильно? Да или нет?

Нордволл. Да.

Вышинский. Это ваша первая ошибка. Вторая ошибка,—вы заявили, что вы получили 400 рублей, а сейчас заявляете, что получили 500 рублей. Это ваша вторая ошибка—да или нет?

Нордволл. Я так заявил.

Вышинский. Это ваша вторая ошибка?

Нордволл. Да.

Вышинский. Третья ошибка—вы заявили, что эти деньги были списаны с вашего счета, в вашей конторе в Москве. Когда была произведена проверка следователем книг вашей бухгалтерии, в вашем присутствии, то что оказалось?

Нордволл. Этой суммы не было. И я сразу вспомнил, как послал эти деньги.

Вышинский. Четвертая ошибка—после вы вспомнили, что деньги были переданы Тейлору не в Москве, а в Лондоне, в подтверждение чего представили телеграмму. На какую сумму была телеграмма—на 400 или на 500?

Нордволл. На 500.

Вышинский. Пятая ошибка—вы говорите, что не 400, а 500 р., то есть то, что значится в той телеграмме—правильно?

Нордволл. Нет, когда, я был освобожден и пришел домой, я спросил жену—сколько Лобанов платил за шубу. Она сказала—500.

Вышинский. В телеграмме было 500, и сегодня вы впервые говорите, что 500?

Нордволл. Раньше я сказал кажется 400 рублей.

Вышинский. Здесь говорится следующее: «Тут они сговорились о цене в 400 рублей. Эту сумму мне Лобанов дал или тогда или на следующий день, я передал Тейлору. Тейлор получил эту сумму в кассе конторы за мой счет, причем она была списана с моего счета в конторе».

Нордволл. Посмотрите на показания перед этими показаниями, где я сказал: «Кажется 400 рублей».

Вышинский. 500 вы называли?

Нордволл. Нет, я сказал: кажется, 400 р.

Вышинский. Вы называли эту цифру в 500 р.?

Нордволл. Нет. Я дал вам заявление, теперь понятно, как эта сумма была передана Тейлору.

Вышинский. Мы установили несколько ошибок, которые были допущены. Теперь вопрос Лобанову. Вы платили ему 400 рублей за шубу?

Лобанов. Нет.

Вышинский. Как получили шубу—от Тейлора?

Лобанов. Шубу получил я от Нордволла.

Председатель. У вас нет вопросов больше?

Рогинский. Нет.

Председатель. У защиты есть?

Пинес. Есть. Вам было 10 лет, когда умер ваш отец?

Лобанов. Около этого. Может быть 11.

Пинес. Большие средства остались?

Лобанов. Нет, не осталось.

Пинес. На чей счет вы учились в гимназии и в институте?

Лобанов. На счет брата и сестры.

Пинес. А в институте?

Лобанов. И на счет брата, и на свой счет, и на счет жены.

Пинес. Вы показывали, что в институте в Иванове вы учились с 1920 года по 1928 год. Почему так долго?

Лобанов. 2 года я работал на производстве.

Пинес. Сколько лет был курс?

Лобанов. Сколько угодно. Я не помню, чтобы ограничивали курс.

Пинес. Когда вы были в Политехническом институте, в какой среде вы вращались? Кроме учебы вы интересовались общественной жизнью, политическими вопросами, были ли в каких-либо кружках?

Лобанов. Нет, в кружках не был.

Пинес. Газеты читали?

Лобанов. Изредка.

Пинес. Можно сказать, что политическими вопросами совсем не интересовались?

Лобанов. Да.

Пинес. Чем интересовались кроме учебы?

Лобанов. Техническими вопросами.

Пинес. Когда поступили в Ивгрэс, через некоторое время вас отправили на курсы по поднятию квалификации. Почему именно вас? Какой порядок существовал? Это за счет станции?

Лобанов. Да. Как хорошего работника, конечно, технического исполнителя, а не как общественника.

Пинес. Когда вы вернулись с этих курсов на станцию, сколько времени вы там прослужили до первой встречи с Нордволлом в качестве инженера?

Лобанов. Примерно год, немножко меньше.

Пинес. Вы говорили, что у вас вообще было настроение и взгляды антисоветские.

Лобанов. Да.

Пинес. Эти ваши взгляды, настроения выражались в чем-нибудь, в поступках, действиях и так далее?

Лобанов. В действиях не выражались.

Пинес. Это были только внутренние настроения? Ни в чем вы это не выражали и это не проявлялось?

Лобанов. Нет.

Пинес. Сколько времени вы были знакомы с Нордволлом и сколько приблизительно у вас с ним было бесед до того, как он сделал вам предложение, что нужно переходить от слов к делу, какой промежуток времени?

Лобанов. Несколько месяцев.

Пинес. На протяжении этих двух месяцев как часто вы встречались и вели разговоры неделовые?

Лобанов. Встречались часто, и эти разговоры велись несколько раз в месяц.

Пинес. У него на квартире, кроме как были по поводу шубы, вы там не были?

Лобанов. Не был.

Пинес. А он у вас?

Лобанов. И он не был.

Пинес. Вы говорите, что он сам вас часто вызывал на антисоветские разговоры, зная ваши тогдашние убеждения. Что эти убеждения потом изменились?

Лобанов. Убеждения менялись, настроение антисоветское портилось, я приходил к раскаянию. Это меня мучило, иногда до нездоровья доводило, но все-таки я возвращался опять к своей работе, несмотря на то, что нравственные мучения были и сознание своей неправоты проявлялось во все время моей работы.

Пинес. Вы еще называли членов своей организации—Лебедева и Угрюмова, вы их посвящали в ваши взаимоотношения с Нордволлом?

Лобанов. Нет.

Пинес. Лебедев знал, что вы встречаетесь с Нордволлом и что работаете по его инициативе?

Лобанов. Когда я производил вербовку Лебедева, то я указал, что это дело идет по инициативе Нордволла и Эллиота.

Пинес. Вопрос к Лебедеву: это было вам указано?

Лебедев. Было.

Пинес. В какой форме?

Лебедев. Я был на квартире у Лобанова, и он мне говорил, что эта работа проводится по инициативе Нордволла и Эллиота.

Пинес. А с кем вы были связаны?

Лебедев. С Эллиотом.

Пинес. Больше вопросов к Лебедеву нет. Теперь к Лобанову. Скажите, по поводу этой шубы, он вам предложил или вы искали эту шубу?

Лобанов. Я его попросил, чтобы он при поездке в Англию привез мне шубу. Я сначала сказал, что не шубу, а что-нибудь из верхних вещей, но желательно шубу. Он привез шубу.

Пинес. Вы говорите, что у вас несколько раз настроения менялись и вы хотели бросить вредительство?

Лобанов. Да.

Пинес. Это было до получения от Нордволла денег или после?

Лобанов. Непрерывно.

Пинес. Первые колебания были до получения денег или после? Вы показывали, что первые деньги получили—3000 рублей—в июне месяце 1931 года, а колебания были до июня или после июня?

Лобанов. Были колебания на протяжении всей этой работы.

Пинес. Не было случая, чтобы вы говорили Нордволлу, что вы хотите кончить это дело?

Лобанов. Не говорил.

Пинес. Что вас удерживало?

Лобанов. Я думал, что бесполезно об этом с ним говорить, что он мог мне сказать. Я советоваться с ним в этом отношении не собирался, если бы хотел бросить, я бы без него мог бросить.

Пинес. Разрешите несколько вопросов задать Нордволлу.

Скажите, обвиняемый Нордволл, какие, по-вашему, у вас были отношения с Лобановым. Вы говорили, что о вредительстве с ним не говорили. Какие были отношения—чисто официальные, служебные?

Нордволл. Официально-служебные кроме одного случая, когда я помогал продавать шубу.

Пинес. У вас были с ним такие же отношения, как с другими инженерами этой станции?

Нордволл. Да.

Пинес. Чем объяснить, что вы принимали такое горячее участие в приобретении шубы, которая нужна была Лобанову?

Нордволл. Как—«горячее»?

Пинес. Ради шубы вы приглашаете его на квартиру.

Нордволл. Я по-русски говорю хорошо, а Тейлор человек, который плохо говорит по-русски, он недавно в Советском союзе, и я ему взялся помогать как человеку—не больше. Каждый из присутствующих здесь в зале сделал бы то же.

Пинес. Больше у меня вопросов нет.

Председатель. Есть еще вопросы?

Долматовский. У меня вопрос к Лобанову.

Скажите пожалуйста, подсудимый Лобанов, вы в домашнем порядке не встречались с Нордволлом или встречались только на производстве и в поезде?

Лобанов. В домашней обстановке был, когда мерил шубу.

Долматовский. Кроме этого случая с шубой вы на производстве вместе с ним работали?

Лобанов. На одном производстве.

Долматовский. С какого времени?

Лобанов. С осени 1930 года по осень 1931 года, примерно с год.

Долматовский. Вы сначала заведывали эксплуатационным цехом?

Лобанов. В это время я с ним сталкивался.

Долматовский. А когда работали на Ивгрэсе?

Лобанов. Он работал на первой подстанции и наездами бывал у нас на Ивгрэсе.

Долматовский. Значит на одном производстве?

Лобанов. Я на одном, он на разных.

Долматовский. Сколько времени вместе с ним работали?

Лобанов. С полгода.

Долматовский. Какое было ваше производство, какое его и как часто с ним встречались?

Лобанов. Я был заведующим эксплуатационным отделом, а он работал по монтажу электрического устройства на Ивгрэсе.

Долматовский. Как часто на производстве можно было вести разговоры не по вопросам производства?

Лобанов. Можно было говорить сколько угодно времени.

Долматовский. В течение полгода совместной работы на производстве вы не можете сказать, сколько раз в день вы с ним говорили или сколько раз в неделю?

Лобанов. Бывало, что десять раз в день, а бывало один раз в неделю, когда приезжал.

Долматовский. Я говорю о том времени, когда работали вместе.

Лобанов. Несколько раз в день. Бывало время, когда встречались, или так подойдешь и начнешь говорить.

Долматовский. Меня интересует вопрос, как часто вы могли вести с ним разговоры, не касающиеся служебных дел?

Лобанов. Мог вести или фактически вел?

Долматовский. Могли вести и фактически вели.

Лобанов. Мог я вести антисоветские разговоры с утра и до ночи, а фактически это было во всяком случае несколько раз в месяц.

Долматовский. Значит не так часто—это могло быть три-четыре, два раза в месяц и стало быть на протяжении 6 месяцев—раз восемнадцать.

Лобанов. Точно я не фиксировал, но вроде этого.

Долматовский. В поезде как часто вы встречались?

Лобанов. Тоже несколько раз в месяц.

Долматовский. И тоже в течение полугода?

Лобанов. Да.

Долматовский. В поезде вы обычно одни бывали, или еще кто-нибудь был?

Лобанов. Бывали и другие.

Долматовский. Кто именно, какого рода люди—те же Лебедев, Эллиот?

Лобанов. Разрешите вам обрисовать поездную обстановку. В поезде Ивгрэс—Иваново было специальное купе для служащих. В этом купе ездили иностранцы, которые работали, в том числе и Нордволл. И я пользовался этой привилегией, но не все служащие имели право ездить—только несколько человек. Так вот, представьте себе обстановку шумящего, гремящего поезда—ведь вагоны не международного общества, а громоздкие, шумящие вагоны. Во время хода поезда можно говорить, что угодно, и рядом сидящий человек не услышит этого. Обычно публики было не так много—иногда конечно и бывало так, что все скамейки были заняты, но все же все сидели, а не стояли, так что было просторно.

Долматовский. Значит разговор было вести удобно?

Лобанов. Удобно.

Долматовский. А Нордволл тогда хорошо говорил по-русски?

Лобанов. Прилично.

Долматовский. С какого времени он в СССР?

Лобанов. Этого я не знаю, я стал встречаться с ним с осени 1930 года.

Долматовский. И вы говорите, что он тогда хорошо говорил по-русски?

Лобанов. Прилично.

Долматовский. Прилично—хуже или лучше, чем теперь?

Лобанов. Похуже, чем теперь, но прилично.

Долматовский. Но ведь он и теперь нельзя сказать, что хорошо говорит по-русски. Как можно было с ним вести разговор на сложные темы?

Лобанов. Особо сложных тем не было—антисоветские разговоры иногда с двух слов ясны.

Долматовский. Скажите пожалуйста, с какого времени началось ваше раскаяние?

Лобанов. Оно было в течение всего периода моей вредительской работы.

Долматовский. Но первоначально до февраля месяца этих раскаяний не было?

Лобанов. Колебания были.

Долматовский. В сентябре, октябре, ноябре 1930 года вы еще не вели вашей работы?

Лобанов. Я вас не понимаю.

Долматовский. Я вас спрашиваю, когда начались ваши раскаяния по поводу вашего поведения в Советском союзе, о чем вы говорили?

Лобанов. Когда я начал вредительскую работу.

Долматовский. Когда вы начали вредительскую работу?

Лобанов. С того момента, когда я получил задание от Нордволла на это дело.

Долматовский. Приблизительно вы можете сказать?

Лобанов. Примерно в марте, в феврале.

Долматовский. Следовательно сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь вы еще не раскаивались. Вы еще не вели вредительскую работу и не раскаивались.

Лобанов. Конечно не раскаивался. Не в чем было раскаиваться.

Долматовский. Почему вам нужен был толчок извне для того, чтобы вести антисоветские разговоры? Вы утверждаете, что инициатором этих разговоров были не вы, а Нордволл?

Лобанов. Я этого не утверждаю. Я сам поддерживал эти разговоры, сам затевал.

Долматовский. На производстве фактически у вас были длительные разговоры?

Лобанов. С кем?

Долматовский. С Нордволлом.

Лобанов. Особенно длительных разговоров не было.

Долматовский. Мимолетные разговоры?

Лобанов. Что понимать под мимолетными? Не то, что идешь мимо, расшаркался, сказал здравствуйте—и все. Были разговоры, но не такие, чтобы по полдня сидели и говорили.

Долматовский. Вы начали вредительскую работу приблизительно с марта 1931 года. Так?

Лобанов. Да.

Долматовский. Получили впервые деньги, как вы утверждаете, в мае-июне 1931 года?

Лобанов. В июне 1931 года.

Долматовский. На какую сумму получили?

Лобанов. 3 000 рублей.

Долматовский. Вы все время так получали?

Лобанов. Все время.

Долматовский. Получили 3 000, потом 2 000?

Лобанов. Да.

Долматовский. А вы не говорили, что получили 2 000 для того, чтобы скрыть, что вы со своими товарищами не со всеми поделились?

Лобанов. Это дело было не так.

Долматовский. А как было?

Лобанов. Я на следствии показал, что дал Китаеву 1 000 рублей. На самом деле не давал.

Долматовский. А сегодня говорили, что дали?

Лобанов. Нет, не говорил.

Долматовский. Как вы расцениваете шубу?

Лобанов. Не продавал ее, не знаю.

Долматовский. Но вы ее получили?

Лобанов. Получил.

Долматовский. Вы просили, чтобы вам шубу привезли?

Лобанов. Просил.

Долматовский. Заблаговременно?

Лобанов. Заблаговременно.

Долматовский. В мае месяце? Вы знали, что вам шуба понадобится?

Лобанов. Я знал конечно, что зимой требуется шуба.

Долматовский. Но вы об этом помнили еще в мае месяце?

Лобанов. Не только в мае, июне, но и зимой помнил.

Долматовский. Деньги все-таки считали, когда Нордволлу передавали?

Лобанов. Как считал?

Долматовский. Когда шубу вам подарили, как вы говорите, вы прикинули, сколько она стоит?

Лобанов. Да, примерно?

Долматовский. Что, примерно?

Лобанов. Я не оценивал ее стоимость. Шуба довольно приличная.

Долматовский. На деньги не переводили ее?

Лобанов. Особенной нужды в этом не было.

Долматовский. Следовательно вы получили не 3 000, а 3 000 плюс шуба, которая рублей 500 стоит?

Лобанов. Шуба?

Долматовский. Да.

Лобанов. Подороже.

Долматовский. Так что вы получили побольше?

Лобанов. Нет. Речь шла о деньгах.

Долматовский. Как инцидент с шубой протекал? Вы Тейлора не знали: кто он и что он. Впервые увидели его в квартире Нордволла?

Лобанов. Я вообще не знаю, что за Тейлор.

Долматовский. Это тот, которого вы назвали толстым англичанином.

Лобанов. Если этот, то я его видел.

Долматовский. Опишите его подробно.

Лобанов. Толстый, насчет усов и бороды не помню, пожилой.

Долматовский. Больше признаков не знаете?

Лобанов. Нет.

Долматовский. Разрешите задать вопрос Кутузовой. Может ли она описать Тейлора и указать, в какое время он был в Иваново-Вознесенске?

Кутузова. Возраста Тейлора я не знаю, но приблизительно лет 30, среднего роста, прямой, обыкновенный нос, с достаточным количеством волос.

Долматовский. Что, подходит?

Лобанов. Насчет волос я не помню.

Долматовский. Теперь скажите, пожалуйста, вы утверждаете, что когда Нордволл стал к вам обращаться с вредительскими предложениями, то он сказал—давайте от слов перейдем к делу. Вы говорите, что именно так было сказано?

Лобанов. Да, так.

Долматовский. Значит он так хорошо говорил по-русски, что мог даже такие выражения употреблять?

Лобанов. Как видите.

Долматовский. Когда были совершены вами вредительские акты—вывод из строя мотора в марте 1931 года, выключение фидеров?

Лобанов. Это было непрерывно.

Долматовский. Но приблизительно?

Лобанов. Это было несколько раз, неоднократно.

Долматовский. В какой период?

Лобанов. В период в течение 1931 года. И в 1932 году было, но в 1931 больше.

Долматовский. Порча подшипников?

Лобанов. Это было весной 1931 года.

Долматовский. Весной?

Лобанов. Да.

Долматовский. Создание коротких замыканий?

Лобанов. Летом 1931 года.

Долматовский. Затем мотор дымососа, который вы сожгли?

Лобанов. Это недавно.

Долматовский. В котором году—в 1933?

Лобанов. Как будто в 1933.

Долматовский. А ваша работа по фрезерному торфу, когда была?

Лобанов. В конце 1932 года, во второй половине.

Долматовский. Это когда вы служили в отделе рационализации?

Лобанов. Да, уже переходил и работал одновременно в качестве руководителя тепломеханической группы.

Долматовский. С какого времени служили в отделе рационализации?

Лобанов. Как будто с осени 1931 года.

Долматовский. А когда были руководителем механической группы?

Лобанов. Точно не могу сказать, как будто с зимы.

Долматовский. Когда по питанию котлов неудачно ударили?

Лобанов. Когда работал в отделе рационализации.

Долматовский. То есть приблизительно с осени 1931 года. Когда трансформатор подожгли?

Лобанов. В конце 1932 года.

Долматовский. Когда по телефонной связи вступили в соглашение с Ростовым?

Лобанов. В 1932 году.

Долматовский. В какой период это было?

Лобанов. Почти с начала 1932 года, весь год.

Долматовский. До того, как Нордволл натолкнул вас на вредительство, вы не занимались вредительством?

Лобанов. Нет.

Долматовский. Почему вы говорите, если надо было кончить вредительство, то вы без Нордволла могли сделать. Почему в одном случае требуется чужая инициатива? А тут вы могли свою проявить. Вы так самоуверенно сказали, что и без него обошлось бы.

Лобанов. У меня свои рассуждения были. Я могу мыслить и самостоятельно, но конечно мог быть и толчок. Я сказал, что мог мыслить самостоятельно, необязательно, что если Нордволл меня всунул в это дело, он же должен и вывести меня. Я только говорил о том, что по моему мнению он мог бы толкнуть меня к прекращению вредительства. Колебания тут были. Может быть кто-нибудь посторонний вмешался бы и мог меня вывести из этого положения.

Долматовский. Но не Нордволл мог бы вам помочь?

Лобанов. Может быть он принял бы такие меры или обстоятель-

ства так сложились бы, что может быть и Нордволл послужил бы причиной.

Долматовский. Когда он предлагал начать вредительскую работу, говорил, что и деньги будете получать?

Лобанов. Говорил. Во всяком случае говорил, что в обиде не оставят, и я ожидал конечно побольше.

Долматовский. Вы ждали больше, и он говорил, что в обиде не оставят. Это точное его выражение?

Лобанов. Насчет точности это дело прошлое.

Долматовский. Насчет выражения «от слов к делу» вы твердо помните?

Лобанов. Да.

Долматовский. А «в обиде не оставят», этого не помните?

Лобанов. Возможно, что это не абсолютно точная формулировка, но смысл такой.

Долматовский. Какую же сумму назвал?

Лобанов. Никаких сумм не называл.

Долматовский. А когда получили 3 000 р., считали, что мало?

Лобанов. Считал, что маловато.

Долматовский. Вам или другим?

Лобанов. И тем и другим.

Долматовский. А вы знали, что Лебедев получает еще?

Лобанов. Нет.

Долматовский. Когда узнали?

Лобанов. Совсем не знал.

Долматовский. Сколько вы Лебедеву дали еще раз?

Лобанов. Один раз давал 1 000 рублей.

Долматовский. Он говорит, что меньше дали, вы у его жены брали займы?

Лобанов. Не помню, может быть брал.

Долматовский. Он просил у вас займы?

Лобанов. Не помню.

Долматовский. Вы сейчас же после разговора с Нордволлом занялись организацией группы?

Лобанов. Что значит—организацией?

Долматовский. Она уже была организована?

Лобанов. Не то, что была организована; люди были налицо, особых усилий прилагать конечно не пришлось, чтобы сколачивать какую-то группу.

Долматовский. Она была налицо. Когда ее сколотили?

Лобанов. Я ее не сколотил. Она сама сколотилась.

Долматовский. Когда это было?

Лобанов. На протяжении моей работы на Ивгрэсе.

Долматовский. Когда вы сообщили впервые Лебедеву?

Лобанов. Примерно в марте.

Долматовский. Он сейчас же сказал, что завербован?

Лобанов. Он мне не говорил.

Пинес. У вас на службе в Ивгрэсе был отдельный кабинет?

Лобанов. Да.

Пинес. Нордволл имел возможность вести с вами разговоры, чтобы вас никто не слышал?

Лобанов. Да.

Пинес. Эти разговоры были?

Лобанов. Были.

Пинес. У меня больше вопросов нет.

Председатель. У прокуратуры есть вопросы к Лобанову?

Прокуратура. Нет.

Председатель. Садитесь, подсудимый Лобанов. Подсудимый Лебедев, пожалуйста сюда. У суда вопросов нет. Какие вопросы будут у прокуратуры?

Вышинский. Подсудимый Лебедев, расскажите, когда вы начали работать в Ивгрэсе, в какой должности, как встретились с Лобановым на вредительской работе, расскажите кратко, как вы вредили, почему?

Лебедев. В 1930 году 8 мая я поступил на Ивгрэс в качестве мастера электрической мастерской. Заведующим в той мастерской был старший техник Угрюмов. В декабре месяце 1930 года я познакомился с Лобановым, который приехал на Ивгрэс. С 27 декабря приказом я был переведен на эксплуатацию в качестве мастера и работал под ведением Лобанова. С Лобановым и Угрюмовым я вел знакомство. Был у того и другого на квартире.

Когда я приехал в Ивгрэс, я был антисоветских взглядов. Встретивши в этой компании Лобанова и Угрюмова, мои антисоветские взгляды усугубились, потому что тот и другой были точно таких же взглядов.

В марте 1931 года я познакомился с английским специалистом мистером Эллиотом, который был приглашен ко мне на квартиру по инициативе гражданки Волковой, которая устраивала у нас вечеринку. Почему она избрала мою квартиру для вечеринки? Потому что у нас квартира была из двух комнат, а она помещалась в одной комнате, и кроме того с ней там жили две посторонних женщины.

Вышинский. А кто эта Волкова?

Лебедев. Это машинистка, служащая конторы Ивгрэс.

Вышинский. А раньше эта машинистка была с вами знакома?

Лебедев. Она была знакома со мной и с моей семьей. С Лобановым она была знакома гораздо раньше.

Вышинский. Когда Волкова организовала вечеринку, был на этой вечеринке Лобанов?

Лебедев. Был Лобанов, Эллиот и много посторонних людей. У Лобанова были вечеринки, но я на них не присутствовал.

После вечеринки Эллиот стал посещать мою квартиру каждый вечер, принося с собой всегда выпивку.

Вечером бывали у Волковой танцы, и он всегда с собой брал патефон. Спустя несколько дней Лобанов попросил меня зайти к нему вечером на квартиру. Я у него бывал иногда без всяких приглашений, но на этот раз он меня пригласил. Когда я зашел к нему вечером на квартиру, сначала мы с ним беседовали на антисоветские темы, он проявлял недовольство строем, я его поддерживал. Говорили о материальном положении. В конце нашего разговора Лобанов предложил выправить мое материальное положение, так как я в этот период нуждался. Вернусь немножко назад. До перехода на эксплуатацию из электромастерской я имел дополнительный заработок в 110 рублей к моему окладу в 200 рублей. Это меня удовлетворяло. Когда же я перешел на эксплоа-

тацию, я этих 110 рублей лишился, так как в связи с моей работой мне не представлялось возможности вести занятия с учениками по настоянию Лобанова. В этот вечер, когда мне Лобанов предлагал вступить в контрреволюционную группу, он хотел исправить эту ошибку, то есть лишение меня заработка в 110 рублей, и сказал мне, что имеется задание от Нордволла и Эллиота портить оборудование и выводить его из строя и этим подрывать работоспособность Ивгрэс. Первое время я немножко колебался, но потом был согласен. Лобанов мне сказал, что Нордволл обещал за это заплатить прилично. На другой день я продумал то, что говорил Лобанов, и я увидел, что я упустил из виду, что моим непосредственным начальником является старший техник Угрюмов. Столкнувшись с этим вопросом, я решил, что если об этом узнает Угрюмов, то дело раскроется. Поэтому я хотел выяснить это у Лобанова. И на другой день выяснил. Лобанов сказал, что Угрюмов человек свой и его бояться не надо. В этом отношении я почти успокоился, но все-таки хотел проверить и того и другого. Как раз представился случай—в марте месяце я работал на насосной площадке над мотором питательного насоса. Там проводились работы. Работали каменщики по пробивке бетона. Мотор был не покрыт, сыпался песок и камешки. Об этом мне как раз сказал дежурный электрик, который был в моем подчинении, что нужно мотор покрыть. Я ему ответил, что надо разыскать какой-нибудь предмет, парусину, чтобы закрыть мотор. Так как мы только перешли на эксплуатацию, в нашем распоряжении не было таких принадлежностей для того, чтобы закрыть мотор. Мотор остался незакрытым, и песок продолжал сыпаться.

Я об этом доложил Угрюмову, привел его на место работы, сказал—сыплется песок, нужно принять какие-нибудь меры. Угрюмов мне ничего определенного не ответил, сказал—закройте, и больше ничего. Но закрыть было нечем, так и осталось.

На другой день во время работы подшипники мотора стали нагреваться. Я опять-таки доложил об этом Угрюмову. Угрюмов говорит, что нужно проверить температуру и если она не будет увеличиваться, то подшипники обойдутся, и мотор будет работать. Я мер никаких не принял. В результате получилось, что температура подшипников все время увеличивалась и в конце концов пришлось мотор остановить. При разборке оказалось, что была попорчена шейка вала и часть подшипников.

Эта первая моя вредительская работа, которую я провел по заданию Лобанова.

Далее моя вредительская работа производилась в котельном отделе у 1-го, 2-го и 3-го котлов. Я производил там порчу кабеля с тем, чтобы остановить моторы, которые вращают редуктора. Таких аварий с этими моторами было много. Некоторые аварии влекли за собой очень большие простои котлов, то есть в основном моторы прогревались, приходилось разбирать топку котла, что продолжалось примерно с неделю. Котел выбывал из строя. Таких простоев я насчитываю приблизительно около 5. Были и другие простои, но меньше, то есть моторы выключались, но их быстро восстанавливали.

Это вторая моя вредительская работа.

Третья работа у меня была проведена с мотором пожарного насоса.

Ввиду того, что к мотору насосы для сырой воды у нас не были получены, был приспособлен пожарный насос. Этот пожарный насос имел дефект: была трещина от контактной коробки и кабельной муфты, подводящей ток к моторам. На этот дефект мне было указано Лобановым, чтобы я сосредоточил на нем свое внимание. Так как мотор высоковольтный и с ним нужно было обращаться осторожно, я сначала проверил, в каком положении находится контактная коробка. Эта трещина контактной коробки была заделана краской. Во время работы эта трещина увеличилась, так как мотор во время работы нагревался и в эту щель попадала сырость.

Перед аварией, которая случилась вечером, приблизительно около 5 часов, я сделал так. Так как мотор обслуживал персонал котельной, мне нужно было, чтобы в эту коробку попала сырость. Поэтому я, осматривая мотор при прохождении каждый день, стал пробовать, как качает насос. Открыл кран. При открытии крана вода попала на мотор, и так как мотор овальной формы, то она стала стекать в коробку. Попав в коробку, она не сделала короткого замыкания, но во время работы мотора, когда мотор имел температуру порядка 50 градусов, она постепенно испарялась и сделала короткое замыкание на землю между болтами контакта. Получился взрыв. Оторвалась крышка—самое слабое место. Мотор был выведен из строя на два дня.

Четвертая авария с центробежным насосом хаустурбины.

Я сказал, что авария с пожарным насосом была в августе месяце. А в первых числах сентября была четвертая авария с центробежным насосом хаустурбины. Там получилось короткое замыкание контактной коробки. Получился взрыв. Обгорела часть кабеля, выходящая из муфты. Мотор стоял около 3 дней.

Вышинский. Это все?

Лебедев. Да.

Вышинский. У меня вопрос насчет этих вечеринок у Волковой. Там был Балдин?

Лебедев. Да.

Вышинский. У вас на станции был военный отдел?

Лебедев. На станции—нет.

Вышинский. А где он был?

Лебедев. На станции не было.

Вышинский. А где Балдин работал?

Лебедев. На 4-м механическом заводе имени Королева.

Вышинский. Там был военный отдел?

Лебедев. Да. Был военный отдел.

Вышинский. Вам неизвестно, чтобы на этих вечеринках Балдина кто-нибудь спрашивал про этот военный отдел?

Лебедев. Я слышал разговор, а кто первый спросил—я не знаю.

Вышинский. Вы слышали разговор о военном отделе?

Лебедев. Да.

Вышинский. Между кем?

Лебедев. Там был Эллиот.

Вышинский. С кем он разговаривал?

Лебедев. С Балдиным.

Вышинский. О чем?

Лебедев. У них был разговор на тему о том, что вырабатывает вообще завод.

Вышинский. А военный отдел причем? Балдин рассказывал о работе военного отдела?

Лебедев. Да.

Вышинский. Рассказывал он Эллиоту?

Лебедев. Да.

Вышинский. А вы как слышали?

Лебедев. Я был в этой комнате, недалеко от них сидел.

Вышинский. Рядом?

Лебедев. Нет, не рядом, немного ближе, чем вы.

Вышинский. Это был один случай или часто?

Лебедев. У меня один только случай.

Вышинский. У вас только один случай. Ну, а еще какие разговоры были на этих вечеринках, кроме военных разговоров?

Лебедев. На этих вечеринках разговоров особых не было.

Вышинский. Советские или антисоветские разговоры?

Лебедев. Были и те и другие.

Вышинский. Кто вел советские и кто антисоветские?

Лебедев. Балдин их вел и я вел, и Лобанов вел.

Вышинский. А Эллиот?

Лебедев. То же самое.

Вышинский. А Волкова?

Лебедев. То же самое.

Вышинский. А Волкова и раньше была знакома с разными монтерами?

Лебедев. Мне неизвестно, потому что я приехал только 8 мая 1930 года, а она работала еще раньше несколько лет.

Вышинский. С Нордволлом она была знакома?

Лебедев. Да.

Вышинский. Разрешите вопрос Нордволлу. Гражданин Нордволл, скажите, вы были знакомы с этой Волковой?

Нордволл. Под этой фамилией не знаю.

Вышинский. Вы не помните?

Нордволл. Нет.

Вышинский. Эллиот был?

Лебедев. Да.

Вышинский. Вы встречались?

Лебедев. Когда я был на Ивгрэсе, я с ним встречался.

Вышинский. Относительно денег вы подтверждаете или вносите поправку—1000 рублей или меньше?

Лебедев. Я от Лобанова получил 150 рублей в июне месяце, а в июле 100 рублей, всего 250 рублей. От Эллиота я получил в марте 140 и в апреле 200 рублей.

Вышинский. А за что?

Лебедев. Он мне говорил, что это на выпивку.

Вышинский. Это для чего, а я спрашиваю—за что?

Лебедев. 140 рублей получил в погашение тех расходов, которые производились на устройство этих вечеринок, устраиваемых в складчину.

Вышинский. Один вопрос Торнтону. Подсудимый Торнтон, будьте добры сказать, вы получали какую-нибудь информацию от Эллиота?

Торнтон. Общего характера.

Вышинский. Вы слышали, что говорит подсудимый Лебедев, что он был свидетелем того, как Эллиот собирал сведения о работе военного отдела?

Торнтон. Да, я слышал.

Вышинский. Вы от этого Эллиота получали информацию?

Торнтон. Да, у нас Эллиот был.

Вышинский. И от него получали информацию?

Торнтон. Да.

Вышинский. Значит ваше показание на следствии, что вы получали информацию по Иванову от Эллиота подтверждаете?

Торнтон. Да.

Вышинский. У меня больше вопросов нет.

Председатель. У меня один вопрос к Лебедеву. Вы очень подробно рассказали обо всем этом вредительстве, но не сказали, для чего все это делали, во имя каких целей. Из-за денег? Но вы очень мало получали? Откуда такая ненависть к советской власти?

Лебедев. Дело вот в чем. Я говорил здесь, что я материально нуждался. Мне Лобанов обещал, что я получу вознаграждение, и я думал, что я получу эти деньги, но в результате я не получил.

Председатель. Почему занимались этим вредительством? Только из-за денег или потому, что была антисоветская настроенность?

Лебедев. И то, и другое.

Председатель. Перерыв до 6 часов.

Заседание закрывается в 15 часов 10 минут.

П. п.

В. В. Ульрих

Председатель Специального присутствия

Верховного суда СССР.

А. Ф. Костюшко

Секретарь

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 14 апреля 1933 г. 18 час. 15 мин.

Комендант. Прошу встать, суд идет.

Председатель. Садитесь пожалуйста. Заседание возобновляется.

Подсудимый Лебедев. У прокуратуры больше вопросов к Лебедеву нет?

Прокуратура. Нет.

Председатель. У защиты?

Долматовский. Скажите, Лебедев, на вечеринках, которые устраивались Эллиотом, участвовал Нордволл или нет?

Лебедев. Не участвовал.

Долматовский. Вы считали Нордволла своим другом?

Лебедев. Я ходил туда несколько раз.

Долматовский. Вы его считали в вашей группе?

Лебедев. Нет. Я имел дело с Лобановым.

Пинес. Кем были ваши родители?

Лебедев. Отец—служащий конторы.

Пинес. Когда вы начали работать?

Лебедев. С 16 лет.

Пинес. И до момента ареста?

Лебедев. 30 лет я работал на производстве и 6 лет служил во флоте.

Пинес. Кем служили во флоте?

Лебедев. Сначала рядовым, а потом окончил школу и был унтер-офицером.

Пинес. В качестве кого вы все время работали, ваша специальность?

Лебедев. Электротехник.

Пинес. Образование специальное получили?

Лебедев. Нет. Я учился здесь в Москве. Затем в военной школе 2 года. Остальное практика.

Пинес. Вы до самого последнего времени, до ареста служили на Ивгрэсе или раньше ушли и если ушли, то почему? Когда вы кончили служить на Ивгрэсе?

Лебедев. 2 ноября 1931 года.

Пинес. Куда потом перешли?

Лебедев. То же в Ивгрэс, но на электросеть.

Пинес. Сами ушли?

Лебедев. Сам, потому что меня перевели из мастеров в бригадиры, я на это не согласился и ушел.

Пинес. Когда вы ушли на другую службу, то вы имели связь с Эллиотом?

Лебедев. Нет.

Пинес. Значит ваша преступная деятельность прекратилась?

Лебедев. Да.

Пинес. А сколько вы получали жалованья?

Лебедев. 200 рублей, затем с 1 марта прибавили 50 рублей.

Пинес. Какая была семья?

Лебедев. 4 человека.

Пинес. На вашем иждивении?

Лебедев. Да.

Пинес. Когда была у вас вечеринка с участием Эллиота, когда отсутствовал Нордволл, упоминалось ли его имя в связи с какими-нибудь разговорами?

Лебедев. Да. Потому что Эллиот был хорошим приятелем Нордволла.

Пинес. В связи с чем упоминалось?

Лебедев. Эллиот говорил, что Нордволл привезет подарки, которые было обещано привезти из-за границы.

Пинес. А разговоры о вредительстве упоминались?

Лебедев. Да, Эллиот говорил.

Пинес. В присутствии вашем и Лобанова?

Лебедев. Да.

Пинес. Значит сомнений не было?

Лебедев. Нет.

Пинес. Больше вопросов нет.

Председатель. У прокуратуры вопросов нет?

Прокуратура. Нет.

Председатель. Больше вопросов нет. Подсудимый Лебедев, садитесь.

Председатель. Подсудимый Нордволл, пожалуйста сюда. (Нордволл подходит.)

Рогинский. Помимо работы на Ивгрэсе еще на какой электростанции или заводе вы работали в СССР?

Нордволл. После Ивгрэса я работал на электростанции Минска, короткое время на испытании турбины. Потом участвовал в испытательной комиссии, которая испытывала турбины на Ивгрэсе. Около 15 января выехал из Иванова и был при конторе Московского представительства фирмы. Через некоторое время я получил командировку на станцию Нигрэс-Балахна. Там я работал с перерывами, небольшими, почти до 20 марта. После этого был несколько дней в Москве и получил командировку на Кузнецкстрой. В Кузнецкстрое работал до конца июля. Оттуда получил командировку на завод имени Томского в Макеевке. На Макеевском заводе я был руководителем постановки электрооборудования на первом советском блюминге. В связи с этой работой к ноябрьским праздникам меня премировали грамотой как лучшего ударника Мосстроя. В это время я дал твердое обещание сделать все возможное, чтобы закончить мою работу по первому советскому блюмингу до конца года, имея в виду, что это будет к концу пятилетки. Этот результат получился—мы пустили наш агрегат 30 декабря. Во время торжественного пуска советского блюминга строительная организация и общественность признали мою работу ударной и, когда к нам на

Строительство приезжал народный комиссар товарищ Орджоникидзе, то строительная организация меня лично познакомила с ним, имея в виду, что я помогал строительству, что я старался все время не тратить валюты на строительство. Я был единственный электрик, но от нашей фирмы работали еще трое англичан. На торжественном собрании, на вечере, который был организован после пуска турбины, также присутствовал товарищ Орджоникидзе. Меня построечный комитет пригласил в президиум и просил показать Макеевское строительство, как оно хорошо работает, не хуже, как в Англии и других странах.

За эту работу меня официально премировали 1 000 рублями.

Потом я продолжал работать на этом строительстве до дня ареста.

Рогинский. А помимо Макеевки, Минска, вы кажется работали еще на Мотовилихинском заводе?

Нордволл. Да, работал.

Рогинский. Когда?

Нордволл. Когда я работал в Иванове, я получил командировку— на обратном пути из Англии мне нужно было пустить электростанцию и проверить ее. Я там был несколько дней и там же получил телеграмму посмотреть генератор на Чегрэсе, на обратном пути из Перми.

Рогинский. На Мотовилихинском заводе у вас никаких неприятностей не было во время работы?

Нордволл. Очень серьезного ничего не было.

Рогинский. А не очень серьезного?

Нордволл. Я сейчас скажу. Там был синхронизирующий релэ, я должен был его проверить. Нужно было все соединения переделать. Я должен был проверить, точно ли мы соединили, как полагается, этот синхронизирующий релэ. В первый раз было хорошо, но потом наша турбина не работала, были пущены две турбины и в это время станция была выключена. Мы не знали, в чем дело, но на следующий день выявили причину и нам все стало ясно.

Рогинский. Кто-нибудь из конторы из Москвы приезжал на Мотовилиху в это время?

Нордволл. Кажется, до меня приезжал мистер Торнтон.

Рогинский. А в то время, когда случилась неприятность, кто там был?

Нордволл. В это время работал Олейник.

Рогинский (к суду). Можно задать в связи с этим вопрос Олейнику?

Председатель. Подсудимый Олейник (подходит).

Рогинский. Подсудимый Олейник, на Мотовилихе дело обстояло так, как изложил подсудимый Нордволл или несколько иначе?

Олейник. Не совсем так.

Рогинский. Изложите, как обстояло дело.

Олейник. Нордволл приехал туда для проверки схемы соединений электрических приборов. Я устанавливал там турбину. Моя часть механическая. Для проверки электрической части приехал Нордволл. Он проверил—все приборы. При пуске получился толчок, но не такой большой. Стали проверять, в чем дело, почему толчок. Как будто бы все проверено, все верно и все-таки получился толчок. Когда проверял Нордволл, был еще инженер-электрик от Мотовилихи Серебрянников.

И все-таки они ничего не нашли. В конце концов дежурный монтер по щиту Новиков выяснил, что схема соединения синхронизированного релэ неправильная. После этого Нордволл согласился, что это неправильно.

Рогинский. На ком же лежит вина?

Олейник. Прежде всего схема неправильно была сделана заводом.

Рогинский. Каким?

Олейник. Манчестерским заводом «Метро-Виккерс».

Рогинский. А кто по этой схеме проводил здесь работу?

Олейник. Нордволл.

Рогинский. Он отвечает за то, что надлежащим образом работа не была проверена?

Олейник. Конечно отвечает.

Рогинский. На нем лежит ответственность за те дефекты, которые в результате мы имели на Мотовилихинском заводе?

Олейник. Конечно лежит. Для этой цели он и приехал.

Рогинский. Теперь вопрос подсудимому Нордволлу. Дело обстояло так, как говорит Олейник?

Нордволл. Нет. Толчок был, когда была синхронизация двух-трех других машин. Нашей машины не было. Наша машина в то время стояла. Две другие машины были синхронизированы.

Рогинский. Олейник излагает несколько иначе. Вы слышали?

Нордволл. Слышал. Он неправильно говорит.

Рогинский. Почему же получились те дефекты, которые вы сами здесь изложили? В результате неправильной схемы соединений или по другим причинам?

Нордволл. В результате неправильной схемы.

Рогинский. Но вы здесь проводили работу!

Нордволл. Я приезжал для проверки. Я сам проверил все релэ. Ничего не заметил. И не только я. Все ваши экспертные комиссии от Электроимпорта, который покупает наше оборудование, все инженеры Мотовилихинского завода все эти ошибки пропустили. Когда новое оборудование первый раз пускают, всегда бывает какая-нибудь детская болезнь. Каждый инженер это знает.

Рогинский. Значит вы считаете, что то, что произошло на Мотовилихинском заводе, есть случайность, а не умышленный технический недосмотр?

Нордволл. Совершенно случайный недосмотр.

Рогинский. Теперь вопрос Олейнику. Вы слышали показания Нордволла о его работе на Макеевке?

Олейник. Да.

Рогинский. Вы на Макеевку приезжали?

Олейник. Не приезжал, а работал вместе с ним.

Рогинский. Дело обстояло так благополучно, как рассказывал здесь Нордволл, или мы имеем и там дефекты, подобные тем, которые мы имели на Мотовилихе?

Олейник. Дефекты конечно были.

Рогинский. Дефекты какого порядка?

Олейник. Там было несколько дефектов.

Рогинский. Аварий или дефектов?

Олейник. Была авария.

Рогинский. Серьезная?

Олейник. Довольно серьезная.

Рогинский. Какое отношение эта авария имела к работе Нордволла?

Олейник. Если вы мне разрешите рассказать это подробно, потому что коротко я не умею.

Рогинский. Нет, вы покороче, но так, чтобы было ясно.

Олейник. Там была авария с двумя мотор-генераторами. У одного мотор-генератора разорвало муфту и часть бабины, на которой намотана обмотка якоря генератора. Этим куском, который отлетел, весом пуда в 3, разбило обмотку, а потом он отлетел рикошетом и повредил другой мотор-генератор. Таким образом сразу были выведены из строя два мотор-генератора.

Рогинский. Какая связь этой аварии с той работой, которую проводил на Макеевке Нордволл?

Олейник. Нордволл официально никакого отношения к этому не имел. Там было только пусковое релэ «Метро-Виккерс» и, как потом оказалось, релэ было включено неправильно.

Рогинский. Какое влияние это оказало на эту аварию?

Олейник. Дело в том, что как только начали пускать этот мотор-генератор, то ясно было каждому, в том числе и мне конечно, что мотор-генератор пускается ненормально, слишком быстро рвет. Об этом я говорил Нордволлу, но он сказал, что это не наше дело.

Рогинский. А чье это дело?

Олейник. Он говорил на том основании, что пусковое релэ «Метро-Виккерс» было передано без монтажа, устанавливал его штат Макстроя под руководством Добродеева, а раз «Метро-Виккерс» никакого отношения к монтажу не имеет, то официально и Нордволл не имеет.

Рогинский. Значит поскольку формально вы не отвечали как представитель конторы «Метро-Виккерс» за работу этих машин, то независимо от того, что для вас и, как вы уверяете, и для Нордволла была ясна неправильная работа этих машин, вы не считали себя обязанным предупредить возможность аварий этих машин? Я спрашиваю—правильно ли сделать такой вывод?

Олейник. Нет, неправильно.

Рогинский. Объясните, в чем неправильность.

Олейник. Хотя бы установка была другой фирмы, но если я вижу, что неправильно производится установка или пуск, а тем более, что это фирма «Метро-Виккерс», а не другая, то я должен обратить внимание на это.

Рогинский. А вы обратили внимание в данном случае?

Олейник. Я не мог обратить внимание, потому что я не электрик.

Рогинский. А кто обратил или должен был обратить?

Олейник. Я обратил внимание тогда, когда авария произошла.

Рогинский. А до аварии кто должен был обратить внимание?

Олейник. Формально Макстрой.

Рогинский. Я говорю не формально...

Олейник. А нравственно, морально Нордволл.

Рогинский. А он обратил внимание?

Олейник. Нет, он злорадствовал после аварии.

Рогинский. И не обратил внимания никого из персонала Макстроя?

Олейник. Он сказал, что в следующий раз будут требовать монтеров для монтажа.

Рогинский. Следовательно Нордволл вместо того, чтобы обратить внимание персонала Макеевского строительства, злорадствовал по этому поводу?

Олейник. Да, он сказал, что в следующий раз будут умнее и будут требовать монтеров, а не будут сами монтировать.

Рогинский. Правильно это показание, Нордволл?

Нордволл. Нет, неправильно.

Рогинский. Вы значит их отрицаете?

Нордволл. Я отрицаю основное, что он говорит, но некоторые аварии были, я этого не отрицаю. Авария была на агрегате мастера Плята.

Рогинский. Предупреждал вас Олейник о возможной аварии?

Нордволл. Нет.

Вышинский. Один вопрос к Олейнику. Меня интересует макеевская история. Выходит, что на Макеевке с блюмингом было неблагополучно?

Олейник. Это еще не все.

Вышинский. У меня такое впечатление. На блюминге имеется релэ этого прокатного стана. Правильно я представляю, что из-за того, что оно оставалось включенным при предохранителе, это создавало опасность серьезных аварий?

Олейник. Да, безусловно.

Вышинский. Почему это было?

Олейник. Нордволл сказал, что это ошибка завода.

Вышинский. Устранить ее надо было?

Олейник. Надо было.

Вышинский. Была она устранена?

Олейник. Нет.

Вышинский. Опасность аварии оставалась?

Олейник. Да.

Председатель. Больше вопросов нет?

Вышинский. Нет.

Председатель. Садитесь, подсудимый Олейник. У защиты вопросы есть?

Долматовский (к подсудимому Нордволлу). Вы не можете сказать, как протекала работа с блюмингом на Макеевке?

Нордволл. Работа на Макеевском заводе была очень благополучна.

Долматовский. Разрешите задать вопрос Олейнику. Вы считали уже себя членом контрреволюционной организации, когда предупреждали Нордволла?

Олейник. Считал.

Долматовский. Его тоже считали?

Олейник. Нет, меня предупредил Торнтон, что с Нордволлом надо быть очень осторожным, потому что он, если не совсем большевик, то без пяти минут большевик.

Долматовский. Значит, вы говорили, что надо что-то сделать,

а он злорадствовал, между тем, вы знали, что он без пяти минут большевик?

Олейник. Нет, не совсем так. Это мне сказал Торнтон, я его не считал большевиком.

Долматовский. Вы считали его своим человеком в организации или нет?

Олейник. Больше, чем своим.

Долматовский. Что это значит?

Олейник. Потому что мне столько не доверяли, сколько ему.

Председатель. Кто не доверял?

Олейник. Фирма.

Долматовский. Вы не считали его своим в вашей контрреволюционной организации?

Председатель. Подсудимый Олейник под словом организация подразумевает вероятно не то, что вы. Поясните.

Долматовский. Я имел в виду не «Метро-Виккерс», а вашу организацию. Почему, когда вам Торнтон сказал, опасайтесь Нордволла, вы его предупреждали?

Олейник. Я не понимаю вашего вопроса.

Долматовский. Тогда не стоит. Я думаю, что суду ясно.

Вышинский. Ничего не ясно.

Председатель. Есть вопросы у защиты?

Долматовский (к подсудимому Нордволлу). Скажите, сколько времени вы были на Ивгрэсе?

Нордволл. Я на постоянной работе был первые два месяца после приезда, а после этого работал постоянно в городе Иваново-Вознесенске, это в 40 верстах от электростанции.

Долматовский. Правильно ли говорил Лобанов, что вы 6 месяцев работали на одном производстве?

Нордволл. Неправильно.

Долматовский. Подсудимый Лобанов, вы сказали, что работали вместе 6 месяцев.

Лобанов. Я говорил не о непрерывной работе, я говорил о прерывной работе.

Долматовский. Значит работали всего 6 месяцев в контакте?

Лобанов. Его работа была прерывной, он работал на электростанции № 1 и работал на Ивгрэсе.

Долматовский. Сколько километров от 1-й электростанции до Ивгрэса?

Лобанов. Верст 30. Я об этом указывал.

Долматовский. У меня больше вопросов к Лобанову нет. Теперь я хочу уточнить некоторые подробности по поводу шубы. Вы деньги от Лобанова получили, затем куда вы их дели. Передали их вы Тейлору?

Нордволл. Эти деньги я передал Тейлору таким образом. Эти 500 рублей я положил в свой карман. Я имел в виду, что мне нужны деньги, потому что в то время я как раз 15 января уезжал в Ивановский район, моя жена оставалась в Иванове, и ей нужно было оставить деньги, пока я устроюсь на другое производство.

Долматовский. Когда вы женились?

Нордволл. Я женился 25 сентября 1931 года.

Долматовский. Когда вы научились более или менее хорошо говорить по-русски?

Нордволл. Я стал говорить лучше после знакомства с женой.

Долматовский. Кто ваша жена?

Нордволл. Она — сотрудница Огиза.

Долматовский. Она русская?

Нордволл. Да.

Долматовский. Постоянная жительница Иваново-Вознесенска?

Нордволл. До того, как я с ней познакомился, она жила там только 2 года.

Председатель. У других защитников есть вопросы?

Защита. Нет.

Председатель. У прокуратуры?

Прокуратура. Нет.

Председатель. У подсудимых? Нет. Нордволл, садитесь пожалуйста.

Долматовский. У меня в связи с этими показаниями есть просьба. Тут возникал вопрос об ошибках Нордволла, и я хотел бы обратить внимание на то, что на очной ставке, если Нордволл и ошибся в сумме стоимости шубы и вместо 500 он назвал 400, то он сказал: «кажется 400 рублей».

Затем шла речь о другой более важной ошибке—на очной ставке Нордволл 15 марта сказал: «Эту сумму дал мне Лобанов на следующий день, а я передал ее Тейлору, вернее я не передал, а он получил эти деньги в кассе конторы за мой счет».

Потом оказалось, что он ошибся, и я хочу установить, что он не передал лично это деньги, а списал на свой счет.

Вышинский. Я прошу также суд удостовериться, что в деле Нордволла имеется его заявление о том, что он ошибся, говоря о расплате с Тейлором через Московскую контору «Метро-Виккерс», и, во-вторых, что он подал это заявление с указанием своих ошибок лишь после того, как в его присутствии следователем был произведен осмотр денежных книг конторы и составлен акт, согласно которому заявление Нордволла, что эта сумма была проведена по книгам фирмы «Метро-Виккерс», было опровергнуто.

Эти два факта я просил бы зафиксировать в памяти суда.

Председатель. Подсудимый Зиверт (Зиверт подходит).

Скажите, как вы стали заниматься вредительством?

Зиверт. В первый раз с Торнтоном я встретился на Нигрэсе, где я работал по установке подстанции 115 000 вольт. На этой станции было поставлено оборудование фирмы «Метро-Виккерс», как например трансформаторы. На этот монтаж приехал мистер Торнтон, инженер от «Метро-Виккерс». По указанию нашей администрации, нам было дано предупреждение, что отношение ко всем иностранцам должно быть самое вежливое и все их требования должны быть исполнены без всяких возражений.

На заседании главный инженер высказал такую мысль, что мы получаем такое оборудование, с которым могут обращаться только иностранцы — высокие специалисты, — и нам русским к этому оборудованию лучше не подходить. Это слово меня задело. Я считаю, что всякая

машина, которая сделана человеческими руками, доступна каждому. Я очень интересуюсь машинами. Я не получил технического образования, у меня образование исключительно практическое при советской власти. Я задался целью постичь все новейшие машины. Во-вторых, когда на V съезде советов Кржижановский и Ленин поставили вопрос об электрификации СССР, я решил работать всю жизнь по электрификации, и я продолжаю работать в этой области 10 лет. Торнтон показался мне чрезвычайно ценным человеком. Торнтон как английский инженер с первого дня объяснял устройство трансформаторов и всех приборов фирмы «Метро-Виккерс», их монтаж, монтаж масляников и так далее, которые мы впервые видели в России.

Он, прочитав целую лекцию, дал практические объяснения относительно контроля сердечников, объяснял каждый контактик, каждый винтик, говорил, как надо бережно обращаться при монтаже, чтобы не разбить, и так далее.

Я очень стал уважать мистера Торнтона, во-первых, потому, что нам было указано относиться с уважением к иностранцам-специалистам, и, во-вторых, это был человек, у которого можно было многому поучиться русским рабочим. У меня была страсть научиться обращению с этими машинами, и я поставил перед собой эту задачу.

Так мы работали в 1925 и 1926 году. После окончания работ на Нигрэсе я работал на станции в 20 000 киловатт. Там работали еще другие инженеры фирмы «Томсон Хастон», которые приспособляли все устройство. Я был связан с другими английскими фирмами, англичан было около 8 человек, но с ними вышел довольно острый спор. Был такой момент, что через несколько месяцев работы англичане побросали распределительное устройство и говорят—мы уходим.

По окончании работы на Нигрэсе в 1926 году приехал Торнтон.

Виноват, я еще забыл рассказать. Когда мы проработали недели 2—3, мистер Торнтон меня приглашает и говорит—я вам покажу каталоги и чертежи трансформаторов. Он сказал, что это очень ценная вещь, она находится у него на квартире, и пригласил меня к себе. Я очень обрадовался. Он жил тогда в доме для иностранцев-специалистов, имел отдельную комнату. Когда я к нему пришел, он мне показал чертежи разных трансформаторов. После этого он мне говорит—может быть пообедаем? Я ответил—почему нет. Я ничего такого не думал. Заказали обед в столовой, пообедали. После этого он спрашивает—может быть вы выпиваете? Что же, говорю, бывает, не откажусь. Он говорит—у меня из Москвы есть бутылка хорошего вина. После обеда мы выпили вина и стали разговаривать.

Он мне говорит: скажите, товарищ Зиверт, как вы думаете—справитесь вы с этим строительством, которое начали? У нас тогда были сильные монтажные кадры, которые мы укомплектовали еще старыми электриками в 1924 году. Было только одно больное место—нехватало инструментов. На одних тисках приходилось работать 4 слесарям.

Так вот он и спрашивает: как вы думаете, что у вас плохо? Я так попросту ему и говорю, что все хорошо, только нехватает инструментов, но все же через Сормовский завод мы может быть их достанем. На этом мы кончили. После этого приехал другой монтер и продолжал эту работу на подстанции. В 1926 году, когда все было закончено, приехал мистер

Торнтон для приема и испытания трансформатора. В 1926 году мистер Торнтон предложил мне поступить на службу к фирме «Метро-Виккерс». Говорил, что они получают разрешение организовать в Москве русскую контору, что трудно с людьми, но что он сделает так, чтобы я мог там служить. Я сказал ему, что я намечаю другое. Моей целью было — работать исключительно по электрификации России. Был поставлен вопрос правительством насчет Днепростроя. Я ему категорически ответил, что я наметил работать на Днепрострое, потому что там крупное строительство, и сказал, что у вас служить не буду. Он говорит: если вы не хотите, я могу вас рекомендовать на Днепрострой, у меня там есть знакомые. Эти люди: Винтер и Карпов, которые были строителями Шатурской станции. Они переехали на постройку Днепростроя. В 1927 году, в апреле месяце, я подал заявление Ступину, главному инженеру, чтобы он отпустил меня на Днепрострой. Он говорит: очень жаль вас отпускать, но раз так, то желаю вам успеха. Лично при мне позвал своего секретаря и велел написать два письма. Одно письмо А. В. Винтеру, второе письмо Чижевскому.

Председатель. Вы говорите не о том, о чем вас спрашивают.

Зиверт. После окончания работ, когда были испытания, мистер Торнтон благодарил за работу. Рабочим дал 25—50 рублей. Мне дал 50 рублей за помощь в работе. Эта помощь заключалась в следующем: мною переконструированы холодильники двух трансформаторов. Там была конструкция такая, чтобы каждый холодильник был на одну группу. Я сделал так, что если одна группа остановится, то можно было перекрыть. И много таких вещей переделывал. Этим кончились мои встречи на Ивгрэсе с мистером Торнтоном.

В 1927 году я уехал на Днепрострой. С этого времени я с мистером Торнтоном не встречался. В 1930 году, когда были закончены все подготовительные работы на Днепрострое, мне скучно было сидеть без дела. Я через организации и администрацию просил отправить меня в Энергоцентр для монтажа других электростанций, которые находились в стадии монтажа. Получив такое назначение, я приехал в Москву в отдел кадров Энергоцентра. Мне предложили 3 станции: Челябинскую, Ивгрэс и Нижнюю. Но так как я был связан с учением моей дочери...

Председатель. Обращаю внимание, что вы говорите не по тому вопросу, который я задал.

Зиверт. Я очутился на Ивгрэсе, где было поставлено все оборудование «Метро-Виккерс». Приехал я на Ивгрэс 18 февраля 1930 года. На Ивгрэсе было все оборудование «Метро-Виккерс», начиная от турбин, трансформаторов, масляников, и все распределительное устройство. Встречаемся с Торнтоном. Он говорит — я очень рад, что вы приехали, знакомый человек будет вести оборудование. Он меня рекомендует администрации Ивгрэса как человека, которому доверяется оборудование. Для меня это показалось очень приятным, что он является знакомым человеком и работа может быть подвинута.

На Ивгрэсе нужно было установить в первую очередь трансформатор 12 000 киловатт для подачи энергии торфоразработкам. Трансформатор был 38 000 вольт. Нужно было 1 мая закончить, но мы на Ивгрэсе их получили 15 апреля. Был поднят вопрос о посылке инженеров или монтеров английской фирмы для монтажа этих трансформаторов. Вместо этого

получилась бумага из Москвы, что монтеров прислать не можем, мы доверяем Зиверту монтировать и отвечаем за его монтаж, но при условии, что при осмотре сердечников и при испытании должен участвовать фирменный представитель. Для меня лично это была большая честь, что я настолько сильный человек, что фирма доверяет монтировать трансформаторы 38 000 вольт напряжения. Администрация согласилась, раз фирма берет гарантию. Я приступаю к монтажу трансформаторов. Мы получили их в конце апреля, приняли в мастерскую. Приехал Торнтон для осмотра сердечников. Осмотрев сердечники, Торнтон уехал, я остался их сушить, опирать на фундамент и вести на монтаж до полного испытания. Эта работа была сделана. После этого был вызван Торнтон, который приехал на испытание. Приехал Торнтон на испытание, сделал испытание трансформаторов и при всей администрации, где был главный инженер и директор, на открытой подстанции пожал мне руку, поблагодарил, что работа сделана хорошо, большое спасибо и так далее. Но во время осмотра сердечников, до сушки трансформаторов, он сделал предложение, сказал, что мы англичан посылать не будем, может быть вы согласитесь работать без англичан, мы будем вам платить, а вы будете работать. Я ответил, что я не берусь отвечать за группу трансформаторов 38 000 киловатт. Ведите переговоры с правлением, если правление желает, это меня не касается, но так я работать не буду. Я не знаю, говорил он или нет, но после этого приехали 2 английских инженера на монтаж.

После этого испытания, когда люди разошлись, мы зашли на открытую подстанцию и поговорили. Он мне говорит: товарищ Зиверт, нате вам деньги, вы может быть нуждаетесь в деньгах, спасибо за вашу работу, но вы будете у меня работать и дальше в смысле помощи инженерам, которые приедут из Англии, но важно, чтобы вы давали сведения.

Председатель. Вы взяли деньги?

Зиверт. Да, взял. Вы, говорит он, дайте мне сведения, а главное, вы должны не так быстро работать, как работали на Нигрэсе, а тормозить работу и не наблюдать так за качеством работ, потому что наше оборудование настолько прочное, что этого не нужно. Одним словом, торопиться некуда. По его словам выходит, что нужно стараться как-нибудь тормозить строительство и что все сведения, когда он уезжает, можно передавать инженеру Эллиоту в машинном зале, который примет мою информацию. Я эти деньги получил. Он попрощался и говорит: я сегодня должен уехать, и уехал. Я посчитал деньги — 500 рублей. Я подумал — что с этими деньгами делать? У меня было такое положение, что я просто не знал, что делать. Дать ГПУ эти деньги побоялся по своей слабости, начнется допрос, начнется канитель, он не будет признавать. Я эти деньги отнес в мастерскую и положил на трансформатор в мастерской, на стропила. Жене я не понес, потому что будет спрашивать — откуда я получил деньги. После этого, через 4 дня, я должен был ехать в Ленинград в командировку. Я поехал. Там и думаю — как же быть? Как же тормозить монтаж? Как все испортить? Развеялся и думаю — как же быть? Как же тормозить монтаж? Как быть, он скажет, что ты деньги получил, напишет анонимку и я опять пропал.

Председатель (к прокурору). Вы имеете вопросы к подсудимому?

Рогинский. Начнем с выяснения следующих обстоятельств. Вы на какой должности состояли на Ивановской электростанции?

Зиверт. Мастером трансформаторного масляного хозяйства.

Рогинский. Следовательно на советской государственной службе?

Зиверт. Да.

Рогинский. К фирме «Метрополитен-Виккерс» вы формально какое-либо служебное отношение имели?

Зиверт. Не имел.

Рогинский. Вы состояли на советской государственной службе. На каком же основании вы взяли деньги от представителя частной фирмы, будучи на государственной службе?

Зиверт. Сделал преступление.

Рогинский. Посмотрим, за что вам были даны деньги.

Перейдем прямо: какие вредительские акты вами были совершены на Ивановской электростанции?

Зиверт. Вредительские акты, которые я совершал,—это сокрытие дефектов у масляных выключателей.

Рогинский. Дальше.

Зиверт. Потом при обточке коллекторов была не укрыта лобовая часть...

Рогинский. Вывод из строя умформера?

Зиверт. В-третьих, тормозить монтаж трансформаторов масляников.

Вышинский. Это было вами выполнено?

Зиверт. Поскольку можно, это было выполнено.

Вышинский. Ваши вредительские действия удовлетворили тех, которые вам затем заплатили за эти вредительские действия?

Зиверт. Не знаю. Мне ничего об этом не говорили.

Вышинский. Вас отблагодарили?

Зиверт. Дали еще 300 рублей.

Вышинский. Значит поручение было выполнено, и сверх 500 рублей вы получили еще 300 рублей. Так?

Зиверт. Так.

Вышинский. Это уже несколько иное, чем те повествования, которые вы рассказывали нам в течение 15 минут.

Можно ли мне сейчас задать вопрос Торнтону?

Председатель. Пожалуйста.

Вышинский. Вы показания Зиверта слышали?

Торнтон. Слышал.

Вышинский. Вы подтверждаете эти показания?

Торнтон. Не подтверждаю.

Вышинский. Ни в одной части не подтверждаете?

Торнтон. Я ему не говорил, и он этого не делал. Я не говорил, чтобы портить трансформаторы, он не скрывал дефектов масляников, так как о дефектах масляников составлены акты. Так что я это отрицаю.

Вышинский. Дефекты не скрывал, портить оборудование не поручали?

Торнтон. Нет.

Вышинский. А деньги давали?

Торнтон. Я ему дал 250 рублей за установку трансформатора.

Вышинский. Он был служащим вашей фирмы?

Торнтон. Был.

Вышинский. Подсудимый Зиверт, вы были служащим их фирмы?

Зиверт. Нет.

Торнтон. Он не был нашим служащим.

Вышинский. Почему же вы дали ему деньги?

Торнтон. Он хорошо исполнил работу.

Вышинский. Чью работу?

Торнтон. Которую он делал.

Вышинский. Он эту работу делал как ваш служащий?

Торнтон. Он получил за то, что хорошо выполнял свою работу по монтажу.

Вышинский. А он обязан был это делать по своей должности как советский государственный служащий?

Торнтон. Я считаю, что он мог отказаться.

Вышинский. Вы могли отказаться?

Зиверт. Я мог бы отказаться.

Вышинский. Будучи на государственной службе? Вы, будучи на советской государственной службе, выполняя определенные обязанности, в круг которых входило наблюдение за монтажом, вы имели право отказаться?

Зиверт. Я не понимаю.

Вышинский. Вы обязаны были нести эту работу по своему служебному положению?

Зиверт. Обязан.

Вышинский. Если вы были обязаны, то как вы могли отказаться?

Зиверт. Не мог.

Вышинский. Могли ли вы, помимо тех денег, которые вам были положены по вашей официальной должности как жалованье, получать деньги со стороны?

Зиверт. Нет.

Вышинский. И ту награду, о которой говорил Торнтон, вы не имели права получать?

Зиверт. Не имел права.

Вышинский. Вы получили за то, что вы хорошо провели монтаж или за то, что задержали?

Зиверт. Вероятно за то, что задержал.

Рогинский. Уточним сумму. Торнтон говорит 250 рублей, а вы?

Зиверт. 500 рублей и 300 рублей.

Рогинский. То есть?

Зиверт. 800 рублей.

Рогинский. Это помимо тех, которые получили на Нигрэсе?

Зиверт. Да.

Рогинский. Где 300 рублей получили и когда?

Зиверт. В конторе «Метро-Виккерс».

Рогинский. От кого?

Зиверт. От Торнтона.

Рогинский. Лично от него?

Зиверт. Лично.

Рогинский. Где — в кабинете?

Зиверт. В кабинете.

Рогинский. Кто-нибудь еще присутствовал при этом?

Зиверт. Нет.

Рогинский. Глаз на глаз?

Зиверт. Глаз на глаз.

Рогинский. Расписку не давали?

Зиверт. Нет. Было дело так: он спросил: «уезжаете?» я ему сказал: «да», после этого он сказал: «спасибо за работу» и дал еще 300 рублей.

Рогинский. Будучи на государственной службе, вы согласились проводить вредительские акты и здесь в Москве направились в контору «Метро-Виккерс» и получили дополнительную взятку в 300 рублей за свою вредительскую деятельность?

Зиверт. Я пошел в контору не для того, чтобы получить эти 300 рублей.

Рогинский. А для чего?

Зиверт. Были дела по службе.

Рогинский. Какие дела?

Зиверт. Когда произошла авария на Ивгрэсе, надо было заказать трансформаторы. Когда я приехал с инженером получить лицензию на заказ, мне было поручено правлением Ивгрэса зайти в контору «Метро-Виккерс» и просить о скорейшем получении их оборудования.

Рогинский. За что же вы получили 300 рублей?

Зиверт. За работу на Ивгрэсе.

Рогинский. О которой вы здесь рассказывали?

Зиверт. Да, о которой рассказывал.

Рогинский. Подсудимый Торнтон, это имело место?

Торнтон. Я 300 рублей не давал.

Рогинский. А он был в конторе?

Торнтон. Был и деньги занимал.

Рогинский. Какую сумму?

Торнтон. Я не знаю, это есть в книгах.

Рогинский. Это может быть как раз эти 300 рублей?

Зиверт. Это другие деньги.

Рогинский. Какие деньги?

Зиверт. Я поехал за покупкой инструмента. Нашел сверлильный патрон и на покупку его взял 50 рублей, а на следующий день эти деньги вернул.

Рогинский. Когда это было?

Зиверт. Это было в 1931 году.

Рогинский. А 300 рублей когда получили?

Зиверт. 300 рублей тоже в 1931 году, а 250 рублей в 1932 году, когда был в командировке на МОГЭС. Мне ВЭО контора Днепрокомбината не выдала денег ни на билет, ни на что. Когда приехал в Москву, я написал конторе МОГЭС выдать 400 рублей в счет командировки и в счет жалованья. МОГЭС отказался, так как не было денег перед ноябрьскими праздниками. Я зашел в контору «Метро-Виккерс» и попросил 250 рублей. Я написал расписку в бухгалтерии, и, вернувшись с Ивгрэса, я эти деньги отдал. Я два раза брал и каждый раз рассчитывался.

Рогинский. А эти 500 рублей и 300 рублей к этим суммам отношения не имеют?

Зиверт. Никакого отношения не имеют.

Рогинский. Значит это было прямое вознаграждение вам за вредительские акты, которые проводили на Ивгрэсе?

Зиверт. Да. Кроме того я получил костюм и ботинки, за которые заплатил 95 рублей.

Вышинский. Подсудимый Зиверт, вы занимались также и монтажом масляников?

Зиверт. Да.

Вышинский. Хорошо монтировали?

Зиверт. Дефектов было очень много?

Вышинский. В результате этих дефектов получились аварии?

Зиверт. Да.

Вышинский. Вы работали в 1931 году?

Зиверт. Да.

Вышинский. И часть 1932 года?

Зиверт. Я уезжал на курорт, потом работал часть 1932 года.

Вышинский. По моим подсчетам выходит месяцев 10. За это время сколько было аварий с масляниками?

Зиверт. Я не знаю, я уехал в августе 1931 года и был на эксплуатации 5 месяцев.

Вышинский. По данным следственного производства—10 месяцев, и за эти 10 месяцев у вас было 15 аварий с масляниками?

Зиверт. Нет, я был только 5 месяцев.

Вышинский. Ну, допустим. Сколько было аварий за это время?

Зиверт. Этого я не могу сказать. Я монтировал только два масляника, а там их должно быть 7.

Вышинский. Но аварии были?

Зиверт. При мне аварий не было, но были случаи, что масляники не выключались, целлюлоид был плохой.

Вышинский. А может быть они политически выключались — политически или технически?

Зиверт. Они выключались политически.

Вышинский. У меня больше вопросов к Зиверту нет.

Председатель. У защиты есть вопросы?

Пинес. Скольких лет вы начали работать в России?

Зиверт. Я начал работать с 1899 года.

Пинес. Ваше социальное происхождение?

Зиверт. Я происхожу из батраков. Мой отец умер, когда мне было 6 месяцев, он работал батраком у курляндских кулаков. Сам я пас свиней в детстве, затем работал мальчишкой в кабачке, потом кучером. В 1899 году я поступил учиться на слесаря.

Пинес. Значит вы по специальности слесарь?

Зиверт. Да.

Пинес. Какой у вас стаж?

Зиверт. Стаж—34 года.

Пинес. Вы учились где-нибудь?

Зиверт. Что касается учения, я три зимы посещал сельскую школу, но я даже плохо пишу.

Пинес. Сколько вы получали на последней должности?

Зиверт. 240 рублей.

Пинес. Скажите откровенно, почему вы пошли на предложение Торнтонна совершать вредительские акты — ведь вы прошли такой тяжелый жизненный путь?

Зиверт. Как я понимаю теперь, это произошло потому, что я очень уважал Торнтонна—он помог мне разбираться в машинах, и когда я получил деньги, я встал в тупик—как дальше быть? Словом, я не знал, что делать.

Пинес. Сколько времени продолжалась ваша вредительская деятельность?

Зиверт. Только один год.

Вышинский. Это много или мало?

Зиверт. Очень много.

Вышинский. Значит не «только» один год.

Зиверт. Теперь я чувствую, что я здоров, теперь я спокоен, а то все время не был спокоен.

Пинес. Вы до ареста служили в Ивгрэсе?

Зиверт. Нет, я ушел.

Пинес. Почему, вас уволили?

Зиверт. Нет, я ушел, так как я стремился избавиться от этого, я не хотел встречаться с фирменными инженерами. Я хотел еще уйти в 1930 году, но был связан с монтажом.

Пинес. Ушли для того, чтобы больше не встречаться с Торнтонном?

Зиверт. Чтобы не встречаться с фирмой «Метро-Виккерс», а именно с Торнтонном.

Пинес. Куда поступили?

Зиверт. В монтажное бюро ВЭО.

Пинес. И после этого ни с кем не встречались из специалистов-иностранцев?

Зиверт. С англичанами?

Пинес. Да.

Зиверт. Пришлось, к несчастью, встречаться опять.

Пинес. На какой почве?

Зиверт. В 1932 году, когда «Метро-Виккерс» было установлено 12 масляников на подстанции Днепрострой. Вместо монтера было послано письмо администрации Днепростроя о том, что фирма доверяет мне ремонтировать их масляники. Крупный монтаж. Проверить заливку маслом до приезда монтера «Метро-Виккерс». Но я был занят большой работой по Запорожстали — по первой электроплавильной печи. Был поставлен вопрос по линии ИТС, и было решено, что мне надо начать монтаж подстанции, иначе получится срыв на Днепростроевской электростанции. Я поневоле дал свое согласие. Хотя бы пришлось работать по 16 часов, но буду это делать. Было согласовано с моим начальником, что с 2 до 10 часов вечера я должен работать по монтажу этих масляников.

Пинес. Получили что-нибудь от фирмы «Метро-Виккерс»?

Зиверт. Там было дело серьезное. Здесь есть монтер «Метро-Виккерс» Грегори, который начал делать полный прорыв и порчу оборудования. Я встал не на защиту «Метро-Виккерс», а наоборот. Мистер Торнтон получил от меня два письма. Я писал, что если не будет убран Грегори, то я подниму шум. Я хотел выбросить Грегори потому, что он вывел меня из терпения. Он монтер, английский специалист, 45 дней делал один

изолятор. Я решил выступать не на защиту «Метро-Виккерс», а против. Грегори сразу стал вести на Днепрострое антисоветскую агитацию. Я ему предложил дать немедленное описание инструмента. Я пригласил моего товарища, который прекрасно говорит по-английски, чтобы они с ним писали. Пусть он опишет, что ему нужно, чтобы приготовить инструмент, чтобы не срывать работу. Он ничего не давал. Я считал, что дело пахнет нехорошим. Я дал по своим соображениям инструмент. Мы изготовили инструмент и стали делать. За 8 часов — 5 изоляторов. Грегори за 12 часов ставил только 1.

Рогинский. А вы от кого работали?

Зиверт. От Днепростроя.

Рогинский. Почему письмо написали Торнтону?

Зиверт. Потому что об этом я говорил администрации. Я указал, что нужно написать фирме насчет монтера, а администрация говорила, что это как-то неловко.

Рогинский. Когда это было?

Зиверт. В 1932 году после Йвгрэса.

Вышинский. Почему вы вдруг решили бороться против таких действий?

Зиверт. Потому, что моя совесть уже не переваривала этого дела. Все время меня мучила совесть.

Вышинский. Можно подумать так, что на Йвгрэсе вы вредили, а на Днепрострое вас охватило раскаяние и вы стали противодействовать?

Зиверт. У меня и здесь было раскаяние, но я боялся.

Вышинский. Значит под влиянием перелома, который с вами произошел, вы стали оказывать Грегори сопротивление. Я просил бы перевести эту часть показаний Зиверта для Грегори на английский язык и разрешить ему задать вопрос.

Зиверт. Пусть Грегори вспомнит, как он задерживал монтаж масляников.

Председатель. Вы просто повторите ваше показание, укажите, что делал Грегори.

Зиверт. Грегори делал, во-первых, искусственную задержку монтажа. Когда ему был задан вопрос, он ответил, что он приехал в Россию не работать, а деньги нажить.

Переводчик переводит для Грегори.

Грегори (перевод). Я не делал такого заявления.

Зиверт. Грегори начал говорить нашим рабочим, что у вас здесь люди ничего не имеют кушать, а у нас за 25 копеек кушают масло, белый хлеб и прочее. Вообще он вел агитацию, так что рабочие, которые понимали по-английски, стали заявлять мне, что надо обратить внимание на этого человека, что он нас разлагает, говоря такие вещи.

Переводчик переводит на английский.

Грегори (перевод). Но я не умею говорить по-русски.

Зиверт. Это слышали рабочие, которые понимают по-английски.

Председатель. На каком языке Грегори разговаривал?

Зиверт. По-английски.

Председатель. Вы понимаете по-английски?

Зиверт. Нет. Но там было трое рабочих, которые говорили по-английски.

Вышинский. По поводу того, что сейчас сказал Зиверт и ответил Грегори, я понял из показаний Зиверта, что он имел заявления от нескольких рабочих-англичан, говорящих следовательно на английском языке, что Грегори их, этих англичан, агитировал в антисоветском направлении.

Зиверт. Правильно.

Председатель. Он так заявил. Я не знаю, как переводчик перевел.

Вышинский. В таком случае, я прошу перевести это в виде моего вопроса подсудимому Грегори, что, во-первых, идет речь о его разговорах с соотечественниками на английском языке, а не на русском и что его ответ, что он не говорит по-русски, не содержит ответа по существу, и может быть он будет любезен ответить по существу.

Переводчик переводит подсудимому Грегори.

Грегори (перевод). Нужно помнить, что эти говорящие по-английски рабочие настолько мало знали английский язык, что все мое время уходило на то, чтобы объяснить, в чем заключается их работа и поэтому мне совершенно не оставалось времени заниматься советской политикой, которая к тому же меня не интересует.

Председатель. Мне кажется, что не стоит развивать этот вопрос, поскольку Зиверт говорит со слов третьих лиц, которых нет и которых вызвать в качестве свидетелей нельзя. У защиты есть вопросы?

Брауде (к подсудимому Зиверту). Скажите пожалуйста, к моменту вашей встречи с Торнтоном, когда были вручены деньги, вы принадлежали к какой-нибудь контрреволюционной организации в то время?

Зиверт. Нет.

Брауде. У вас были советские или антисоветские убеждения?

Зиверт. Советские.

Брауде. Тогда непонятно. Вы, старый трудящийся, не принадлежали к контрреволюционной организации, вы, человек советски настроенный, и за несколько сот рублей беретесь совершить вредительство стране, в которой вы живете. Вы здесь сказали — из уважения к Торнтону, что же, вы Торнтону больше уважали, чем государство, в котором вы живете, или деньги больше?

Зиверт. Защитник спрашивает, почему я сразу стал таким контрреволюционером, как я мог взять деньги из-за уважения к Торнтону? Если человек уважает другого человека, в особенности того, который вам помог, а вы знаете, что я в 1925 году совершенно не знал трансформатора, говорили, что это какая-то диковина для нас, что мы не можем работать, а уже в 1930 году я монтировал 38 000 вольтные трансформаторы по поручению английской фирмы. Вы представляете, что это значит для нас, рабочих-практиков, не имеющих технического образования. Получилось такое положение, что я, встретившись с этим человеком, получил деньги и взял их.

Брауде. Значит в благодарность за учебу, за то, что он научил вас работать и создавать, вы стали разрушать?

Долматовский. Вы монтировали вместе с Грегори масляники?

Зиверт. Да.

Долматовский. Какая мощность?

Зиверт. 21/2 миллиона.

Долматовский. А вы монтировали какой?

Зиверт. 1 миллион.

Долматовский. Разница большая. Почему же указываете, что он в 45 дней монтировал, а вы в 22, разве безразлично, каких размеров масляники?

Зиверт. Нет, разница большая. Тут разница заключается в том, как человек делает. Если человек приходит и держит руки в карманах, понюхает табачку и говорит: не делайте никто, я буду заниматься этим только один. И вот 9 человек стоят кругом него, а делает он один. Это не работа. Если я монтировал, то у меня все 9 человек работали.

Председатель. У защиты больше вопросов нет?

Защита. Нет.

Председатель. У подсудимых нет вопросов? Нет.

У прокуратуры есть вопросы?

Вышинский. Итак вы, состоя на государственной службе, будучи служащим советского государственного предприятия—электростанции—осуществляли ряд действий, которые нам сейчас приходится квалифицировать, называть и определять как вредительские. Так?

Зиверт. Как вредительские.

Вышинский. Они заключались в том, что вы затягивали, тормозили монтаж масляников, трансформаторов, в том, что вы умышленно действовали таким образом, что в результате этих действий были пробиты секции на коллекторе и он был выведен из строя.

Зиверт. Да.

Вышинский. Третье. Что в этот период времени вы нередко встречались с Торнтоном в частной обстановке, получали от него деньги за эту работу. Правильно?

Зиверт. Да.

Вышинский. Итак, на одной чаше весов ваше положение, ваши отношения с Торнтоном, ваше улучшившееся материальное положение, а на другой чаше весов—интересы пролетарского государства, интересы социалистического строительства, и вы избрали какую из этих чаш?

Зиверт. Самую плохую.

Вышинский. Можно ли сказать, что вы по существу предали интересы пролетарского отечества?

Зиверт. Да.

Вышинский. Сознаетесь?

Зиверт. Сознаюсь.

Брауде. Сколько времени Торнтон пробыл на Ивгрэсе после вручения вам денег?

Зиверт. Уехал в тот же день.

Брауде. Значит в течение этого года, пока вы вредили, он там не был?

Зиверт. Он приезжал.

Брауде. В его отсутствие происходили вредительские действия?

Зиверт. Там был назначен Эллиот, который наблюдал за этим.

Брауде. Что же он—проверял, указывал?

Зиверт. Там был мистер Эллиот, который указывал.

Брауде. Но вы боялись?

Зиверт. Боялся.

Председатель. Садитесь пожалуйста, подсудимый Зиверт.

Грегори (перевод). Я желаю, чтобы суд выслушал мое заявление.

Председатель. Пожалуйста.

Грегори (перевод). Этот человек—Зиверт—порочит мою репутацию, и вы принимаете это заявление без доказательств. Справедливо ли это?

Председатель. Переведите Грегори, что мы заслушали показания подсудимого Зиверта, а теперь заслушаем объяснения Грегори. Кому мы поверим—Грегори узнает из нашего решения (делается перевод).

Грегори (перевод). Я был послан на Днепрострой на постройку крупных масляников. Это наиболее крупные масляники, которые когда-либо были сделаны фирмой, это самые крупные выключатели, которые когда-либо были построены в России. Когда я уезжал из Московской конторы, меня предупредили, что это есть самые крупные выключатели в России и что в прошлом не было аварий наших выключателей, поэтому меня просили быть особенно осторожным и самому лично проверять все монтажи этих выключателей. Это означало для меня большую работу, это означало для меня, что мне самому нужно было лезть в масляники в самую жаркую погоду. Однако, для поддержания своей собственной репутации, а также для поддержания репутации фирмы, я проверял все детали, касающиеся сборки и монтажа этих выключателей.

Теперь я перехожу к той части, которая касается Зиверта. Зиверт стремился монтировать сам эти выключатели на другой подстанции. Я раньше никогда не знал Зиверта, поэтому не мог оказывать ему доверия, но несколько позже я узнал, что он лучше, чем я раньше думал, чем было мое первое впечатление о нем. Я работал на Днепрострое в это время и затем уехал в Дзержинск, то есть на то место, которое являлось моей постоянной работой.

Будучи на Днепрострое, я полностью закончил сборку одного выключателя. Другой выключатель был почти закончен и два других выключателя были закончены сборкой наполовину. Иначе говоря, полностью было собрано 3 выключателя. Эта работа производилась с 16 июля по 3 сентября прошлого 1932 года.

Я хочу обратить внимание суда на следующее: с самого начала крупная работа велась на Днепрострое и необходимые масляники было трудно достать. Но несмотря на задержку в материале, было собрано 3 выключателя в течение 48 дней. Эти выключатели представляли собой каждый массив в 45 тонн.

Таким образом, я оставляю на суждение технической экспертизы, была ли эта работа проделана в короткий срок или нет. Я говорю, что если бы эта работа была проделана в меньший срок, то от этого пострадало бы качество работы.

Я благодарю суд за то, что он меня выслушал.

Председатель. Объявляется перерыв на 20 минут.

Заседание после перерыва возобновляется в 8 часов 35 минут.

* * *

Командант. Прошу встать, суд идет.

Председатель. Садитесь пожалуйста.

Подсудимый Сухоручкин, займите место. Расскажите основные моменты вашей биографии.

Сухоручкин. Родился в 1894 году, 30 мая в станице Ново-павловской, бывшего Терского округа. Отец был торговцем. Я прошел три отделения станичной школы, после чего, по указанию местного священника, был определен отцом в миссионерскую духовную семинарию близ города Владикавказа (Орджоникидзе). Пробыл там 8 лет, до 1913 года. По окончании семинарии я два года учительствовал, после чего в конце 1915 года приехал в Москву, где был зачислен студентом Московского коммерческого института, и предполагал учиться. В начале 1916 года параллельно с учебой, которую я уже начал, я поступил на работу. Тогда существовал так называемый Земгор-союз, объединяющий земство и города по устройству инженерно-технических отрядов. Я работал в качестве сортировщика на военных складах примерно в течение 6 месяцев, после чего я был принят в одну из дружин, которая работала впоследствии в Барановичском направлении около Минска. В этой дружине проработал до половины 1917 года. В половине 1917 года возвратился опять в Москву с целью продолжать учебу в институте, но по материальным условиям я должен был опять поступить на работу, и я поступил на работу в Московскую государственную сберкассу в качестве контролера. В Московской сберкассе я работал до начала 1919 года. Работая в сберкассе, я принимал участие в общественной жизни, в частности по профсоюзной линии, почему в январе месяце 1919 года на Всесоюзном съезде я был выбран в члены Центрального комитета в качестве представителя сберкасс. В Центральном комитете союза я проработал до конца 1919 года, когда как студент был призван в Красную армию. В Красной армии я пробыл один год в 5-м запасном стрелковом полку в Москве. 3—4 месяца я пробыл в строю, а остальное время работал в канцелярии, и в конце 1920 года по декрету как студент был откомандирован из Красной армии для продолжения образования в институт. Я возвратился опять в Московский коммерческий институт, который назывался тогда Институт народного хозяйства имени Карла Маркса, и вместо того, чтобы продолжать обучение на экономическом факультете, на котором числился и раньше, я перешел на вновь сформированный факультет так называемый электропромышленности. На этом электропромышленном факультете я проучился с 1920 года до конца 1924 года. В феврале 1925 года я получил диплом на звание инженера и поступил на службу в МОГЭС, в частности на 1-ю Московскую станцию. На 1-й Московской станции я проработал, начиная с 1925 года, до дня моего ареста. Последовательно я занимал следующие должности: работал я один год по котельному хозяйству, а остальное время до 1 декабря 1931 года работал по электротехническому отделу, занимая последовательно следующие должности: сначала инженера электроотдела, примерно с половины 1929 года помощника заведующего электротехническим отделом и примерно с половины 1930 года работал в качестве заведующего электротехническим отделом. 1 декабря 1931 года я был назначен за-

ведущим станцией, и 1 марта 1932 года, в связи с реорганизацией, которая имела место на станции, я был назначен начальником эксплуатационного отдела, в котором и работал до дня моего ареста.

Председатель. Товарищ Вышинский, вопросы к подсудимому есть?

Вышинский. Да. В какой должности застал вас арест?

Сухоручкин. Арест меня застал в должности начальника эксплуатационного отдела.

Вышинский. Начальник эксплуатационного отдела на электростанции — это достаточно ответственная должность?

Сухоручкин. Да, это очень ответственная должность.

Вышинский. С точки зрения работы и судьбы электростанции — эта ответственность как может быть определена?

Сухоручкин. Это по существу решающая должность.

Вышинский. Можно сказать, что станция была в ваших руках?

Сухоручкин. Да.

Вышинский. Все основные важнейшие рычаги электростанции находились также следовательно в ваших руках?

Сухоручкин. Да, это так.

Вышинский. В чем заключались более конкретно ваши обязанности начальника эксплуатационного отдела станции?

Сухоручкин. Конкретно мои обязанности как начальника эксплуатационного отдела заключались в следующем: наблюдать за надежной и экономичной работой всего оборудования, имеющегося на станции.

Вышинский. Выполнили вы эту обязанность или нет?

Сухоручкин. Нет, не выполнил.

Вышинский. Вторая ваша обязанность?

Сухоручкин. Вторая моя обязанность — следить за работой персонала станции.

Вышинский. За оперативной работой?

Сухоручкин. Да.

Вышинский. Эту обязанность вы добросовестно выполняли?

Сухоручкин. Эту обязанность я по возможности выполнял.

Вышинский. А большие у вас были возможности?

Сухоручкин. Здесь возможности были может быть у меня меньше, чем по первому пункту, потому что подбор персонала не находился в полном моем ведении.

Вышинский. Правильно. А руководство работой персонала?

Сухоручкин. Руководство работой персонала находилось в моем ведении.

Вышинский. В этом отношении вы добросовестно выполняли эту обязанность в интересах станции, в интересах государства, руководя работой вверенного вам персонала?

Сухоручкин. Я не могу сказать, что полностью и здесь выполнил.

Вышинский. И здесь не полностью. Дальше, какие были у вас обязанности, связанные с монтажом?

Сухоручкин. Как начальник эксплуатационного отдела я непосредственно за монтаж не отвечал. У нас был ремонтно-монтажный отдел, который вел ремонт и монтаж оборудования.

Вышинский. Так что к монтажу вы не имели никакого отношения?

Сухоручкин. Никакого отношения не имел.

Вышинский. А ваши показания на предварительном следствии, о том, что будучи еще инженером электроотдела, вы ведали монтажом трехфазных трансформаторов и наблюдали за работой в частности Шатурской станции, как надо понимать?

Сухоручкин. Здесь есть недоразумение. Я начальником эксплуатационного отдела был с 1 марта 1932 года. У нас произошла на станции реорганизация.

Вышинский. А до этого?

Сухоручкин. До этого я работал в электроцехе, причем до этой реорганизации электроотдел и другие отделы, существовавшие на станции, как котельный и машинный, они вели как эксплуатацию, так и монтаж и ремонт.

Вышинский. В этот период времени вы имели отношение к монтажу?

Сухоручкин. Да, имел.

Вышинский. Следовательно до марта 1932 года вы имели непосредственное отношение и к монтажу?

Сухоручкин. Да.

Вышинский. Далее, когда вы были помощником заведующего электроотдела?

Сухоручкин. Примерно с половины 1929 года.

Вышинский. Тогда вы занимались вопросами эксплуатации станции?

Сухоручкин. Да, занимался.

Вышинский. Вели наблюдение—за чем?

Сухоручкин. Вел наблюдение за правильной эксплуатацией электрооборудования электростанций, в частности в мое непосредственное ведение входили—центральная станция и преобразователи частоты и моторные установки. Кроме того я нес дежурство по станции.

Вышинский. Все эти четыре обязанности по электроэксплоатации, по электрохозяйству являются ответственными?

Сухоручкин. Ответственными.

Вышинский. Эти обязанности вы, оценивая сейчас свою деятельность, можете сказать, что выполнили добросовестно, или у вас и здесь были грехи?

Сухоручкин. Я конечно не могу сказать, что выполнял их добросовестно.

Вышинский. Не можете сказать. И наконец уже в частности как начальник эксплуатационного отдела в последнее время вы отвечали за всю электростанцию, как электрическую часть, так и тепловую, хотя во главе каждой этой части стояли отдельные люди? Кто стоял во главе электрической части и кто стоял во главе тепловой части?

Сухоручкин. Вам назвать фамилии?

Вышинский. Да, если можно.

Сухоручкин. У нас было 3 цеха: котельный, машинный и электрический. Во главе котельного цеха стоял инженер Ковалев. Во главе машинного цеха в последнее время стоял инженер Лукашевский. С 1 марта 1932 года до 1 марта 1933 года инженер Крашенинников.

Вышинский. Значит Крашенинников заведывал машинным цехом, а электрическим?

Сухоручкин. Электрическим цехом заведывал инженер Яцунский.

Вышинский. Крашенинников, который находится на скамье подсудимых?

Сухоручкин. Да.

Вышинский. А Зорин чем занимался?

Сухоручкин. Он работал в Мосэнерго.

Вышинский. Он был связан с вами по службе?

Сухоручкин. Он был связан постольку, поскольку он был специалистом по турбинам и принимал участие по разбору аварий и по наметке предполагавшегося ремонта.

Вышинский. Теперь перейдем к этим авариям. На 1-й МГЭС имели место аварии в течение, скажем, 1931 года?

Сухоручкин. Аварии конечно имели место, но я сейчас точно сказать не могу, какие именно.

Вышинский. Если я напому вам некоторые даты, то вы вероятно как начальник эксплуатационного отдела вспомните. Вот например авария 9 марта 1931 года на 1-й МГЭС. 10 мая 1931 года, 16 июня 1931 года, в ноябре месяце 1931 года?

Сухоручкин. Аварии были, но я сейчас не могу без материалов припомнить и сказать, какого характера они были.

Вышинский. Эти аварии были проверены с точки зрения причин, вызвавших эти аварии, или эта проверка не была сделана? Во всех ли случаях аварий были установлены причины аварий или причины этих аварий не были установлены?

Сухоручкин. В большинстве случаев причины аварий устанавливались, в особенности по авариям более или менее крупным, потому что обычно для выяснения причин этих аварий создавалась комиссия с участием объединения Мосэнерго.

Вышинский. Мне кажется, что начальник эксплуатационного отдела отвечает за анализ причин, за установление фактов и причин, вызвавших аварию, или его это не касается?

Сухоручкин. Это его несомненно касается.

Вышинский. Следовательно, надлежало бы во всех случаях аварий устанавливать причины этих аварий, потому что без причин не может быть аварий. Или могут быть аварии без причин?

Сухоручкин. Бывают сложные аварии.

Вышинский. Когда причины этих аварий не были установлены из-за сложности причин?

Сухоручкин. Такие аварии имели место.

Вышинский. Например?

Сухоручкин. Я не припомню сейчас, но всем авариям, которые случаются на станции Мосэнерго, ведется учет и разбор в аварийной ячейке объединения Мосэнерго, и я припоминаю, что бывали такие аварии не только у нас на станции, но и на других станциях, когда указывалось, что причины не выяснены.

Вышинский. Значит имел место ряд случаев, когда причины аварий вашим аппаратом, вашим персоналом не были выяснены. Можете сказать, что это было по причине сложности аварии или потому, что не особенно интересовались этими причинами?

Сухоручкин. Я не могу сказать, чтобы не интересовались.

Вышинский. Но вы и не можете сказать обратного.

Сухоручкин (молчит).

Вышинский. Не можете ли назвать хоть один случай, когда причины оказались столь сложными, что их невозможно было установить, и чтобы в соответствующем акте было указано, что причины этих аварий не были установлены благодаря сложности причин этих аварий.

Сухоручкин. Мне трудно припомнить.

Вышинский. Тогда вот о чем я хотел спросить: вы помните аварию с генераторами №№ 26 и 27?

Сухоручкин. Да, помню.

Вышинский. Эти аварии были случайными, не зависящими от злой человеческой воли, или они явились прямым результатом злого умысла с чьей-либо стороны?

Сухоручкин. Аварии с турбинами №№ 26 и 27 были до 1 декабря 1931 года, и только последняя авария на машине № 27 была в 1932 г. До 1 декабря 1931 года к машинному хозяйству я не имел непосредственного отношения, так как я был заведующим электроцехом, но я помню аварии на этих машинах.

Вышинский. Так я спрашиваю: эти аварии были по чьему-нибудь злому умыслу, или же они были по каким-нибудь иным обстоятельствам?

Сухоручкин. Какие аварии подразумеваете? Я помню аварию с лопатками.

Вышинский. Последнюю аварию на генераторе № 27.

Сухоручкин. Последнюю аварию в 1932 году?

Вышинский. Да.

Сухоручкин. Полетели лопатки на турбине.

Вышинский. Почему полетели?

Сухоручкин. Я считаю, что из-за недоброкачественных лопаток, поставленных фирмой.

Вышинский. Значит не по злому умыслу кого-нибудь из персонала этой станции.

Сухоручкин. Я точно не могу на этот вопрос ответить, потому что непосредственно ремонта этой турбины я не вел. Возможно, что при ремонте турбины были допущены какие-либо ошибки.

Вышинский. Скажите пожалуйста, вы лично осуществляли какие-нибудь акты вредительского характера на этой станции?

Сухоручкин. Да, осуществлял.

Вышинский. И может быть именно с этой турбиной № 27, о которой я говорил?

Сухоручкин. Да, с турбиной № 27.

Вышинский. И может быть с турбиной № 26, о которой я говорил.

Сухоручкин. Да, с турбиной № 26.

Вышинский. А может быть вы будете добры сказать — в чем конкретно выражались эти акты?

Сухоручкин. Мое вредительство заключалось в следующем: не с турбинами, а собственно с генераторами этих турбин. Эти генераторы присоединены к распределительному устройству при помощи однофазных кабелей. Чтобы вызвать аварию на этих кабелях, я сам

лично заземлил оболочку однофазного освинцованного кабеля на той и другой машине.

Вышинский. Каким образом?

Сухоручкин. Это заземление осуществить очень легко. Нужно признать, что вообще прокладка этих однофазных освинцованных кабелей не совсем удовлетворительна на станциях.

Вышинский. Кто их ставил?

Сухоручкин. Это было еще в 1929—1930 годах.

Вышинский. Вы в этом участвовали?

Сухоручкин. Я был тогда помощником заведующего электротехнического отдела и к этому не имел никакого отношения.

Вышинский. А кто к этому имел отношение?

Сухоручкин. Тогда был заведующим электротехническим отделом Языков.

Вышинский. Как же вы произвели это заземление?

Сухоручкин. Под однофазным кабелем имеются картонные прокладки, которые прокладываются между кабелем и между железной полкой. Чтобы заземлить, нужно или немного сдвинуть кабель, или немного сдвинуть прокладки из-под кабеля. Сдвинув немного кабель, чтобы он прикасался к стояку этих полок, можно осуществить заземление.

Вышинский. А вы что сделали конкретно?

Сухоручкин. Я сделал сдвиг прокладки от кабеля.

Вышинский. Как вы это сделали, расскажите, чтобы было понятно нетехнику.

Сухоручкин. Просто немного сдвинул прокладку таким образом, что кабель оказался лежащим уже не на картонной прокладке, а на железной полке.

Вышинский. Вы показывали на предварительном следствии: «Я лично соединил свинцовую оболочку однофазных освинцованных кабелей №№ 26 и 27 с железной палкой».

Сухоручкин. Это не точное выражение. Ежели вы возьмете мои показания, которые подписаны мною, то там сказано, что заземление произошло за счет соединения с железной полкой, а не палкой.

Вышинский. Это неточная редакция.

Сухоручкин. Нет, это просто ошибка машинистки.

Вышинский. Неточная редакция или ошибка машинистки, но вы осуществили это заземление путем соединения однофазного кабеля с железной полкой.

Сухоручкин. Да.

Вышинский. Произошла авария?

Сухоручкин. Аварий не произошло, но повреждение кабеля произошло.

Вышинский. А повреждение кабеля разве не есть авария?

Сухоручкин. Это еще не авария.

Вышинский. А авария в смысле приостановки работы станции не произошла?

Сухоручкин. Нет.

Вышинский. Почему?

Сухоручкин. Потому что это во-время было замечено рабочими.

Вышинский. Что было рабочими предпринято?

Сухоручкин. Они довели об этом до сведения мастера электротехнического цеха, и были приняты меры к тому, чтобы этот кабель был исправлен.

Вышинский. По каким мотивам вы произвели этот вредительский акт?

Сухоручкин. Этот вредительский акт я произвел по заданию инженера Торнтонна после беседы, имевшей место с ним примерно в октябре 1931 года.

Вышинский. В октябре 1931 года после беседы с Торнтонном вы решили произвести вредительский, диверсионный акт?

Сухоручкин. Да.

Вышинский. Что это была за беседа?

Сухоручкин. Эта беседа была подготовлена прежней моей связью с Торнтонном.

Вышинский. Какой связью? Откуда? Сколь продолжительной, на какой почве?

Сухоручкин. Это произошло — и моя связь с Торнтонном и работа по его указаниям в конце 1927 г. — в начале 1928 года.

Вышинский. Следовательно многолетняя связь?

Сухоручкин. Да.

Вышинский. Подробнее, но только в той части, которая касается интересующего нас предмета: вашей вредительской, контрреволюционной деятельности.

Сухоручкин. Эта связь заключалась в том, что, начиная с конца 1927 года, я выполнял поручения Торнтонна, в частности поручения и по вредительству. Во исполнение этих поручений и на основании той беседы, которая у меня имелаась в октябре 1931 года, когда вместе с Торнтонном мы обсуждали возможные акты вредительства, но такого характера, чтобы это не бросалось в глаза как вредительство. Он, знакомый с нашим электрохозяйством, предложил мне выполнить этот акт. Я его выполнил.

Вышинский. Это когда было?

Сухоручкин. Беседа в октябре 1931 года, а самый акт я выполнил уже в декабре 1931 года.

Вышинский. До этого у вас были такие разговоры, логическим продолжением которых и являлись такие действия?

Сухоручкин. Да, разговоры такие были.

Вышинский. Расскажите, пожалуйста. В декабре-январе 1930—1931 годов у вас производились установка и испытание первой трансформаторной группы?

Сухоручкин. Да, производились.

Вышинский. По этому поводу что вы могли бы нам сказать?

Сухоручкин. По этому поводу я могу сказать следующее: установка трансформаторной группы происходила совершенно в ненормальных условиях благодаря следующим причинам. Ввод в эксплуатацию этой трансформаторной группы должен был быть обеспечен максимум в 1930—1931 годах. Но доставка оборудования фирмой была с большим запозданием. Особенно это опоздание относилось к регуляторам трансформаторов и к маслопроводам.

Вследствие такого запоздания эта трансформаторная группа монтировалась уже зимой 1930 года, и так как в ней чувствовалась большая необходимость, все-таки решено было переключиться по старой трансформаторной группе на вновь смонтированную в конце 1930 года, в начале 1931 года. Включение этой трансформаторной группы действительно было произведено, но производилось в очень тяжелых условиях.

Вышинский. Какие ваши действия были по этому поводу? Вы должны были проверить состояние оборудования по окончании монтажа?

Сухоручкин. Да, должен был проверить.

Вышинский. Проверяли вы?

Сухоручкин. Да, я его проверял.

Вышинский. Проверяли, а может быть вы забываете, может быть вы не проверяли?

Сухоручкин. В отношении первой трансформаторной группы, насколько мне помнится, аварий не было. Это было при включении второй трансформаторной группы. Это было уже в октябре 1932 года.

Вышинский. Давайте выясним тогда этот вопрос. Вы помните свои показания от 23 марта? Вы, вероятно, сумеете их припомнить? Вас спросили о второй трансформаторной группе? После окончания монтажа второй трансформаторной группы произошла какая-нибудь авария или нет?

Сухоручкин. Да, произошла.

Вышинский. В чем она заключалась?

Сухоручкин. В том, что при испытании этой трансформаторной группы, в частности при испытании регулятора трансформаторов, произошло перекрытие внутри масляного выключателя втулки и сторание контакта.

Вышинский. Почему?

Сухоручкин. Потому что 2 масляных переключателя не были залиты маслом.

Вышинский. Тем не менее группа была пущена в действие?

Сухоручкин. Производилось испытание при таких условиях.

Вышинский. В результате?

Сухоручкин. В результате произошла авария, вследствие которой эта трансформаторная группа задержалась включением примерно на сутки, с одной стороны, а с другой стороны, ввиду того, что произошло подгорание пакелитовых изоляторов несомненно понизилась надежность самой трансформаторной группы.

Вышинский. Значит можно подвести итог вашим показаниям таким образом. В отношении генераторов №№ 26 и 27 через соединение железной полки вы достигли порчи изоляторов, благодаря чему должна была бы последовать авария, если бы она не была предотвращена бдительностью рабочих?

Сухоручкин. Да.

Вышинский. Это было сделано сознательно?

Сухоручкин. Да.

Вышинский. По окончании монтажа второй трансформаторной группы в октябре 1931 года произошла авария вследствие того, что

баки не были залиты маслом, и это событие тоже явилось результатом ваших сознательных действий?

Сухоручкин. Да.

Вышинский. Закрывающихся в том, что вы сознательно не проверили состояние баков?

Сухоручкин. Да.

Вышинский. Значит два конкретных вредительских акта?

Сухоручкин. Да.

Вышинский. Дальше относительно 4-го щита. Как стоял вопрос с работой по устройству вентиляции 4-го щита? Что вы по этому поводу можете сказать?

Сухоручкин. По этому вопросу я могу сказать, что в подвале 4-го щита проложено много силовых кабелей, которые довольно сильно греются. Для этого нужно было устроить вентиляцию. Такая вентиляция мною устроена не была, или вернее устройство ее затягивалось.

Вышинский. На сколько времени?

Сухоручкин. По имеющимся последним сведениям такая вентиляция должна была быть осуществлена примерно в марте месяце.

Вышинский. На сколько времени затянулась?

Сухоручкин. Месяца на два.

Вышинский. Все или еще что-нибудь припомните, заслуживающее внимания на судебном следствии.

Сухоручкин. Да, я могу припомнить еще многое.

Вышинский. Ну, продолжим этот скорбный список аварий, произведенных государственным служащим, ответственным лицом за состояние станции. Продолжаем. Авария 22 ноября 1932 года.

Сухоручкин. 22 ноября 1932 года действительно произошла крупная авария, приведшая к погашению почти всей Москвы. Выбыла из строя машина собственного расхода в результате непринятия мер по наладке всей системы водоподготовки на станции. В результате этого произошло забитие турбинной лопатки, произошел сдвиг ротора, произошла порча упорного подшипника, и турбина выбыла из строя.

Вышинский. Одна или две?

Сухоручкин. Непосредственно выбыла из строя в эту аварию одна.

Вышинский. Номер?

Сухоручкин. № 17. Но кроме того благодаря тем же недостаткам водоподготовки наблюдался большой занос лопаток, вследствие чего пришлось турбину вскрыть потому, что на них наблюдалась вибрация. Это—турбина № 24 и турбина номер, насколько мне помнится, 21 или 22.

Вышинский. Значит три турбины—17, 22, 24?

Сухоручкин. Да.

Вышинский. Крупная авария? Четвертый случай. Чтобы кончить, может быть скажете еще про пятую аварию на бойлерной установке, когда тоже ряд ваших действий создал аварийные результаты?

Сухоручкин. Да, это было.

Вышинский. В чем заключалось?

Сухоручкин. Это заключалось в том, что в связи с присое-

динением новых тепловых потребителей к нашей станции, несомненно нужно было подготовить достаточно хорошо к отопительному сезону 1932/33 года старую бойлерную установку. Так как устанавливавшаяся на нашей станции к этому времени теплофикационная турбина в 12 000 киловатт по моему определению не могла вступить к этому отопительному сезону, в строй, то эти меры тем более вызывались необходимостью.

Но, несмотря на это, мною не были приняты соответствующие меры в двух направлениях. С одной стороны, мною как начальником эксплуатационного отдела не был поставлен жестко вопрос о необходимости наладки химической очистки, периодической очистки старых бойлеров, и, с другой стороны, в свое время не был поднят вопрос об установлении 3-го бойлера, старого бойлера.

Вышинский. Когда производилась установка старого 3-го бойлера? В нормальных условиях?

Сухоручкин. Не в нормальных.

Вышинский. В аварийных условиях?

Сухоручкин. Да. Кроме того это повлекло необходимость большого ремонта, особенно старых бойлеров, после того, как был установлен дополнительно 3-й бойлер.

В отношении бойлерных установок все.

Вышинский. Все эти действия вы производили сознательно?

Сухоручкин. Да.

Вышинский. Умышленно?

Сухоручкин. Да.

Вышинский. Во вредительских целях? Подорвать мощь хозяйства?

Сухоручкин. Да.

Вышинский. Затруднить электроснабжение?

Сухоручкин. Да, это так.

Вышинский. Сорвать производство?

Сухоручкин. Да.

Вышинский. По заданию?

Сухоручкин. По заданию представителя фирмы «Метро-Виккерс» и инженера Торнтон.

Вышинский. Вы получали деньги?

Сухоручкин. Да, я получал.

Вышинский. Сколько?

Сухоручкин. Всего, насколько я помню, я получил в советской валюте около 2 500 рублей и торгсиновскими бонами 350 рублей.

Вышинский. Пока я не имею вопросов.

Председатель. Товарищ Рогинский, имеете вопросы?

Рогинский. Скажите, подсудимый Сухоручкин, в дополнение к тем показаниям, которые были даны сейчас товарищу Вышинскому, был ли у вас намечен план диверсий на случай войны?

Сухоручкин. Да, такие планы были.

Рогинский. Какие диверсионные акты были намечены?

Сухоручкин. Вывод распределительных устройств из строя, этим самым парализация работы станции.

Рогинский. Парализация работы всей электростанции?

Сухоручкин. В зависимости от того, какое распределительное устройство может выбыть, значит парализация может быть частичной.

Рогинский. А вы какое намечали?

Сухоручкин. Мы намечали или вывод распределительного устройства в 6 600 вольт или распределительное устройство в 2 200 вольт.

Рогинский. Результат?

Сухоручкин. Результат—или могли оставить без питания всех потребителей, которые были прикреплены к распределительному устройству в 6 600 вольт, или всех потребителей, прикрепленных к распределительному устройству в 2 200 вольт.

Рогинский. А какие потребители были присоединены к распределительному устройству в 6 600 вольт?

Сухоручкин. К распределительному устройству в 6 600 вольт были присоединены потребители световые и заводы и фабрики.

Рогинский. Заводы, фабрики и затем?

Сухоручкин. Были присоединены такие важные потребители, как казармы, Дом правительства.

Рогинский. Значит этот план предусматривал вывод из строя именно той части электростанции, которая снабжает энергией наиболее ответственные или вернее забронированные участки?

Сухоручкин. Точнее будет—ответственные.

Рогинский. Скажем, такой завод, как «Серп и молот», попал в число тех предприятий, которые должны были быть выведены из строя?

Сухоручкин. Да, был присоединен к распределительному устройству в 6 600 вольт.

Рогинский. Завод «Спартак»?

Сухоручкин. Завод «Спартак» я не помню.

Рогинский. Кремль присоединен?

Сухоручкин. Присоединен.

Рогинский. Крутицкие казармы?

Сухоручкин. Присоединены.

Рогинский. ЦАГИ?

Сухоручкин. Присоединен.

Рогинский. Казармы Дзержинского?

Сухоручкин. Присоединены.

Рогинский. Вся радиопередача?

Сухоручкин. Присоединена.

Рогинский. Вот те предприятия, которые по вашему плану должны плану должны были быть выведены из сферы электроснабжения?

Сухоручкин. Это так.

Рогинский. Скажите пожалуйста, этот план был вами намечен лично?

Сухоручкин. Он был мной намечен совместно с Торнтоном.

Рогинский. При каких обстоятельствах?

Сухоручкин. Обстоятельства были примерно следующие: с Торнтоном по этому вопросу у нас были две беседы. Именно: по поводу распределительного устройства 6 600 вольт.

Рогинский. Где были эти беседы?

Сухоручкин. Одна беседа имела место в самом распределительном устройстве 6 600 вольт примерно в начале 1930 года, на-

сколько мне помнится, в феврале месяце при осмотре этого распределительного устройства.

Рогинский. Как попал подсудимый Торнтон в помещение распределительного устройства.

Сухоручкин. Он попал при следующих условиях: это распределительное устройство было новое, он не был с ним знаком, поэтому в одно из своих посещений станции, насколько мне помнится в феврале месяце, он просил меня показать ему таковую. Ввиду того, что посещение всех распределительных устройств у нас производится только с разрешения дирекции, мною были испрошено разрешение у тогдашнего технического директора.

Рогинский. Кого?

Сухоручкин. Рязанова. Я посетил с ним это распределительное устройство и показал его ему во всех этажах.

Рогинский. Еще один вопрос в связи с этим—Рязанов—его судьба?

Сухоручкин. Он был арестован в связи с процессом «Промпартии».

Рогинский. Как вредитель?

Сухоручкин. Да.

Рогинский. У Рязанова, проходящего по делу «Промпартии», осужденного за вредительские действия, вы испросили разрешение и совместно с Торнтоном прошли в залу распределительного устройства?

Сухоручкин. Да.

Рогинский. Что же, это посещение имело какие-либо конкретные практические результаты?

Сухоручкин. Конкретные практические результаты этого посещения заключались в том, что Торнтон хорошо ознакомился с этим распределительным устройством, начиная с шинного этажа и кончая кабельным подвалом и кабельным туннелем, после чего он высказал свои соображения (и я с ним согласился) о возможности легкой диверсии именно с этим распределительным устройством.

Рогинский. Что значит «легкая» диверсия?

Сухоручкин. Я говорю о легкой осуществимости диверсии.

Рогинский. Но тяжелой по последствиям?

Сухоручкин. Да, тяжелой по последствиям.

Рогинский. Значит это посещение Торнтонна совместно с вами зала распределительного устройства было использовано для выявления наиболее узких, слабых мест в распределительном устройстве и для назначения определенных диверсионных актов?

Сухоручкин. Да, это так.

Председатель. Не «слабых» мест, а уязвимых?

Рогинский. Уязвимых?

Сухоручкин. Да.

Рогинский. Торнтон в этот период времени имел какое-либо отношение к работам станции?

Сухоручкин. Да, он имел отношение. Он не работал в качестве монтажного инженера, но он часто посещал станцию ввиду того, что в это уже время намечалась постройка в 1930 году первой трансформаторной группы для центральной подстанции.

Рогинский. Но пока еще непосредственно практической работы

контора «Метро-Виккерс» или кто-либо из ее служащих на электростанции не производили?

Сухоручкин. Не производили.

Рогинский. Это еще было в перспективе—поставка оборудования и монтаж?

Сухоручкин. Да.

Рогинский. Посещение Торнтоном электростанции, в частности зала распределительного устройства, можно ли его поставить в какую-либо связь с дальнейшими работами, которые затем производила фирма «Метро-Виккерс» на этой станции?

Сухоручкин. Непосредственной связи это не имело.

Рогинский. Следовательно это посещение не должно быть связано с последующими работами «Метро-Виккерс»?

Сухоручкин. Да.

Рогинский. Второе посещение зала распределительного устройства когда было?

Сухоручкин. Второго посещения зала распределительного устройства, зала 6600 вольт с Торнтоном я не помню.

Рогинский. А какое посещение вы еще помните?

Сухоручкин. Беседы по поводу этого распределительного устройства—это я помню.

Рогинский. Было одно посещение, и были еще беседы по поводу распределительного устройства?

Сухоручкин. Да.

Рогинский. Хорошо. Выработка планов диверсии на случай войны к какому времени относятся—к этому периоду посещения, или они развивались в процессе дальнейших бесед?

Сухоручкин. Предварительная наметка была уже при этом посещении. Более конкретизированы эти задания были во втором посещении.

Рогинский. Во втором посещении? Значит оно было?

Сухоручкин. Да.

Рогинский. Это когда было?

Сухоручкин. В конце 1931 года, в октябре.

Рогинский. Как здесь были конкретизированы диверсионные акты?

Сухоручкин. Здесь уже шел разговор о фактических возможностях выполнения. Здесь были намечены способы, каким образом это можно произвести.

Рогинский. Следовательно первое посещение—намечение наиболее уязвимых мест, ряд бесед и наконец в конце 1931 года конкретная беседа уже по обсуждению способов совершения этих диверсионных актов. Так?

Сухоручкин. Да.

Рогинский. Таким образом мы пока установили две линии вашей вредительской деятельности. Непосредственные вредительские акты. Здесь было товарищем Вышинским установлено 5 или 6 таких актов. Вторая линия—это конкретно вырабатываемая программа или план диверсионных актов на случай военных осложнений. Так?

Сухоручкин. Да.

Рогинский. Третья линия—сознательное и умышленное сокрытие дефектов оборудования. Это имело место?

Сухоручкин. Да, это тоже имело место.

Рогинский. Для того чтобы быть более конкретным, может быть вы сообщите нам несколько таких случаев сокрытия дефектов оборудования?

Сухоручкин. Такими фактами я могу назвать следующие: во-первых, дефекты на генераторах, поставленных фирмой «Метро-Виккерс», выражавшиеся в неудовлетворительном конструктивном выполнении. Затем вывод ротора генератора и маслозащитных щитков на генераторе.

Рогинский. Может быть вы здесь более точно изложите суду, каким путем вы достигали сокрытия этих дефектов?

Сухоручкин. Достигалось таким способом, что не делалось никаких решительно рекламаций фирме.

Рогинский. Не предъявлялось никаких претензий?

Сухоручкин. Нет.

Рогинский. А сами эти дефекты исправлялись, или они вообще не исправлялись?

Сухоручкин. Они имеют место и до сегодняшнего времени.

Рогинский. Эти дефекты остались и до сего времени?

Сухоручкин. Да.

Рогинский. Наличие этих дефектов держало станцию и держит станцию все время в аварийном состоянии?

Сухоручкин. Это не совсем так.

Рогинский. Разъясните пожалуйста.

Сухоручкин. Наличие этих дефектов имеет место только лишь на трех генераторах, устроенных на нашей станции. Кроме того эти дефекты непосредственной угрозы, немедленной аварийной остановки, не представляют.

Рогинский. Я не ставлю вопрос о немедленной угрозе, а ставлю вопрос вообще об аварийном состоянии.

Сухоручкин. Но то, что генераторы благодаря этому часто останавливаются на ремонт и тем самым являются как будто бы не вполне надежными, это конечно говорит за то, что новые установки, то есть 3 поставленных фирмой «Метро-Виккерс» генератора, в этой части неудовлетворительны.

Рогинский. Так—неудовлетворительны. Еще какие дефекты и в каком оборудовании были вами скрыты?

Сухоручкин. Еще дефекты касаются трансформаторных групп, в частности дефекты регуляторов трансформаторов, которые также неудовлетворительно работают на станции до сих пор. О них также рекламации не были предъявлены.

Рогинский. Дальше?

Сухоручкин. Кроме того здесь по трансформаторным группам не предъявлялись требования фирме о невыполнении договоров или о недоброкачественности полученного оборудования.

Рогинский. Каким путем удавалось замазывать эти дефекты?

Сухоручкин. Это было мне, в то время заведывающему электрическим отделом, несомненно легко сделать, потому что от меня зависело написать или не написать в объединение Мосэнерго об имеющихся дефектах.

Рогинский. Значит если были обнаружены дефекты, то вопрос

о предъявлении рекламаций, о предъявлении претензий обязательно должен был быть направлен через вас?

Сухоручкин. Да, не только через меня, но должен был быть направлен мной.

Рогинский. И следовательно вы могли не пропустить или не направить данной претензии, данной рекламации?

Сухоручкин. Да.

Рогинский. А как вы объясняли перед тем или иным персоналом станции наличие этих дефектов?

Сухоручкин. Они просто исправлялись по возможности, насколько это было возможно, силами самой станции.

Рогинский. И таким образом дефекты...

Сухоручкин. И таким образом дефекты по существу оставались скрытыми.

Рогинский. Итак намечается три линии: непосредственная вредительская деятельность, план действий на случай войны, сознательное скрывание ряда серьезнейших дефектов в поставляемом оборудовании, представлявших определенную угрозу аварий. Так?

Сухоручкин. Да.

Рогинский. И за все это последовала оплата этих действий в той сумме, которую вы здесь сообщили на вопрос товарища Вышинского, так?

Сухоручкин. Да.

Рогинский. Можно задать вопрос Торнтону?

Председатель. Пожалуйста.

Рогинский. Вы слышали показания?

Торнтон. Слышал.

Рогинский. На станции были?

Торнтон. Да.

Рогинский. Вместе с Сухоручкиным в зале распределительных устройств были?

Торнтон. Были и до этого.

Рогинский. И вместе с ним были?

Торнтон. Да.

Рогинский. Те беседы, о которых здесь рассказывал подсудимый Сухоручкин, имели место?

Торнтон. Никогда не имели места.

Рогинский. Деньги, о которых Сухоручкин говорил, давали?

Торнтон. Нет.

Рогинский. У меня нет больше вопросов к Торнтону и нет вопросов к Сухоручкину.

Председатель. У защиты есть вопросы?

Шварц. Обвиняемый Сухоручкин, позвольте вас вот о чем спросить: до поступления в МОГЭС, Мосэнерго вы прошли большой стаж профсоюзной работы? Позвольте обследовать начало вашей работы в Мосэнерго. 1925 год? Кем вы работали там?

Сухоручкин. Инженером котельного цеха.

Шварц. Эта работа протекала добросовестно, честно или нет?

Сухоручкин. Да, до этого момента я работал добросовестно.

Шварц. Скажите, примерно, в каком году была у вас первая встреча с Торнтоном?

Сухоручкин. Встреча (но я не был с ним знаком) относится еще к 1926 году.

Шварц. А знакомство?

Сухоручкин. Близко с ним я познакомился уже в 1927 году, примерно в середине.

Шварц. С середины 1927 года начинается более или менее близкое знакомство. Правильно сказать, что до середины 1927 года вы работали честно и добросовестно?

Сухоручкин. Да, это было так.

Шварц. По какому поводу у вас произошло знакомство с Торнтоном, при каких обстоятельствах вас познакомили и кто?

Сухоручкин. Знакомство произошло на деловой почве. В 1927 году на центральной подстанции первой Московской станции устанавливалось два трехфазных трансформатора фирмы «Метро-Виккерс». Монтаж этих трансформаторов как монтажный инженер тогда вел Торнтон. Я участвовал в монтаже этих трансформаторов тогда еще как инженер электроцеха, в ведении которого находилась эксплуатация этой центральной подстанции.

Шварц. Скажите пожалуйста, в течение 1927 года кроме деловых взаимоотношений с Торнтоном, у вас других не было?

Сухоручкин. Не было. Ежели не считать того, что зачастую на беседах, которые велись с ним, я сообщал ему различного рода технические сведения, касающиеся нашей станции.

Шварц. Вы это сами делали по своей инициативе или чью-либо просьбу удовлетворяли?

Сухоручкин. В данном случае я отвечал на те вопросы, которые обычно в беседах ставил Торнтон.

Шварц. Эти вопросы и ваши ответы были несекретного характера, или наоборот, вы сообщали секретные сведения?

Сухоручкин. Я считаю, что небезобидного характера.

Шварц. Небезобидного характера. Раз вы стали сообщать сведения небезобидного характера, то не будете ли вы любезны сообщить, почему же вы решились, по какому поводу, давать такие сведения?

Сухоручкин. Я решился давать эти сведения благодаря тому, что в то время мы уже достаточно друг друга знали—я и Торнтон, знали примерно политические взгляды друг друга.

Шварц. Ваши встречи в 1928 году с Торнтоном продолжались?

Сухоручкин. Да, продолжались.

Шварц. А в 1929?

Сухоручкин. Эти встречи были почти каждый год, начиная с 1927 года, но в 1927 году он работал как монтажный инженер, в течение остальных лет он довольно часто посещал нашу станцию и особенно часто посещал примерно до 1930 года. До 1930 года вообще они имели достаточно свободный доступ на нашу станцию, так как имели пропуска на станцию.

Шварц. Не было ли таких случаев, чтобы Торнтон оказывал вам некоторые услуги, которые бы избавляли вас от некоторых служебных

недоразумений и затруднений, скажем, случай с камнями для обточки коллектора генератора.

Сухоручкин. Был такой случай. Этот случай заключался в том, что для обточки коллектора генератора машины той же фирмы у нас был один камень для шлифовки. Этот камень был потерян, ввиду чего мы по его образцу не могли заказать в Союзе таких камней.

Шварц. Короче—Торнтон достал вам камень?

Сухоручкин. Достал.

Шварц. Второй случай со сварочным аппаратом. Торнтон достал?

Сухоручкин. Достал.

Шварц. Почему он старался оказывать эти услуги, чем это было вызвано? Кстати, к какому году относятся эти два случая, не вспомните ли?

Сухоручкин. Насколько мне помнится, случай с камнем относится к 1931 году. Я точно не помню. А сварочный аппарат уже к 1932 году.

Шварц. То есть к тому времени, когда у вас были уже более или менее близкие и дружеские отношения?

Сухоручкин. Да.

Шварц. Теперь позвольте еще один вопрос. Вы получили высшее образование уже при советской власти?

Сухоручкин. Да.

Шварц. Работали очень длительное время в профсоюзной организации?

Сухоручкин. Да.

Шварц. Не объясните ли вы, почему это с вами произошло, почему вы могли решиться на такие серьезные преступления?

Сухоручкин. Хотя я и работал в профсоюзных организациях, но я по существу был настроен антисоветски.

Шварц. Почему?

Сухоручкин. На это были свои причины. Во-первых, по приходе на станцию я попал в окружение опять-таки инженеров, которые впоследствии или были высланы со станции, или были арестованы по процессу «Промпартии», или были просто уволены. С другой стороны, это совпадало с моментом нэпа, когда, так сказать, казалось, что советская власть делает известный поворот назад. Это все благоприятствовало. Кроме того здесь известным образом сказалось недовольство в смысле материальном, потому, что цены, имевшие место хотя бы в тогдашних магазинах, не соответствовали тому жалованию, которое мы получали.

Шварц. Скажите, у вас не было стремления повернуть к прежней работе—к профсоюзной, к честной работе. В этом смысле колебания были? Если были, то когда и в чем это выражалось?

Сухоручкин. Эти колебания были, и в особенности эти колебания и раскаяние может быть в своей работе, в своей деятельности обострились к тому моменту, когда было видно, что намеченные планы первой пятилетки осуществляются в жизнь, и то, что намечалось, проводится в жизнь. Это говорило, что я рассуждал чрезвычайно неправильно в отношении советской власти.

Шварц. Можно ли сказать, что такая преступная работа объяс-

нялась вашим неверием в советскую власть, а колебания, поворот к честной жизни был вызван тем, что вы воочию убеждались в укреплении советской власти, в осуществлении первой пятилетки и во вступлении в начало второй пятилетки?

Сухоручкин. Это так.

Шварц. Больше у меня вопросов нет.

Брауде. Будьте добры, Сухоручкин, объяснить—я не совсем понял, когда говорили о причинах антисоветских настроений, вы сказали о нэпе, о повороте направо. Почему поворот направо вызвал у вас антисоветские настроения? Нужно было бы как раз наоборот?

Сухоручкин. Я не совсем точно понимаю вопрос.

Брауде. У вас были антисоветские настроения. Скажите, эти настроения, которые не мирились с нэпом, но, как видно, мирились с производством диверсией, я вас спрашиваю, соответствовали ли ваши убеждения устройству диверсионных вредительских актов?

Сухоручкин. Моим убеждениям. Да, соответствовали.

Брауде. Зачем тогда нужен был Торнтон—ведь технически он вам не помогал. Почему понадобился Торнтон, когда все это соответствовало вашим настроениям?

Сухоручкин. Я считаю, что в данном случае, если бы не было встречи и связи с Торнтоном, то я может быть не стал бы на тот путь, который привел меня на скамью подсудимых.

Брауде. Вы себе противоречите.

Сухоручкин. Это подталкивало.

Брауде. С вашей точки зрения, что сыграло большую роль—встреча с Торнтоном, или, как вы говорите, деньги, которые давал Торнтон?

Сухоручкин. Больше всего повлияли мои частные беседы с Торнтоном по вопросам общеполитическим.

Брауде. Вы ориентировались на него—как он к нэпу относился?

Сухоручкин (молчит).

Шварц. Можно задать вопрос Торнтону?

Председатель. Пожалуйста.

Шварц. Гражданин Торнтон, вы слышали показания Сухоручкина о двух случаях оказания ему служебной помощи: первое—это получение для него и для его учреждения камней для обточки коллекторов машин.

Торнтон. Да, был такой случай.

Шварц. И второй случай—получение сварочного аппарата.

Торнтон. Да.

Шварц. Кто заказал эти камни и сварочный аппарат?

Торнтон. Он заказал. Это было сделано официально, оформлено актом.

Шварц. Эти два случая имели место?

Торнтон. Да, имели место.

Шварц. Больше у меня вопросов нет.

Сухоручкин (к суду). Можно задать вопрос Торнтону?

Председатель. Пожалуйста.

Сухоручкин. Гражданин Торнтон, эти камни и затем сварочный аппарат согласно чьему запросу и чьей просьбе прислали на 1-ю МГЭС?

Торнтон. Кажется согласно вашему запросу. Вы сказали, что у вас камней нет. Мы решили достать вам камни. Мы доставали не только

вам, но и «Красному Октябрю». Это небольшая любезность, для нас хорошо, если вы имеете правильный инструмент.

Сухоручкин. Согласно чьей просьбе был послан сварочный аппарат?

Торнтон. Кажется сам Сухоручкин это просил.

Вышинский. У меня вопрос к Торнтону.

Подсудимый Торнтон, я вас правильно понял, что эти камни и сварочный аппарат вы не только послали на 1-ю МГЭС, но послали их и на целый ряд других предприятий?

Торнтон. Камни, да. А сварочный аппарат только один.

Вышинский. Камни посылали на ряд других предприятий?

Торнтон. Да.

Вышинский. Для чего? Зачем? В интересах вашей фирмы вы это сделали или по заказу?

Торнтон. Нет, не по заказу. Лучше послать камень какому-нибудь учреждению, чтобы они могли отшлифовать свой коллектор, чем если бы они испортили и сказали бы, что это брак коллектора.

Вышинский. А коллектор ваш был?

Торнтон. Коллектор принадлежит клиенту.

Вышинский. Но это часть оборудования, поставленная вашей фирмой?

Торнтон. Да, конечно.

Вышинский. Вы это делали в интересах вашей фирмы? Вы интересовались тем, чтобы ваше оборудование обрабатывалось хорошим камнем, чтобы потом недостаток обработки не перенесли на недостаток оборудования. Верно я вас понимаю?

Торнтон. Да.

Вышинский. Ваши собственные интересы заставляли вас это делать?

Торнтон. Да.

Вышинский. Сварочный аппарат вы в качестве рекламы поставили, потому что в интересах фирмы было, чтобы сварочные аппараты получили распространение?

Торнтон. Да.

Вышинский. Следовательно вы действовали в коммерческих интересах вашей фирмы?

Торнтон. Да.

Вышинский. Больше вопросов к Торнтону нет.

Вопрос к Сухоручкину. Торнтон действует в коммерческих интересах своей фирмы в данном случае и в интересах других учреждений в других случаях. А вы, Сухоручкин, в чьих интересах действовали в своей вредительской работе? Внятным голосом нужно четко и ясно ответить на этот вопрос. Вы, гражданин советской земли, в чьих интересах действовали или, если хотите, против чьих интересов. Вы, советский гражданин, состоящий на государственной службе, в чьих интересах действовали?

Сухоручкин. Я действовал против интересов советской власти.

Вышинский. Власти или трудящегося народа в целом?

Сухоручкин. Трудящегося народа в целом.

Вышинский. И власти?

Сухоручкин. Советского союза.

Вышинский. И за чьи интересы вы ратовали, в чьих интересах вы действовали таким образом?

Сухоручкин. Я действовал в интересах врагов Советского союза.

Вышинский. Вы понимаете какой ответственности за это подвергались?

Сухоручкин. Да, я знаю.

Вышинский. Следовательно, вы сознательно шли на такие действия, ответственность за которые вам хорошо известна?

Сухоручкин. Да.

Вышинский. У меня нет вопросов.

Председатель. Объявляю перерыв до 10 часов.

П. п.

В. В. Ульрих

Председатель Специального присутствия

Верховного суда СССР

А. Ф. Костюшко

Секретарь.

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 15 апреля 1933 г. 10 час. утра.

Комендант. Прошу встать. Суд идет.

Председатель. Садитесь пожалуйста.

Монкгауз. Можно мне сделать заявление по поводу показаний Сухоручкина?

Председатель. Пожалуйста.

Монкгауз. Я хочу сказать на английском языке, чтобы было более точно.

Председатель. Пожалуйста.

Монкгауз (перевод). После заслушания показаний Сухоручкина и других советских граждан в течение вчерашнего дня и позавчера...

Председатель. Вы хотите дать объяснение по поводу показаний Сухоручкиным или хотите сделать декларацию? Это объяснение или заявление?

Монкгауз. Объяснение.

Председатель. Касающееся вас?

Монкгауз. Касающееся меня.

Председатель. Тогда пожалуйста продолжайте в части показания Сухоручкина, но причем тут показания других советских граждан?

Монкгауз (перевод). После показаний Сухоручкина, данных им вчера вечером, для меня совершенно ясно, что это дело является провокацией против фирмы «Метро-Виккерс», основанной на показаниях терроризированных людей.

Председатель. Подсудимый Монкгауз, вас касался Сухоручкин в своих показаниях или нет?

Монкгауз. Да, касался.

Председатель. Тогда говорите в этой части, а остальные скажут сами за себя. Вы не адвокат, у каждого подсудимого есть свой защитник, который будет защищать своего подзащитного.

Монкгауз. Как я понимаю закон, у меня имеется право сделать заявление.

Председатель. Этого делать сейчас нельзя, а в конце судебного следствия в последнем слове каждый подсудимый имеет право сделать необходимые заявления. Сегодня утром у нас предполагался допрос Крашенинникова, затем Зорина, а не допрос Монкгауза. Когда вас будут допрашивать—сможете сделать заявления, касающиеся предъявленного вам обвинения.

Монкгауз (перевод). Я хочу продолжать и сказать, что в показаниях, данных этими людьми, я знаю это по собственному опыту, когда был подвергнут 18-ти часовому допросу...

Председатель. Вас будем допрашивать сегодня вечером или

завтра утром. Поскольку вы делаете попытку сделать заявление от имени всех подсудимых, я не могу дать вам слово. Поэтому я вызываю подсудимого Крашенинникова, которого будем сейчас допрашивать, а сегодня вечером и завтра утром вы будете иметь возможность говорить, что найдете нужным в отношении своих прежних показаний.

Подсудимый Крашенинников—пожалуйста.

Товарищ Вышинский, у вас есть вопросы к Крашенинникову?

Вышинский. Какую вы занимали должность и где именно?

Крашенинников. Последнее время?

Вышинский. Да.

Крашенинников. Последнее время с 1 марта 1932 года занимал должность начальника ремонтно-монтажного отдела 1-й Московской станции.

Вышинский. С какого времени?

Крашенинников. С 1 марта 1932 года.

Вышинский. По?

Крашенинников. По день ареста.

Вышинский. Какие задания лежали на вас по этой должности?

Крашенинников. По этой должности на мне лежала обязанность по выполнению ремонта и монтажа, производимых на станции—по всей станции.

Вышинский. Ремонт и монтаж по всей станции?

Крашенинников. Да.

Вышинский. Дальше?

Крашенинников. Это мои основные обязанности как начальника ремонтно-монтажного отдела.

Вышинский. Следовательно, ответственность за монтаж турбогенератора №№ 26, 27, о котором вчера говорили, лежала на вас?

Крашенинников. На мне лежала эта обязанность по монтажу №№ 26, 27 турбины. В то время я был инженером станции, выполняя отдельные поручения на станции. В частности с конца 1927 года мне было поручено проведение монтажа старых турбин и новых турбин №№ 26, 27.

Вышинский. Когда это было вам поручено?

Крашенинников. В конце 1927, в начале 1928 года.

Вышинский. Тогда вы еще не были начальником ремонтно-монтажного отдела?

Крашенинников. Нет, я был просто инженером.

Вышинский. А в 1929 году?

Крашенинников. Примерно в середине 1929 года я был назначен мастером машинного отдела станции.

Вышинский. В этот период времени какие на вас лежали обязанности по этой должности?

Крашенинников. Лежали обязанности по ремонту машинного оборудования и эксплуатации этого же оборудования.

Вышинский. В 1930 году?

Крашенинников. В конце 1930 года я был назначен заведующим машинным отделом станции.

Вышинский. И в круг ваших обязанностей, как заведующего машинным отделом, что входило?

Крашенинников. В круг моих обязанностей, как заведующего машинным отделом, входило наблюдение за эксплуатацией, ремонтом машинного отдела и руководство персоналом, работающим в монтажном отделе.

Вышинский. Кто такой был Рязанов? Какую должность он занимал?

Крашенинников. Заместителя директора по технической части.

Вышинский. Вы в каком служебном отношении находились к нему в этот период времени?

Крашенинников. Его подчиненный.

Вышинский. Значит работали под его непосредственным руководством?

Крашенинников. Почти под непосредственным.

Вышинский. Через кого были подчинены?

Крашенинников. Был еще заведующий станцией, которому я формально подчинялся, но распоряжения заместителя директора я также выполнял.

Вышинский. Значит вы имели двойное подчинение: заместителя директора станции и самого директора?

Крашенинников. Да.

Вышинский. Так что в этом смысле вы были непосредственно им подчинены?

Крашенинников. Да.

Вышинский. Когда Рязанов оставил работу на 1-й МГЭС?

Крашенинников. Не помню точно, но кажется в середине или в начале 1931 года.

Вышинский. В связи с какими обстоятельствами?

Крашенинников. В связи с арестом его по делу «Промпартия».

Вышинский. Для вас его арест и привлечение по делу «Промпартии» было неожиданным, или вы могли этого ожидать?

Крашенинников. Было неожиданным.

Вышинский. Так что о его участии в контрреволюционной организации «Промпартии» вам не было известно?

Крашенинников. Не было.

Вышинский. А когда вам стало известно о том, что на 1-й МГЭС имеются люди, ведущие контрреволюционную вредительскую работу?

Крашенинников. Я сам был привлечен к этой работе в конце 1928 года или в начале 1929 года.

Вышинский. В это время Рязанов был на станции?

Крашенинников. Да.

Вышинский. Следовательно начало вашей контрреволюционной вредительской деятельности на 1-й МГЭС было тогда, когда еще на этой станции действовал Рязанов. Это правильно?

Крашенинников. Да.

Вышинский. Но вам не было известно, что он является одним из организаторов этой контрреволюционной группы?

Крашенинников. Нет, неизвестно.

Вышинский. Однако вы в этой группе уже участвовали, или это были ваши одиночные действия в период конца 1928 и начала 1929 года?

Крашенинников. Это были мои одиночные действия.

Вышинский. А кто же вас привлек к этой работе, при каких условиях, при каком стечении обстоятельств вы вступили на этот преступный путь?

Крашенинников. Дело было таким образом: я работал по монтажу турбин №№ 26 и 27. Мне было поручено проведение этого монтажа. В то время на работе от фирмы «Метро-Виккерс» там находился Джоллей и два еще монтера—Макдональд и Юул. Макдональд и Юул не разговаривали по-русски, а Джоллей разговаривал по-русски достаточно хорошо, даже очень хорошо.

Вышинский. Макдональд—это тот, который сейчас привлекается к ответственности?

Крашенинников. Да.

Вышинский. То есть вы за этот период—1928 и 1929 годы уже были знакомы с Макдональдом?

Крашенинников. Да.

Вышинский. И были знакомы с Джоллеем?

Крашенинников. Да. С Джоллеем познакомил меня Рязанов, который приехал на станцию, познакомил как с инженером фирмы, который будет вести монтаж турбины на станции.

Вышинский. Я не понял, причем здесь Джоллей и Рязанов?

Крашенинников. С Джоллеем меня познакомил Рязанов, пригласив меня к себе в служебном порядке в момент приезда Джоллея на станцию для проведения этого монтажа. В течение работы по проведению монтажа с Джоллеем в первое время, вплоть до середины года, у меня были чрезвычайно скверные и натянутые отношения, ибо Джоллей считал, что только он должен вести монтаж и ни в коем случае не должен считаться с мнением станции. На этой почве у нас с ним происходила масса недоразумений. Насчет такого отношения Джоллея ко мне, как к наблюдающему за этим монтажом, я даже неоднократно поднимал разговор о том, что у нас эти отношения ненормальны.

Вышинский. Перед кем поднимали?

Крашенинников. Перед Рязановым.

Вышинский. Что же отвечал Рязанов?

Крашенинников. Он рекомендовал не поднимать споров с Джоллеем, мотивируя тем, что это может сорвать монтаж, ибо если поднять вопрос жестко перед фирмой, то это будет связано с приездом других инженеров фирмы из Англии, и это могло надолго затянуть монтаж.

Вышинский. Как вы поняли этот разговор с Рязановым?

Крашенинников. Я понял так, как действительно нужно было понять, именно так, чтобы не задержать этим самым монтаж, я думал, что мне действительно может быть лучше сдерживать себя, вести наблюдение за монтажом и этим самым дать возможность продолжать этот монтаж и выполнить его в срок.

Вышинский. Я не понимаю вас. Я поставил перед вами вопрос—при каких обстоятельствах вы, Крашенинников, начали свою вредительскую работу, в конце 1928 и в начале 1929 года, и вы на этот вопрос мне не ответили.

Крашенинников. После этого разговора с Рязановым я начал себя сдерживать в своем пылу и в отношениях к Джоллею предоставлял ему возможность руководить этим монтажом.

Вышинский. Что значит—стал себя сдерживать?

Крашенинников. Не стал поднимать шума из-за неполадок.

Вышинский. Неполадки мешали монтажу? Не стали поднимать шум по поводу этих неполадок, чтобы устранить?

Крашенинников. Чтобы устранить.

Вышинский. Рязанов говорил, что не стоит поднимать шума?

Крашевников. Он говорил—не стоит поднимать шума из-за пустяков.

Вышинский. Значит вам Рязанов говорил, что не нужно поднимать шума из-за пустяков, и вы тогда решили не обращать на них внимания, вести работу по ускорению монтажа. Разъясните, что здесь вредительского?

Крашенинников. Вредительским является само проведение монтажа.

Вышинский. Качество монтажа?

Крашенинников. Качество монтажа. Я не стал настойчиво требовать всего того, что по моему мнению необходимо было требовать, а так как проводил монтаж Джоллей, я с того времени стал сдерживаться и больше стал прислушиваться к Джоллею, ибо монтаж мог держаться, если поставить вопрос о замене Джоллея другим инженером.

Вышинский. Однако из этого вы не сделали необходимого вывода о том, что нужно мешать монтажу, тормозить монтаж.

Крашенинников. Этого вывода из разговора с Рязановым я не сделал.

Вышинский. Я вас спрашивал другое. Вы сказали, что в конце 1928 года встали на путь преступных вредительских действий и что вы это совершали одиночно, не будучи членом контрреволюционной группы. Я вас так понял?

Крашенинников. Да.

Вышинский. В силу каких обстоятельств, вследствие каких причин вы стали на путь одиночной вредительской деятельности?

Крашенинников. Этот ответ Рязанова сыграл до известной степени определенную роль в моем отношении к этому монтажу.

Вышинский. Какое?

Крашенинников. Я предоставил возможность Джоллею тем самым делать так, как он это считал нужным.

Вышинский. Следовательно ваш разговор с Рязановым имел только одно значение—не суй очень крепко своего носа туда, куда не следует тебе совать. Не больше?

Крашенинников. Не больше.

Вышинский. А под влиянием каких обстоятельств вы стали действовать больше, перешли от пассивного отношения к различного рода неполадкам, к активным методам, к активному участию в этой работе?

Крашенинников. Я начал скрывать дефекты в монтаже, начал скрывать дефекты в оборудовании.

Вышинский. Дальше.

Крашенинников. С этого момента, собственно говоря, и началось.

Вышинский. А чем кончилось?

Крашенинников. А кончилось тем, что я попал на скамью подсудимых.

Вышинский. Попали на скамью подсудимых—это случилось вопреки вашей деятельности, в результате деятельности других органов. Я вас спрашиваю, к чему это непосредственно привело?

Крашенинников. Это вызвало целый ряд аварий на станции.

Вышинский. Что вызвало целый ряд аварий и каких аварий?

Крашенинников. Прежде всего мне было известно от Джоллея о дефектах в лопатках.

Вышинский. Об этом мы уже говорили. А теперь идет речь непосредственно о том, в чем заключались ваши активные вредительские действия, если они имели место, или вы ограничились только этой ролью?

Крашенинников. Я ограничился сокрытием дефектов оборудования фирмы «Метро-Виккерс».

Вышинский. В это время вы действовали за свой личный страх и риск, в одиночку, или с другими лицами?

Крашенинников. Я это делал по поручению Джоллея.

Вышинский. Персонально, лично, непосредственно?

Крашенинников. Персонально, лично, непосредственно.

Вышинский. А кроме Джоллея еще какие-нибудь были у вас рычаги?

Крашенинников. Джоллей уехал в Англию в середине 1929 года.

Вышинский. Это мы знаем. Из советских инженеров или монтеров, или граждан вообще?

Крашенинников. Я знал Олейника.

Вышинский. С какой стороны вы его знали?

Крашенинников. Я знал его с 1929 года.

Вышинский. С какой стороны вы его знали?

Крашенинников. Это агент Торнтон.

Вышинский. Оставим пока Торнтон в стороне. По каким действиям вы знали Олейника?

Крашенинников. Он скрывал дефекты оборудования фирмы «Метро-Виккерс» и собирал экономические сведения о работе станции.

Вышинский. В ваших глазах Олейник был советский человек или контрреволюционер?

Крашенинников. Нет, не советский человек.

Вышинский. А был ли он контрреволюционером, вредителем или вообще злопыхающим обывателем?

Крашенинников. Он был вредителем.

Вышинский. Какие у вас основания утверждать, что Олейник был вредителем?

Крашенинников. По приезде второй раз в 1930 году на станцию для проведения монтажа по турбине № 28 он со мной вел разговоры.

Вышинский. О чем?

Крашенинников. Он прежде всего привез мне пакет от Торнтон.

Вышинский. Какой пакет?

Крашенинников. Пакет с деньгами.

Вышинский. С какими деньгами?

Крашенинников. Там было 500 рублей.

Вышинский. За что?

Крашенинников. За сокрытие тех дефектов оборудования, которые я замечал и видел.

Вышинский. Вот. Это уже более интересно. На предварительном следствии вы говорили о сумме в 500 рублей?

Крашенинников. Да, 500 рублей.

Вышинский. Олейника можно спросить?

Председатель. Пожалуйста.

Вышинский. Подсудимый Олейник, вы эту часть показания Крашенинникова слышали?

Олейник. Да.

Вышинский. Что вы подтверждаете?

Олейник. То, что я передал ему пакет—это верно.

Вышинский. С деньгами?

Олейник. Пакет был запечатан, но инженер Торнтон предупредил, что там есть деньги, а сколько там денег—я не знал.

Вышинский. Вы не считали. Подсчитал уже Крашенинников. Вы получили эти деньги от Торнтона?

Крашенинников. Да.

Вышинский. С каким поручением?

Олейник. Передать Крашенинникову.

Вышинский. За что?

Олейник. За что—это разумелось. Он мне не сказал, но это разумелось. О том, что Крашенинников поддерживает интересы фирмы—об этом я знал еще в 1928 году.

Вышинский. В виде взятки?

Олейник. Иначе это нельзя понимать.

Вышинский. Это так. Что значит—поддерживать интересы фирмы?

Олейник. То есть скрывать дефекты оборудования в монтаже.

Вышинский. Потом?

Олейник. Сведения, если нужно доставлять.

Вышинский. Соответствующего порядка?

Олейник. Да.

Вышинский. И так далее?

Олейник. Да. Все то, что интересуется фирму.

Вышинский. А почему вы думали, что это делается в интересах фирмы? А может быть это делается в интересах Торнтона?

Олейник. Я не могу сказать определенно. Я имел дело с Торнтоном. Но я понимал так. Ведь машины же—не Торнтон?

Вышинский. Вы понимали, что Торнтон действует не в личных интересах?

Олейник. Да.

Вышинский. А может действует в интересах еще какого-нибудь учреждения?

Олейник. В то время я этого не знал.

Вышинский. Впоследствии узнали?

Олейник. Да.

Вышинский. Следовательно можно сказать, что Торнтон действовал в двух качествах: и как инженер фирмы и как еще некоторая индивидуальная особа?

Олейник. Это я установил впоследствии.

Вышинский. Следовательно он мог действовать в интересах фирмы и в интересах какого-нибудь другого учреждения. Правильно?

Олейник. Да.

Вышинский. Подсудимый Крашенинников, получивши эти самые деньги, вы не были удивлены тем, что вам такой подарок, как говорил здесь раньше Монкгауз, сваливается. Не взятка, а подарок?

Крашенинников. Нет, не был удивлен.

Вышинский. Почему?

Крашенинников. До этой еще передачи я говорил с Джоллеем, и Джоллей обещал мне, что он не останется в долгу за сокрытие дефектов по машинам.

Вышинский. К этому времени вы с Торнтоном были уже знакомы?

Крашенинников. Точно не помню, когда познакомился с Торнтоном, но в середине или в конце 1928 года.

Вышинский. Я вас спрашиваю, с Торнтоном вы были уже знакомы.

Крашенинников. С Торнтоном я был уже знаком.

Вышинский. Через кого познакомились с Торнтоном?

Крашенинников. Кажется тоже через Рязанова.

Вышинский. Опять Рязанов. Рязанов это был некий организующий центр: знакомил одних с другими, давал указания. В результате этих знакомств вы получали деньги. В результате этих знакомств вы скрывали дефекты, то есть совершали преступления против своего долга как советского гражданина. Так я понимаю?

Крашенинников. Да.

Вышинский. А какова была здесь роль Олейника?

Крашенинников. Роль Олейника заключалась в поддержании связи, через него, с фирмой «Метро-Виккерс».

Вышинский. В этой работе? Как можно эту работу назвать легальной, в рамках служебных обязанностей, или нелегальной при исполнении вами служебных обязанностей?

Крашенинников. Нелегальной.

Вышинский. Нелегальной против ваших служебных обязанностей?

Крашенинников. Да.

Вышинский. У меня вопрос к подсудимому Торнтону. Подсудимый Торнтон, вы слышали эти показания? Вы конечно отрицаете?

Торнтон. Конечно отрицаю.

Вышинский. Садитесь. Больше вопросов у меня пока к Крашенинникову нет.

Шварц. Джоллей частенько бывал у вас или от случая к случаю?

Крашенинников. Он был в продолжение всего 1928 года и половины 1929 года.

Шварц. Я понимаю, но приезжал он каждый день или раз в неделю, или раз в месяц, или от случая к случаю?

Крашенинников. Он ежедневно бывал.

Шварц. Ежедневно бывал у вас. Вы докладывали суду, что первое время относились к нему несколько придирчиво, требовали детальной, подробной проверки его работ по монтажу и по этому поводу у вас были даже споры?

Крашенинников. Да.

Шварц. Не было ли таких случаев, чтобы спор переносился к Рязанову в присутствии вашем и Джоллея?

Крашенинников. В одиночку, а может быть даже Рязанов говорил Монкгаузу и Торнтону.

Шварц. Указывая на ваши жалобы?

Крашенинников. Да.

Шварц. Вы докладывали суду, что отношение Рязанова к вашим жалобам было индифферентное, равнодушное и побудило вас относиться несколько легче к дефектам в работе со стороны Джоллея?

Крашенинников. Я собственно перестал быть таким настойчивым.

Шварц. К какому времени это относится, к какому периоду, месяцу и году?

Крашенинников. Примерно к середине 1928 года.

Шварц. После этого, когда вы изменили отношения к Джоллею, он стал стараться ближе к вам подходить, чаще беседовать на темы не только деловые, но и другие?

Крашенинников. Тогда отношение стало значительно лучше.

Шварц. Кто вас информировал о дефектах оборудования в подробностях? От кого вы узнали о дефектах оборудования в подробностях?

Крашенинников. Во-первых, сам знал, а во-вторых, от Джоллея.

Шварц. Когда он уехал в Англию, к вам, вы сказали, прибыл в качестве монтера монтажист Олейник. От имени Джоллея Олейник ничего не передавал, не беседовал с вами от имени Джоллея?

Крашенинников. Нет, от имени Джоллея не беседовал.

Шварц. Когда Олейник передал пакет, он сказал, что передает от Джоллея или от Торнтона?

Крашенинников. Он сказал, что передает от Торнтона.

Шварц. Пакет от Торнтона. Вы сейчас прокурору ответили и указали о вашем участии во вредительских актах. Что основное было в этом вредительстве, можно ли считать в этом основном сокрытие дефектов оборудования и монтажа?

Крашенинников. Да.

Шварц. Позвольте вас спросить вот о чем: в каком году вы поступили в МОГЭС?

Крашенинников. На 1-ю станцию в 1926 году.

Шварц. В каком году кончили учебное заведение?

Крашенинников. В 1925 году.

Шварц. После окончания высшего учебного заведения куда поступили на работу?

Крашенинников. До окончания высшего учебного заведения я поступил на работу в МОГЭС.

Шварц. Одновременно работали и учились?

Крашенинников. Да.

Шварц. А по окончании вы так и остались в МОГЭС?

Крашенинников. Так и остался.

Шварц. Стало быть вы расстались с Джоллеем в середине 1929 года. Столкнулись с Олейником в каком году?

Крашенинников. С Олейником познакомился в 1929 году.

Шварц. В конце или в середине?

Крашенинников. В конце. Он работал затем почти целый год у нас, проводя монтаж турбины.

Шварц. В 1931 году?

Крашенинников. В 1931 году я не видел Олейника, а также в 1932 году.

Шварц. Скажите пожалуйста, у вас не было перелома в вашем таком преступном отношении за этот период времени или был перелом? Если был, в чем он выражался, к какому времени вы его относите?

Крашенинников. Да, перелом был, в конце 1932 года.

Шварц. В каком направлении был перелом?

Крашенинников. В том направлении, что я осознал, что работа, которую я проводил, является преступной работой. В это время я был болен, лежал один и очень много думал об этом и считал, что эта работа, проводимая по сокрытию дефектов, а в связи с этим и аварий, которые были из-за этих дефектов, что это является предательством страны, поэтому я считал, что с этим делом нужно покончить.

Шварц. У меня больше вопросов нет.

Председатель (к защите). У вас есть вопросы?

Коммодов. Скажите пожалуйста, Олейник, передавая вам пакет от Торнтонна, сказал, что в пакете находятся деньги?

Крашенинников. Да, сказал. Сказал, что «пакет от Торнтонна и что он ждет продолжения вашей деятельности».

Коммодов. Так и сказал: «Вот вам пакет от Торнтонна, и он ждет продолжения вашей деятельности»?

Крашенинников. Да.

Коммодов. У меня вопрос к Олейнику. Передавая вам пакет, Торнтон что-нибудь сказал.

Олейник. Да. Он сказал о том, что ждет от Крашенинникова, что он будет и дальше работать, как и раньше работал.

Коммодов. Он сказал, какую сумму передает?

Олейник. Нет.

Казначеев. Скажите, Олейник, когда вы передавали Крашенинникову пакет, вы долго с ним разговаривали?

Олейник. Нет. Это было у меня в моей конторке, куда Крашенинников часто заходил по делам работы.

Казначеев. Это было в один из его приходов?

Олейник. Даже боюсь точно сказать, у меня было это или у него, потому что и он часто бывал у меня и я у него бывал, но это не так важно. Мы были наедине, так как в присутствии других я не мог передавать. Я ему тут сказал это вкратце.

Либсон. Скажите пожалуйста, Крашенинников, правильно ли я усвоил, что ваша вредительская деятельность длилась свыше 2 лет?

Крашенинников. Больше.

Либсон. Даже больше. И весь этот период времени вы как будто бы находились под теми влияниями, о которых вы рассказывали, все время вы были связаны?

Крашенинников. Я не все время был связан с этими лицами, но во всяком случае я виделся с Торнтонном, видел я Торнтонна на заседаниях и так далее.

Либсон. Вы еще называли английскую фамилию.

Крашенинников. С Джоллеем с конца 1929 года я не виделся. Либсон. Но за весь этот период времени вы все время соприкасались прямо и непосредственно или через кого-нибудь—21/2 года?

Крашенинников. Нет.

Либсон. Значит у вас был и период самостоятельной вредительской работы помимо этих влияний?

Крашенинников. Был период.

Либсон. Второй вопрос меня интересует. По вашим показаниям вы за все время получили только 500 рублей?

Крашенинников. Да.

Либсон. А еще какие-нибудь преимущества или еще что-нибудь вы получали?

Крашенинников. Нет, не получал, получал только обещания.

Либсон. Какого порядка?

Крашенинников. В 1929 году Джоллей мне обещал привезти некоторые вещи из Англии, которые он мог бы захватить, возвращаясь обратно для монтажа на станцию.

Либсон. Вещи обещал, а еще что?

Крашенинников. Кроме того он обещал еще устроить хорошую практику на заводах «Метрополитен-Виккерс» в случае моей командировки туда, в Англию.

Либсон. Значит шел разговор о возможной вашей командировке и об устройстве вас там у фирмы?

Крашенинников. Да.

Либсон. Еще что?

Крашенинников. И устроить там безбедное существование в Англии.

Либсон. Такого порядка разговоры кто вел с вами?

Крашенинников. Джоллей.

Либсон. Стало быть перед вами открывались более широкие перспективы и возможности, а не только эти 500 рублей, которые вы получили?

Крашенинников. Да.

Либсон. Это оказывало на вас влияние?

Крашенинников. Оказывало.

Либсон. У меня больше вопросов нет.

Шварц. У меня есть вопрос. Подсудимый Крашенинников, вы докладывали суду, что в 1931/32 году вы с Олейником не встречались, но помимо Олейника вы с кем-нибудь встречались?

Крашенинников. Встречался с Торнтоном.

Шварц. Беседовали с ним?

Крашенинников. Непосредственно бесед не было, я встречался на заседаниях.

Шварц. На официальных заседаниях?

Крашенинников. Да.

Шварц. Вы докладывали суду, что к концу 1932 года у вас наметился и оформился определенный перелом в сторону, так нужно понимать, вашего участия в строительстве социализма?

Крашенинников. Да. Я почувствовал, что все то, что я делал,

является вредом для Советского государства, и я видел отношение к себе после той же болезни.

Шварц. Чье отношение?

Крашенинников. Отношение советской власти.

Шварц. Какое отношение?

Крашенинников. Я получил бесплатную путевку в дом отдыха.

Шварц. Вы это расценили как заботливость о вас, как о советском инженерере?

Крашенинников. Да, я это расценил так.

Шварц. Это еще больше подкрепило вас в смысле перелома настроений в сторону отказа от дальнейшего вредительства?

Крашенинников. Да.

Шварц. И помимо этих 500 рублей вы больше материальных благ от Олейника, Джоллея не получали за вашу вредительскую деятельность?

Крашенинников. Правильно.

Шварц. Больше у меня вопросов нет.

Председатель. У защиты больше вопросов нет?

Защита. Нет.

Вышинский. У меня один вопрос. Из допроса защитником Шварцем подсудимого Крашенинникова я могу сделать такой вывод, что ему платили, он вредил, а дали путевку—перестал вредить.

Крашенинников. Это не так.

Вышинский. Немножко не так?

Крашенинников. Немножко не так.

Вышинский. Второй вопрос: независимо от того, много ли платили, мало ли платили, а вы все вредили?

Крашенинников. Да.

Вышинский. По каким мотивам?

Крашенинников. Я уже говорил здесь—по мотивам прежде всего материального порядка.

Вышинский. Значит платили—вредили?

Крашенинников. Да.

Вышинский. У меня больше вопросов нет.

Рогинский. У меня несколько вопросов Олейнику. Скажите, подсудимый Олейник, при направлении вас на работу в МОГЭС было ли вам указано, что на МОГЭС есть группа инженеров, которая может быть вами привлечена к вредительской работе?

Олейник. Не то, что может быть привлечена, а что уже привлечена.

Рогинский. То есть вам было указано, что на МОГЭС имеется группа инженеров, проводящих вредительскую деятельность?

Олейник. Это было указано.

Рогинский. Кем было указано?

Олейник. В 1929 году, когда я первый раз приехал на МОГЭС—это было в середине 1929 года...

Рогинский. Кем было указано?

Олейник. Инженер Монкгауз мне сказал.

Рогинский. Что сказал инженер Монкгауз?

Олейник. Он мне сказал, что там есть люди, которые поддержат

интересы фирмы, и назвал некоторых, в том числе Рязанова, Сухоручкина, Крашенинникова, Языкова и других.

Рогинский. Значит подсудимый Крашенинников был назван Монкгаузом как один из тех инженеров, которые входят во вредительскую группу, действующую на МОГЭС?

Олейник. О Крашенинникове я могу сказать следующее: еще когда я был в конце 1928 года с Монкгаузом в Москве, тогда был пуск турбины № 27, и Монкгауз взял меня с собой на этот пуск, мне нужен был пропуск для входа на МОГЭС. Он мне сказал, что здесь работает Крашенинников, и охарактеризовал его в двух словах, сказав по-английски, что «он хороший парень». Ну, ясно, для кого хороший парень.

Рогинский. А вы это поняли так, что, мол, Крашенинников свой парень?

Олейник. Конечно.

Рогинский. Свой для Монкгауза?

Олейник. Да.

Рогинский. Значит о Крашенинникове вам было известно в 1928 году?

Олейник. С конца 1928 года.

Рогинский. Вы с конца 1928 года также работали на МОГЭС?

Олейник. Недолгое время.

Рогинский. Приходилось ли вам сталкиваться, наблюдать или непосредственно соприкасаться с практической работой Крашенинникова?

Олейник. Мне все время приходилось сталкиваться.

Рогинский. Можете ли вы привести конкретные факты того, что подсудимый Крашенинников отвечал той рекомендации, которая вам была дана Монкгаузом?

Олейник. Там были некоторые дефекты в турбинах, он о них молчал.

Рогинский. Более конкретно—это общий ответ.

Олейник. Сейчас трудно припомнить. Были остановки турбин, с клапанами были недоразумения.

Рогинский. Вы это лучше помнили 3 марта 1933 года. Может быть вам напомнить?

Олейник. Пожалуйста.

Рогинский. Может быть вы расскажете о случае, который имел место с установкой предохранительных клапанов?

Олейник. Это было позже, не в 1929 году, а в 1930 году.

Рогинский. Да. Что же произошло?

Олейник. Этот разговор был мельком. Это относилось к оборудованию фирмы «Метро-Виккерс».

Рогинский. Расскажите раньше о своей беседе, о своем разговоре с Крашенинниковым—существо беседы?

Олейник. Разговор был такого сорта: на питательных трубопроводах конденсаторов не было предохранительных клапанов, а так как уровень воды в Москве-реке весной значительно меняется, то вполне возможно, что давление будет повышено. Казалось бы для предохранения конденсаторов надо иметь предохранительные клапаны. Я об этом упоминал Крашенинникову. Он ответил, что это не наше дело.

Рогинский (к Крашенинникову). Был этот случай, подсудимый Крашенинников?

Крашенинников. Был, но я считаю, что предохранительные клапаны там не нужны.

Рогинский. Был случай, когда вы ответили: «Это не предусмотрено, лучше помалкивать об этом»?

Крашенинников. Да, это было.

Рогинский. Второй случай. Что произошло с испытанием турбин №№ 26 и 27?

Олейник. Турбину № 27 я осматривал не перед испытанием. Там нужно было сделать переделку. Вернее говоря, я переделывал уплотнение и в то же время осматривал. Это было в 1929 году. Обнаружил, что там есть большие зазоры, которые вызывают значительный пропуск пара. А потом в 1930 году было намечено испытание турбины № 26 после 8 000 часов работы. Перед испытанием для того, чтобы выявить, в каком состоянии турбина (а в интересах фирмы, чтобы машина была в хорошем состоянии) я осмотрел турбину № 26. Нашел, что она в значительно лучшем состоянии, чем турбина № 27. Которую турбину испытывать. Можно было и ту и другую или вернее обе. Но рекомендовал испытывать турбину № 26, потому что она была в лучшем состоянии.

Рогинский. Роль Крашенинникова?

Олейник. Он близко стоял к этому. Но решал ли он вопрос самостоятельно или нет—не знаю. Но он близко стоял к этому делу, и по-моему это зависело от него.

Рогинский. Следовательно турбина № 26 была в лучшем состоянии, чем турбина № 27, имеющая ряд определенных дефектов, и поэтому по настоянию Крашенинникова и испытания была пущена турбина № 26.

Олейник. Да.

Рогинский. И тем самым были замазаны дефекты турбины № 27, могущие быть выявленными при ее испытании. Так?

Олейник. Да.

Рогинский. Имело это место, подсудимый Крашенинников?

Крашенинников. Отчасти да.

Рогинский. Отчасти да. А в какой части не имело?

Крашенинников. В той части, что вопрос этот решался не только этим обстоятельством, но и тем обстоятельством, что пришлось бы вскрывать турбину № 27. Времени не было достаточно.

Рогинский. Было вам известно, что турбина № 27 в худшем состоянии, нежели турбина № 26?

Крашенинников. Она больше работала.

Рогинский. Было вам известно, что если пустить в испытание турбину № 26, то результаты испытаний отнюдь нельзя распространить на турбину № 27?

Крашенинников. Да.

Рогинский. Было вами заявлено о том, что турбины аналогичны?

Крашенинников. Да.

Рогинский. И что следовательно результаты испытания турбины № 26 могут быть целиком распространены на турбину № 27?

Крашенинников. Да.

Рогинский. Два случая имеются. Третий случай. Подсудимый Олейник, как обстояло дело с обнаружением трещин в баббите подшипника № 1 турбины № 28?

Олейник. Это было в 1932 году, когда я приехал для осмотра турбины. Мне и раньше было известно, что по другим турбинам по этим подшипникам были обнаружены трещины. Когда вскрыли турбину № 28, то оказалось, что тоже есть трещины. По этому поводу был вызван инженер Торнтон, был поднят вопрос уже эксплуатационным отделом, что это представляет опасность, что если небольшая частица баббита вывалится, то это вызовет расплавление металла подшипника. Приехал Торнтон, привез с собой еще английского монтера, кажется Белла, я его один раз встречал. Они уверили, что никакой опасности нет. Я конечно тоже подтвердил.

Рогинский. Роль Крашенинникова?

Олейник. Крашенинников это допустил.

Рогинский. Беседа у него с Торнтоном по этому поводу имела место?

Олейник. Я не помню.

Рогинский. А не показывали ли вы, что Торнтон договорился с Крашенинниковым, что эти трещины не опасны, и Крашенинников больше этого вопроса не поднимал?

Олейник. Это так.

Рогинский. Имело это место, подсудимый Крашенинников?

Крашенинников. Это было в машинном зале, когда там была целая комиссия. Я там был тоже.

Рогинский. Имело место то обстоятельство, о котором сейчас сообщил суду Олейник?

Крашенинников. Да, имело место.

Рогинский. Можно следовательно притти к следующим итогам, что как заведующий машинным залом в 1929 году вы произвели сокрытие дефектов, связанных с тем оборудованием, о котором говорил Олейник, то есть связанных с установкой предохранительных клапанов, так?

Крашенинников. Да.

Рогинский. В 1930 году вы сознательно допустили, чтобы не было произведено испытание турбины № 27, имевшей ряд известных для вас дефектов, прикрываясь испытанием турбины № 26. А в 1932 году, уже работая по ремонту, вы опять-таки сознательно допустили замазывание дефектов, обнаруженных в подшипнике, так?

Крашенинников. Да, правильно.

Рогинский. У меня к подсудимому Крашенинникову больше вопросов нет.

Председатель. Товарищ Вышинский, у вас есть вопросы к Крашенинникову?

Вышинский. У меня один вопрос. Я хотел спросить следующее. Вы в своих показаниях сегодня несколько раз подчеркивали, что были вовлечены то Джоллеем, то вас познакомил Рязанов с Торнтоном и так далее. Меня интересует следующий вопрос. Вы, инженер Крашенинников, советский служащий, вы понимали разницу между ответственностью,

которая лежит на любом иностранце, действовавшем, если он принадлежит к враждебному кругу иностранных государств, против Советского союза, и между вашей ответственностью как советского государственного служащего, действовавшего против интересов пролетарского государства. Разницу в степени ответственности вы понимали или нет и как сейчас вы понимаете эту разницу?

Крашенинников. Да, понимал. Особенно почувствовал это, когда был болен, как уже сказал. Такую деятельность, как мою, нужно рассматривать как...

Вышинский. Как измену?

Крашенинников. Как измену.

Вышинский. За которую по нашим законам полагается—вам известно, что по нашим законам полагается за государственную измену?

Крашенинников. Да, известно.

Вышинский. Больше нет вопросов.

Председатель. У защиты тоже нет вопросов?

Шварц. Будьте любезны, скажите, за эти годы у вас были беседы с Торнтоном по поводу вредительских актов. Лично с Торнтоном?

Крашенинников. Лично с Торнтоном нет.

Председатель. Больше вопросов нет?

Торнтон. Можно задать вопрос?

Председатель. Пожалуйста.

Торнтон. При испытании турбины испытательная комиссия была создана МОГЭС?

Крашенинников. Да.

Торнтон. В состав ее входило конечно начальство МОГЭС?

Крашенинников. Да.

Торнтон. Какие именно дефекты устанавливали?

Крашенинников. Во-первых, как говорил Олейник, разница в зазорах была значительная, что могло сказаться безусловно на расходе пара в этой самой турбине.

Торнтон. Я спрашиваю о дефектах?

Крашенинников. Дефекты были в регулировочных клапанах. Они причиняли остановку турбины.

Торнтон. Начальство МОГЭС знало об этом?

Крашенинников. Знало, но не знало истинной причины, почему эти клапаны заедали, потому что начальству МОГЭС было сказано, что это так и должно быть, что так всегда и бывает.

Торнтон. Так что вы не скрывали?

Крашенинников. Но я знал, что эти клапаны термически не дообработаны на заводе, об этом мне говорил и Джоллей и Олейник.

Торнтон. Еще какие дефекты?

Крашенинников. Это основной дефект, потом были еще. Во время испытания я знал уже о лопатках турбины, что они недостаточно надежны.

Торнтон. А когда лопатки летели, начальство МОГЭС знало?

Крашенинников. Знало.

Вышинский. Почему летели?

Торнтон. По моему убеждению, по конструктивным дефектам.

Вышинский. Я тоже так думаю.

Торнтон. О подшипниках, о которых говорил Олейник... На всех трех машинах начальство знало?

Крашенинников. Да.

Торнтон. Вы этого не скрывали?

Крашенинников. Я не скрывал, но я знал отношение фирмы ко всякого рода дефектам. Я скрывал отношение фирмы.

Торнтон. Вы сказали, что начальство знало?

Крашенинников. Начальство знало, что есть такой дефект, но оно не знало причины такого дефекта.

Торнтон. Из-за этих подшипников авария была когда-нибудь?

Крашенинников. Нет, не было.

Торнтон. Когда были обнаружены, через сколько тысяч часов эти трещины?

Крашенинников. При первой же ревизии.

Торнтон. Примерно через 8 000 часов?

Крашенинников. Меньше.

Торнтон. А эти машины работали много больше 8 000 часов?

Крашенинников. Да.

Торнтон. Аварии еще не было?

Крашенинников. Нет.

Торнтон. Сколько работали?

Крашенинников. Около 13 000—14 000 часов.

Вышинский. Подсудимый Крашенинников, вас спрашивает подсудимый Торнтон—начальство знало о разных дефектах и прочее, вы отвечали—знало, но не знало причин, а я хочу спросить несколько в другой плоскости. Рязанов был начальством?

Крашенинников. Был.

Вышинский. Был вредителем?

Крашенинников. Был.

Председатель. Больше вопросов нет?

Монкгауз. Я хотел бы спросить, знал ли Крашенинников причины этих дефектов?

Крашенинников. Причины дефектов я частью знал, а частью знал от Джоллея, что вообще в машинах есть дефекты. Сам я знал такие дефекты—дефект штока регулирующего клапана, нарезку его, уплотняющие кольца, кольца на насосах, я сам это знал и видел.

Вышинский. А зазоры?

Крашенинников. И зазоры на турбинах.

Монкгауз. Если он знал эти дефекты, то почему не говорил. Мы собирались в комиссии и выясняли эти дефекты. Мы хотели выяснить, а он ничего не сказал.

Крашенинников. Не говорил потому, что мне было поручено не говорить этого.

Председатель. Кем было поручено?

Крашенинников. Представителями фирмы Олейником и Джоллеем.

Монкгауз. У меня в связи с показаниями Олейника есть заявление. Я хочу уточнить. Олейник сказал в своих показаниях, что вот, мол, придет человек «гуд чап», что означает «хороший парень», но я не говорил, что это вредитель.

Председатель. А на английском языке есть слово «вредитель»?

Монкгауз. Есть «рекерс», а «гуд чап»—это «хороший парень».

Вышинский. От филологии к технике. А меня интересует, действительно ли были в вашем оборудовании дефекты?

Монкгауз. Были.

Вышинский. А вы знали об этих дефектах?

Монкгауз. Знал. Знал после аварий. До аварий не знал.

Вышинский. А кто работал вашим представителем там?

Монкгауз. Олейник и Джоллей.

Крашенинников. Значит вы должны узнавать о всяких дефектах от Джоллея и Олейника?

Монкгауз. Да.

Вышинский. Следовательно то, что вам не сказал об этом Крашенинников—это не так уже удивительно, он не обязан был говорить?

Монкгауз. Он обязан был говорить, когда мы создавали комиссию.

Вышинский. Это—если он честно относится к своим обязанностям, а если преступно?

Монкгауз. Я не верю, что он нечестно относился.

Вышинский. А Крашенинников верил в свою преступную деятельность? Была преступная деятельность?

Крашенинников. Была.

Председатель. У прокуратуры больше вопросов нет?

Прокуратура. Нет.

Председатель. У защиты?

Коммодов. У меня вопрос к Олейнику.

Кого персонально Монкгауз назвал из инженеров, которые работают на МОГЭС, как людей, которые по вашему выражению поддерживали интересы фирмы?

Олейник. Я сказал.

Коммодов. Из тех, кто сидит?

Олейник. Двое—Крашенинников и Сухоручкин.

Коммодов. Вы сказали, что в вашем понимании «хороший парень»—это тот, кто поддерживает интересы фирмы. Это выражение было воспринято как вредитель, воспринято это как желание служить не в советских интересах, а в интересах фирмы. Такой ваш личный вывод дает мне право спросить, что Монкгауз вам говорил, что должен делать Крашенинников, что должен делать Сухоручкин? Или он конкретно не указывал, а сказал в общей форме, что там есть группа инженеров, которая поддерживает интересы фирмы?

Олейник. Это было в разное время. О Крашенинникове было сказано особо. По поводу «хороший парень». Кто знает хорошо английский язык, то сомнений никаких быть не может, потому что когда говорят «хороший», то ясно, что хорош он не для моих противников, а хорош для меня. В этом не может быть никаких сомнений, по крайней мере у меня их не было.

Коммодов. Мы не будем толковать это слово, я хочу установить факт, а выводы будем делать потом. Конкретно было вам сказано, какую вредительскую работу должен проводить Крашенинников, какую Сухоручкин, или таких слов не было сказано, не было указано, а было сказано—есть группа инженеров, поддерживающих интересы фирмы.

Олейник. На случай, если нужно было обратиться за какой-нибудь помощью, то я должен был обращаться к ним. Это была общая установка на монтажах, и мне не нужно было повторять—я не первый год работаю, я работаю в течение десятка лет, установку знаю, поэтому мне не надо было объяснять.

Коммодов. Итак, вам было сказано—есть группа инженеров, поддерживающих интересы фирмы, к которым вы можете обращаться?

Вышинский. У меня вопрос. Подсудимый Олейник, вам было сказано, что есть группа инженеров, к которым вы должны будете обращаться. На какой случай?

Олейник. Мало ли бывает недоразумений.

Вышинский. Эти недоразумения иногда бывают разрешимы в интересах ГЭС или предприятий электростанции советской промышленности и в интересах фирмы. Иногда бывает так, что эти интересы сталкиваются?

Олейник. Почти всегда сталкиваются.

Вышинский. В этом случае—столкновения этих интересов—что должна была делать эта группа инженеров, к которой вы могли на этот случай обращаться?

Олейник. Поддерживать.

Вышинский. Против чьих интересов?

Олейник. Ведь только две стороны и есть.

Вышинский. Я хочу, чтобы было более ясно.

Олейник. Против интересов предприятия.

Вышинский. В этом духе вам была дана соответствующая инструкция?

Олейник. Я не помню, так ли это было сформулировано, но для меня это было очень ясно.

Вышинский. Формулировка здесь роли не играет, важно то, что вам это было ясно.

Олейник. Да.

Вышинский. Больше вопросов к Олейнику я не имею.

Председатель. Подсудимый Зорин.

Рогинский. Скажите, подсудимый Зорин, вы какую должность занимали?

Зорин. Старший инженер тепловой группы сектора рационализации Мосэнерго.

Рогинский. Ваши обязанности?

Зорин. Производить рационализацию в турбинном хозяйстве на станции Мосэнерго, затем организация приемочных испытаний от фирмы, предъявление технических рекламаций фирмам, затем консультация по вопросам ремонта и эксплуатации и принятие участия в разборе причин аварий.

Рогинский. Вы входили в состав вредительской группы, действующей в системе Мосэнерго?

Зорин. Да.

Рогинский. С какого времени?

Зорин. С ноября 1932 года.

Рогинский. Известно вам, кто еще входил в состав этой вредительской группы?

Зорин. Известно.

Рогинский. Кто именно?

Зорин. Крашенинников и Сухоручкин.

Рогинский. Кто вам об этом сказал?

Зорин. Инженер Торнтон.

Рогинский. Когда это вам было указано Торнтоном?

Зорин. При последней встрече в ноябре 1932 года.

Рогинский. Эти два лица, которые вам были названы Торнтоном, они по своей деятельности часто входили в те комиссии, которые определяли дефекты оборудования?

Зорин. Да, входили.

Рогинский. Что вам известно про испытание турбин №№ 26 и 27?

Зорин. Я должен внести небольшую поправку: дело в том, что эти испытания происходили до моего перехода в Мосэнерго и я ничего об этом не знал. Испытания были в начале 1931 года, а я попал в конце 1931 года.

Рогинский. Состав комиссии вам был известен?

Зорин. Я читал протокол, но не помню точно.

Рогинский (к Сухоручкину). Вы входили в состав той комиссии, которая участвовала при испытании турбин №№ 26 и 27?

Сухоручкин. Нет, не входил.

Рогинский. А кто входил?

Сухоручкин. Я не знаю, потому что я не видел протокола испытания этих турбин. Я в то время работал в электротехническом отделе и к машинному хозяйству не имел отношения.

Рогинский (к Крашенинникову). Кто входил в состав этой комиссии?

Крашенинников. От станции я.

Рогинский. А Рязанов?

Крашенинников. Рязанов не был членом комиссии.

Рогинский. Но он руководил работой?

Крашенинников. Был председатель комиссии—Ветчинкин.

Рогинский. А где Ветчинкин?

Крашенинников. Арестован в связи с делом «Промпартии».

Рогинский. А Рязанов не участвовал в комиссии?

Крашенинников. Он посещал заседания комиссии, но не был ее членом.

Рогинский. Значит руководитель комиссии арестован в связи с делом «Промпартии», посещавший комиссию ваш начальник Рязанов—также вредитель, арестованный по процессу «Промпартии», и вы—член вредительской группы. Вот состав комиссии.

Крашенинников. Там еще были.

Вышинский. Все такие же были?

Крашенинников. Почти все.

Рогинский. Больше к Крашенинникову вопросов нет.

Теперь перейдем к Зорину. В ноябре 1932 года у вас была беседа с Торнтоном, где было указано о наличии вредительской группы в системе Мосэнерго. Так?

Зорин. Так.

Рогинский. Скажите пожалуйста, в какой обстановке этот разговор произошел?

Зорин. Разговор был в помещении представительства, на Кузнецком Мосту в Электроимпорте.

Рогинский. Что предшествовало этому разговору. Что дало повод Торнтону иметь с вами такую беседу?

Зорин. Я с Торнтоном познакомился в конце 1931 года на заседании, происходящем в помещении Мосэнерго в связи с авариями, имевшимися на Ореховской станции. И до ноября 1932 года я имел пять встреч. Во время этих встреч происходили беседы на политические темы, в которых он касался политических вопросов, главным образом положения в Союзе, положения русских специалистов и подобного рода других вопросов, которые выявили ему мои соответствующие антисоветские настроения. Он из этих бесед выявил, что я являюсь таким человеком, которого легко можно использовать, что и произошло в конце ноября 1932 года.

Рогинский. Уточним и ваши встречи и те основания, которые дали Торнтону, как вы утверждаете, основания перейти к определенным поручениям вам. Первая встреча где произошла?

Зорин. Первая встреча произошла в помещении Мосэнерго.

Рогинский. Эта встреча была на чисто служебной почве?

Зорин. Да. На чисто служебной почве.

Рогинский. При этой встрече вы в качестве кого выступали в этой комиссии или на этом совещании?

Зорин. Я принимал участие со стороны МОГЭС как представитель интересов МОГЭС.

Рогинский. Против?

Зорин. Против фирмы «Метро-Виккерс».

Рогинский. Вы что же предъявляли какие-нибудь претензии?

Зорин. Да. Были предъявлены определенные претензии с тем, чтобы был произведен ремонт соответствующих турбин.

Рогинский. Следовательно на этом совещании у вас произошло известное столкновение с интересами фирмы, которые защищал Торнтон?

Зорин. Правильно.

Рогинский. Вторая беседа?

Зорин. Вторая беседа была примерно в феврале 1932 года, в помещении Электроимпорта, опять-таки в связи с авариями на ореховских турбинах. Здесь я должен был также выступать как защитник интересов МОГЭС.

Рогинский. И при вторичной встрече на официальном заседании вы опять-таки выступали как человек, который защищал определенные интересы Мосэнерго против фирмы, так?

Зорин. Да.

Рогинский. При этих двух встречах вы ограничивались только встречами на деловой почве, или же произошли беседы иного порядка?

Зорин. При первой встрече—только деловой разговор. При второй встрече со стороны Торнтонна было несколько вопросов о работе турбин на станциях Мосэнерго и о работе турбин конкурентных фирм в отношении того, как они ведут себя в смысле регулировки. Я ему весьма охотно дал эти сведения, хотя я давать не должен был бы, так как это является если не секретом, то этически неправильным. Затем передал ему несколько случаев аварий, которые произошли, слу-

чаев наиболее типичных опять-таки с конкурентными турбинами. Затем были разговоры порядка антисоветского о положении русских специалистов.

Рогинский. Правильно ли, что в этой беседе вы сами, по своему почину, по своей инициативе дали понять Торнтону ваши антисоветские настроения?

Зорин. Намерения дать понять у меня не было. Но конечно из того, что я говорил, он ясно понял, что это имеется.

Рогинский. Следующая встреча—третья?

Зорин. Третья встреча после довольно большого перерыва произошла в августе 1932 года в связи с испытаниями, которые намечались на Ореховской станции. Встреча была в помещении Мосэнерго.

Рогинский. Беседы были?

Зорин. Да.

Рогинский. К чему они сводились?

Зорин. Прежде всего он интересовался дальнейшим планом развития станции МОГЭС с точки зрения мощностей и типов будущих турбин, а затем беседы опять-таки принимали резко выраженный антисоветский характер, то есть разговор шел о том, что Союз испытывает затруднения на отдельных участках хозяйственного фронта. В таком духе беседа продолжалась.

Рогинский. Правильно ли, что после второй встречи вы оказали некоторые услуги Торнтону в виде представления таких сведений, которые вы ему давать не должны были?

Зорин. Правильно.

Рогинский. Четвертая встреча?

Зорин. Четвертая встреча была в помещении Электроимпорта опять-таки по поводу ореховских турбин. Она была в помещении представительства и происходила в связи с приездом конструктора из Лондона инженера Кокса и тут же присутствовал в качестве переводчика Торнтон. Вначале шла чисто деловая беседа, каким образом намечалась переделка, а потом после ухода Кокса я остался вместе с Торнтоном. Здесь опять шел разговор того порядка, о котором я упоминал при первых встречах.

Рогинский. Наконец пятая встреча?

Зорин. Пятая последняя решительная встреча была в 1932 году в помещении Электроимпорта в представительстве, куда пришел Торнтон после заседания, происходившего в помещении контрольного отдела Электроимпорта.

Рогинский. Какое поручение вам было дано Торнтоном во время этой последней пятой встречи?

Зорин. Так как Торнтон из предыдущих встреч ясно увидел, что меня можно весьма легко привлечь к своей работе, то он сразу же и начал с того, что предполагает использовать меня в интересах фирмы и тех организаций, которые созданы на отдельных станциях, как Мосэнерго, так и вообще, по Союзу. Затем он сказал в этой беседе, что я замечаю, что вы недостатки, которые имеются в оборудовании «Метро-Виккерс», не выявляете, как следовало бы, значит вы в известной степени наш союзник. Затем он говорил, что аварии, которые происходили с турбинами «Метро-Виккерс» на первой станции

и на станциях Союза, являются не вызванными чисто случайными или эксплуатационными причинами, а являются результатом органических недостатков, которые допускаются заведомо на заводе при изготовлении турбин. Меня это удивило, и я задал вопрос, каким образом фирма решается на такого рода шаги. Ведь таким путем можно потерять реномэ фирмы не только в пределах Союза, но и мировое реномэ, потому что то, что происходит в Союзе, является достоянием гласности в других странах.

Рогинский. Пока фирму оставим. Какое конкретное предложение было вам сделано Торнтоном?

Зорин. Конкретное предложение такого рода: помимо того, чтобы продолжать скрывать дефекты фирмы, также прикрывать действия групп, которые им организованы, если мне придется участвовать в разборе аварий, происходящих с их или другим оборудованием, и вуалировать действия этих групп.

Рогинский. Значит скрывать дефекты оборудования, затем второе— как человеку, который обычно выступает от Мосэнерго при предъявлении рекламаций, быть видимо менее требовательным?

Зорин. Правильно.

Рогинский. Третье—содействовать деятельности вредительских групп, которые уже организованы на различных электростанциях, входящих в состав Мосэнерго.

Зорин. Так.

Рогинский. И четвертое?

Зорин. Четвертое—держатъ связь с группами, которые он организовал.

Рогинский. Четвертое—являться связью между ним и группами, организованными на электростанциях, входящих в систему Мосэнерго?

Зорин. Так.

Рогинский. Хорошо. Теперь перейдем к конкретным вашим действиям. По сокрытию дефектов оборудования какие конкретные действия вами были совершены?

Зорин. Когда произошла в ноябре 1931 года авария с турбиной № 2 Ореховской станции вследствие гидравлического удара, то при анализе этой аварии я не указал, что подобного рода аварии могут произойти и без гидравлического удара, так как, по моему мнению, не было соответствия между тем осевым давлением, которое имелось, и тем подшипником, который был поставлен на данной турбине как упорный. Затем, когда я стал знакомиться с актовыми материалами по анализу аварии, происшедшей с турбиной № 26, имевшей место до моего прихода, то по этим актам можно было сделать вывод, что причина указания там все-таки не та, которая в действительности имела место как настоящая причина аварии, что нужно было искать причину, именно резонанс лопаток.

Рогинский. Это второй акт. Третий акт?

Зорин. Третий акт такого порядка. Когда фирмой было предложено ликвидировать резонанс с помощью постановки дополнительного проводочного бандажа, мною не было указано, что установка этого бандажа является палиативом и может не дать тех результатов, которых якобы ждет фирма.

Рогинский. Значит вы приводите целый ряд конкретных действий, связанных с сокрытием дефектов оборудования.

Зорин. Да.

Рогинский. Какие действия были вами совершены по сокрытию прямых диверсионных актов, совершенных членами вредительской группы?

Зорин. Мне известно со слов Торнтон, что им была организована авария на первой станции путем забития лопаток известью и котельной накипью, которая произошла в ноябре месяце. Эта авария была скрыта.

Рогинский. Это с турбиной № 17?

Зорин. Да.

Рогинский. Когда это имело место?

Зорин. В ноябре 1931 года.

Рогинский. Существо этого акта?

Зорин. Это был вредительский акт.

Рогинский. К чему это привело?

Зорин. К тому, что часть машин вышла из строя на некоторое время.

Рогинский. Еще о каких вредительских актах вам известно. С турбиной № 1 в Орехове?

Зорин. Да, но эта авария была уже до того, как я знал, что Торнтон этим занимается. Это было сообщено мне пост-фактум, что эта авария была организована по его заданию тоже.

Рогинский. Еще была одна авария на той же Ореховской станции с турбиной № 1 в мае 1932 года. Когда произошло снижение вакуума?

Зорин. Это мелкая авария, которая никакого практического значения не имела.

Рогинский. Авария с турбиной № 11 на Шатурской станции?

Зорин. Я услышал от него, что эта авария была им организована. Эта авария вывела турбину из строя примерно на 14 дней, но это происходило в тот момент, когда я не знал, что такая организация существует.

Рогинский. С турбиной № 28.

Зорин. Такой аварии не знаю.

Рогинский. Разрыв спускной трубы циркуляционной воды?

Зорин. С трубопроводом. Да, это было указано, что авария была произведена.

Рогинский. По поводу этого акта тоже было указано, что это вредительский акт?

Зорин. Да, что это не акты, а это аварии.

Вышинский. В результате действия определенной вредительской группы?

Зорин. Да.

Вышинский. Вы функцию связи практически осуществили?

Зорин. Нет, не пришлось, потому что этот разговор шел в конце ноября, после этого я уехал в командировку, потом в отпуск и после отпуска на работу не вернулся, так как был арестован.

Вышинский. А какие-нибудь диверсионные акты, которые должны были вы лично организовать и провести, были намечены?

Зорин. Каких-либо конкретных диверсионных актов пока не было, но он предполагал, что после возвращения из-за границы он будет со мной говорить более подробно, но я считаю, что я активных диверсионных актов провести бы не смог, так как не нес непосредственных оперативных функций.

Вышинский. О каких же диверсиях шла речь?

Зорин. Которые должны были проводиться группами.

Вышинский. Как же, диверсии были намечены, а плана не было?

Зорин. Он говорил, что (речь шла о турбинном хозяйстве) диверсионные акты должны происходить таким образом, чтобы удары наносить на роторы турбин, так как такие аварии являются наиболее тяжелыми для турбин и наиболее трудно исправимыми.

Вышинский. Итак, сккрытие дефектов оборудования вами проведено?

Зорин. Да.

Вышинский. Соккрытие диверсионных конкретных актов на различных электростанциях, входящих в Мосэнерго, вами это проведено?

Зорин. Частично.

Вышинский. Известная программа действий на будущее уже намечалась, конкретно должна была быть разработана после возвращения Торнтон из-за границы, при вашей последующей встрече?

Зорин. Да.

Вышинский. Связь—выполнение этой функции вы приняли, но практически еще не успели осуществить. Так?

Зорин. Да.

Вышинский. А теперь скажите, вот эта вредительская деятельность ваша, она оставалась без вознаграждения?

Зорин. Нет. При последней встрече я получил от него 1 000 рублей.

Вышинский. Где?

Зорин. Опять-таки в помещении представительства.

Вышинский. Это во время последней встречи?

Зорин. Да.

Вышинский. Этим и ограничились?

Зорин. Этим ограничились.

Вышинский. Или была наметка?

Зорин. Разговор был о том, что мы будем продолжать такого рода...

Вышинский. Что если вы будете продолжать такого рода работу, то выдача денежных сумм будет происходить периодически, а пока вы получили 1 000 рублей?

Зорин. Правильно.

Вышинский. У меня больше вопросов нет.

Председатель. У товарища Рогинского?

Рогинский. Нет.

Председатель. У защиты?

Шварц. Будьте любезны разъяснить. Вы сейчас дали подробное объяснение в смысле вашего участия во вредительских актах. Позвольте спросить вас, вы ответили прокурору, что лично принять участие в активных диверсионных актах были лишены возможности. Почему? Не несли непосредственных оперативных функций?

Зорин. Да, потому что я непосредственных оперативных функций

не нес, я на станцию приходил тогда, когда происходили расстройства и эти расстройства нужно было ликвидировать. Моя работа проходила в порядке консультаций и в проверке расстройств.

Шварц. Значит вы были вне оперативной работы?

Зорин. Да.

Шварц. Где вы работали?

Зорин. Я работал в Мосэнерго в секторе рационализации, в тепловой группе. В правление я перешел в конце 1932 года.

Шварц. Вот почему вы не имели прямого отношения к оперативной работе?

Зорин. Да.

Шварц. Когда вы поступили в МОГЭС?

Зорин. В 1922 году, а в Мосэнерго перешел в конце 1932 года, до этого работал на 2-й Московской станции.

Шварц. Вы там работали примерно около 9 лет?

Зорин. Да.

Шварц. Как там протекала ваша работа?

Зорин. Вполне честно.

Шварц. Значит вы 9 с лишним лет работали честно, и с 1932 года у вас начинается другой период работы?

Зорин. Да.

Шварц. Чем объяснить такую колоссальную разницу, что 9 с лишним лет вы добросовестно и честно работаете советским инженером, а с 1932 года начинаете «так» работать?

Зорин. Почему произошел перелом? Отчасти от общеполитических причин—иногда я субъективно воспринимал некоторые не совсем гладкие моменты в жизни Союза.

Шварц. Встречи с Торнтоном имели значение?

Зорин. Они усилили все.

Шварц. Вы сказали, что с конца 1932 года вы имели встречи с Торнтоном?

Зорин. Да.

Шварц. Значит ваша вредительская работа началась с ноября 1932 года?

Зорин. Да.

Шварц. И прекратилась арестом?

Зорин. Да, прервана арестом.

Шварц. Значит тянулась месяц с небольшим?

Зорин. Да.

Шварц. Относительно рекламационных сумм. Вы сказали, что имели отношение к технической рекламации, а к денежной имели?

Зорин. Никакого отношения не имел. Когда мне это квалифицируется как преступление, это не соответствует действительности.

Шварц. Вы имели отношение к технической рекламации. Что это значит?

Зорин. Мы предъявляли фирме требования устранить технические дефекты оборудования.

Шварц. Как понимать денежную рекламацию?

Зорин. Если у нас происходит какого-нибудь рода авария, фирма эту аварию ликвидирует путем замены частей и эти части в течение

определенного времени согласно договору предоставляются бесплатно, и работа должна производиться бесплатно за счет фирмы.

Шварц. Значит имеется гарантийный договор, и фирма в пределах этого договора должна все выполнить за свой счет. К этой денежной рекламации вы не имели отношения?

Зорин. Никакого.

Шварц. Кто договаривался с фирмой в отношении денежных рекламаций?

Зорин. У нас имелся отдел технического снабжения, который этим делом занимался, а санкционировать это должен или управляющий или заместитель.

Шварц. Вы лично никакого отношения к этому вопросу не имели?

Зорин. Никакого.

Шварц. Больше у меня вопросов нет.

Брауде. Скажите пожалуйста, сколько вам лет?

Зорин. 49 лет.

Брауде. У вас большой трудовой стаж?

Зорин. 23 года.

Брауде. Вы занимаетесь еще научной работой?

Зорин. Отчасти.

Брауде. Вы звание профессора не имеете?

Зорин. Нет.

Брауде. Имеете звание доцента?

Зорин. Да.

Брауде. Каким образом вы—человек уже солидных лет, с большим жизненным опытом при второй встрече с иностранцем, с которым вы имели только то отношение, что вы против него выступали, как против представителя фирмы, с какой были разногласия делового порядка, сразу выявляете свои антисоветские настроения. Чем это объяснить?

Зорин. Это совпало с моментом, когда я лично переживал неприятности личного порядка, которые был склонен объяснить наличием определенной системы.

Брауде. И вы излили душу первому встречному иностранцу?

Зорин. Почему первому встречному?

Брауде. Вы его встретили и начали изливать ему душу?

Зорин. Он сам пошел навстречу.

Брауде. Сколько времени продолжалась ваша первая встреча, ваш частный разговор с ним?

Зорин. Минут 20.

Брауде. Вторая?

Зорин. Минут 25.

Брауде. Третья?

Зорин. Примерно такого порядка.

Брауде. Четвертая?

Зорин. Около 40 минут.

Брауде. Значит, после двухчасовой разрозненной на протяжении значительного времени беседы с Торнтоном вы заключили соглашение вредительского, контрреволюционного порядка?

Зорин. Он сказал, что он обо мне слышал, а я не спросил от кого.

Брауде. Разве раньше у вас были вредительские действия?

Зорин. Он мои настроения мог знать.

Брауде. Теперь будьте добры ответить еще на один вопрос: для меня не подлежит сомнению, и вы сами об этом говорили, что вы совершали вредительские действия, но какое отношение это имеет к Торнтону? У вас были контрреволюционные убеждения?

Зорин. Да.

Брауде. Резкие, или обывательски-брюзжащего порядка?

Зорин. Нет, резкие.

Брауде. Активные?

Зорин. Активные.

Брауде. Имея активные контрреволюционные убеждения, претворяя всякую личную обиду в обиду против советской власти, объясните мне, почему вы для реализации этих убеждений нуждались в Торнтоне?

Зорин. Я не нуждался в нем, но он являлся таким лицом, которое действовало в таком же направлении, как и я.

Брауде. А без Торнтона вы бы во вредительскую организацию не вступили?

Зорин. Я не знал, что она существует.

Брауде. А если бы вы знали?

Зорин. Что было бы «если бы»—трудно сказать.

Брауде. Что же, выходит деньги сыграли роль?

Зорин. Отчасти.

Брауде. Разрешите так вас понимать, что, независимо от Торнтона, вы все равно совершали бы вредительские акты, ибо эти акты и диверсии соответствовали вашим убеждениям?

Зорин. Я ведь так и сказал уже.

Брауде. Я больше вопросов не имею.

Либсон. Скажите пожалуйста, вам за границей приходилось бывать?

Зорин. Нет.

Либсон. И при советской власти не бывали за границей?

Зорин. Нет.

Либсон. У вас есть научные труды?

Зорин. Нет.

Либсон. У меня больше вопросов нет.

Председатель. Объявляется перерыв на 20 минут.

* * *

Комендант. Прошу встать. Суд идет.

Председатель. Садитесь пожалуйста. Подсудимый Кушни, займите ваше место. У суда вопросов к вам пока нет. У прокуратуры будут вопросы?

Вышинский. Да. Подсудимый Кушни, вы когда приехали в СССР?

Кушни. В 1925 году.

Вышинский. В какой город?

Кушни. На станцию Штеровка.

Вышинский. В связи с работами Штеровской электростанции?

Кушни. Руководил монтажом двух турбин.

- Вышинский. Какое время?
- Кушни. Почти два года.
- Вышинский. С 1925 по 1927 год?
- Кушни. Да.
- Вышинский. А дальше—с 1927 года?
- Кушни. Я уехал в Баку тоже для монтажа турбин.
- Вышинский. 1928 год застает вас в Баку?
- Кушни. Да.
- Вышинский. Сколько времени вы были в Баку?
- Кушни. Три года.
- Вышинский. По 1931 год?
- Кушни. Нет, по 1930 год, с 1927 года.
- Вышинский. В 1931 году, где вы находились?
- Кушни. В Москве.
- Вышинский. В конторе «Метро-Веккерс»?
- Кушни. Да.
- Вышинский. В качестве кого?
- Кушни. Помощник главного монтажного инженера.
- Вышинский. Кому подчинены непосредственно?
- Кушни. Мистеру Торнтону—главному монтажному инженеру.
- Вышинский. Торнтон является главным монтажным инженером?
- Кушни. Да, здесь в России.
- Вышинский. За это время, когда вы были на Штеровке и в Баку, вы с Торнтоном поддерживали связь? Находились с ним в переписке, делали ему какие-нибудь доклады, посылали какие-нибудь сообщения?
- Кушни. Конечно. А как иначе руководить монтажом под его наблюдением.
- Вышинский. Я могу понять так, что все это время, а не только в Москве, вы были как монтажный инженер под руководством Торнтона?
- Кушни. Нет, не все время. Сначала был Монкгауз главным монтажным инженером.
- Вышинский. Сначала под руководством Монкгауза, потом под руководством Торнтона. И Монкгаузу и Торнтону вы доставляли различного рода сведения, связанные с вашей работой?
- Кушни. Да.
- Вышинский. Информацию посылали?
- Кушни. Конечно.
- Вышинский. Но эта информация была только в отношении ваших обязанностей по монтажу или может быть еще политическая информация была?
- Кушни. В письменной форме была обычно только деловая информация.
- Вышинский. А не в письменной, то есть в устной форме?
- Кушни. В устной форме, когда мы встречались, мы конечно говорили о всяких вещах.
- Вышинский. Например о политике говорили?
- Кушни. И о политике мы может быть говорили. О вещах общезвестных.
- Вышинский. Но о политике говорили?
- Кушни. Возможно.

Вышинский. Что вы говорили о политике?

Кушни. Обычные разговоры.

Вышинский. Какие же это обычные разговоры. Расскажите—какие обычные разговоры были у вас?

Кушни. Сколько стоит хлеб мы говорили.

Вышинский. А разве это политика—хлеб. Это экономика?

Кушни. Здесь и экономика и политика. Я не разбираюсь. Все было вместе.

Вышинский. Ну, да, потому что экономика переходит в политику а политика опирается на экономику.

Кушни. Правильно.

Вышинский. Можно понять так, что о хлебе вы говорили с политической точки зрения?

Кушни. Этого я не говорю.

Вышинский. А я вас так понял.

Кушни. Если цена хлеба—это политика, тогда—да.

Вышинский. Я и хочу сказать, что вы рассматривали вопрос о хлебе и цене на хлеб с точки зрения политики.

Кушни. Нет, я этого не говорю. Я сказал, что если цена хлеба является политическим вопросом, то тогда мы об этом вопросе говорили.

Вышинский. Видите ли, гражданин Кушни, я спрашиваю, какие разговоры были о политике. Вы сказали—о ценах на хлеб.

Кушни. Я дал это как пример разговора.

Вышинский. Политического разговора?

Кушни. Я не говорю, что это политический разговор.

Вышинский. Я спрашиваю о политике?

Кушни. Насчет политики я сказал, что мы имели общие разговоры о том, что есть в газетах. Может быть мы говорили о начале пятилетнего плана и так далее. Это все общие разговоры, как все говорят.

Вышинский. Давайте устраним это недоразумение. Я вас спрашиваю, а вы мне отвечайте. Я вас спрашиваю—говорили ли вы о политике. Вы сказали, кажется что мы говорили о политике с Торнтоном—правильно?

Кушни. Я говорил, что возможно, да.

Вышинский. Теперь—о чем конкретно. Вы на этот вопрос ответили—о ценах на хлеб. Так было?

Кушни. Так было.

Вышинский. Уйдем от этого вопроса к другому. Кроме общеполитических разговоров, как вы сказали генеральных, вы ни о чем с Торнтоном не говорили?

Кушни. Этого сказать нельзя. Мы говорили о разных вещах.

Вышинский. Касающихся Советского государства?

Кушни. Касающихся Советского государства мы говорили общеизвестные вещи.

Вышинский. Например о политических настроениях?

Кушни. О политических настроениях.

Вышинский. Да.

Кушни. О настроениях рабочих говорили.

Вышинский. О политических настроениях рабочих?

Кушни. Не знаю—будут это политические настроения или нет.

Вышинский. Чем вы интересовались например, их отношением к советской власти?

Кушни. Их отношением к работе—как они живут.

Вышинский. Потом?

Кушни. Вот такими вещами.

Вышинский. Как они относятся к советской власти, к пятилетке—эти разговоры были?

Кушни. Да, были.

Вышинский. Значит вы это подтверждаете. Эти разговоры у вас были с Торнтоном на основании каких данных?

Кушни. На основании данных, что я имею глаза, уши.

Вышинский. Правильно. Глаза видели, уши слышали.

Кушни. Да.

Вышинский. От кого они слышали?

Кушни. От разных людей.

Вышинский. От разных людей, например назовите кого-нибудь, если вы помните, из ваших знакомых, которые обслуживали ваши уши?

Кушни. Особых собраний от кого-нибудь специально не было, а в общих разговорах, когда встречался с кем-нибудь. Я передавал Торнтону мои впечатления, которые я получал не от кого-либо именно, а просто общие.

Вышинский. Генеральные впечатления?

Кушни. Да, генеральные.

Вышинский. А вы например знали Емельянова?

Кушни. Да, знаю.

Вышинский. Вы с ним разговаривали по этим вопросам?

Кушни. Это возможно.

Вышинский. От него слышали что-нибудь по этим вопросам—о настроениях, о советской власти, об отношениях к пятилетке и так далее и тому подобное?

Кушни. Это возможно, но не помню.

Вышинский. Так что это уже было не генеральное, а индивидуальное знакомство с Емельяновым—вы не отрицаете?

Кушни. Знакомство с ним я имел по делам. Он был слесарем на работе, которой я руководил.

Вышинский. И разговоры вели с ним только по делам?

Кушни. Возможно были и другие разговоры.

Вышинский. Те, о которых говорили сейчас?

Кушни. Да.

Вышинский. В какой обстановке с Емельяновым встречались?

Кушни. Я говорил, что встречался по делам.

Вышинский. Где?

Кушни. На электростанции в Баку.

Вышинский. На квартире у вас он был?

Кушни. Нет, не был.

Вышинский. А вы не давали показания, что бывали на квартире?

Кушни. Я кажется не давал. Я давал показания, что я был у него на квартире один раз.

Вышинский. Хорошо. Какую должность он занимал?

Кушни. Слесаря.

Вышинский. Так что вы даже были у него на квартире, настолько близкое знакомство было?

Кушни. Нет, это не так надо понимать. Я был у него на квартире, когда кончил работу в Баку и надо было уезжать. Тогда все рабочие пригласили меня на вечер и там был Емельянов, другие и я пришел. Так что это было не знакомство с Емельяновым, а была последняя встреча с ними.

Вышинский. Что же это была товарищеская встреча или служебная?

Кушни. Не служебная.

Вышинский. А вы говорили сейчас, что были только служебные отношения.

Кушни. «Только» я не говорил, кажется.

Вышинский. А я кажется слышал так. Но это неважно, это мелочь.

Кушни. Конечно не важно.

Вышинский. Остается факт, что вы встречались с Емельяновым в неслужебной обстановке, на квартире.

Кушни. Да.

Вышинский. А в ресторане не встречались с ним?

Кушни. Возможно, что он был тот раз в ресторане. Это при пуске первой турбины.

Вышинский. Это еще раз?

Кушни. Возможно, что он был, я не помню.

Вышинский. Но если напомнить, возможно, что вспомните?

Кушни. Не знаю.

Вышинский. А еще больше никого не знали, кроме Емельянова, не «генерально», а индивидуально. Если поищем—может быть еще найдем?

Кушни. Если поищем довольно долго, то можете найти сотни две.

Вышинский. А если покороче искать? Фамилию Медведева знаете?

Кушни. Да.

Вышинский. Кто это такой?

Кушни. Заведующий станцией в Баку.

Вышинский. С ним при каких обстоятельствах встречались?

Кушни. При служебных обстоятельствах, а потом был у него на квартире.

Вышинский. В неслужебное время?

Кушни. Да.

Вышинский. По какому делу?

Кушни. По его приглашению, тем более, что его жена говорила по-английски.

Вышинский. А где она училась по-английски?

Кушни. Не знаю.

Вышинский. Так что были неслужебные встречи с Медведевым?

Кушни. Конечно как с заведующим станцией.

Вышинский. Нет, встречи на квартире были служебные или нет?

Кушни. Нет.

Вышинский. Больше никого не припомните из ваших персональных, индивидуальных знакомств?

Кушни. Я могу припомнить.

Вышинский. Может быть у кого-нибудь бывали на квартире в неслужебное время?

Кушни. Я был у Бочкарева в Баку.

Вышинский. Он кто?

Кушни. Слесарь.

Вышинский. У него тоже была вечеринка?

Кушни. Тоже.

Вышинский. Значит слесаря устраивают вечеринки и вас всюду приглашают?

Кушни. Я не говорил всюду, это было два случая.

Вышинский. Один случай у Бочкарева, другой у Емельянова. А Самойлова вы знали? Кто это?

Кушни. Инженер-электрик.

Вышинский. Что он на станции делал?

Кушни. Он был помощником заведующего по электрической части.

Вышинский. А у него вы бывали?

Кушни. Я не помню, я думаю, что никогда не бывал у него.

Вышинский. Вы думаете, а если я напому, что вы были у него, тогда вспомните?

Кушни. Нет, я почти что убежден, что не был на квартире, но нужно помнить, что это было несколько лет тому назад.

Вышинский. Хорошо. Довольно. Значит можно так сказать, что у вас был довольно широкий круг личных знакомств—Емельянов, Самойлов, Бочкарев, Медведев и вы говорите, что если долго поискать, что вы найдете сотни две.

Кушни. Я говорил, что если вы поищете, то найдете больше, а я не говорил, что был знаком с сотней две. А если бы это (и было, то я не считаю это преступлением.

Вышинский. Значит я правильно могу утверждать, что вы жили не изолированно, что у вас было широкое знакомство, в частности с теми лицами, которых вы назвали, что вы бывали у них в неслужебное время, что бывали на квартирах, кажется были в ресторане.

Кушни. Определенно был в ресторане.

Вышинский. Даже определенно были. И может быть участвовали в пьянке?

Кушни. Эти две вещи тождественны.

Вышинский. Тождественны или торжественны?

Кушни. Я не понимаю разницы, объясните.

Вышинский. Торжественные—это значит важные, знаменательные, а тождественные—это одинаковые.

Кушни. Они были в роде праздничных. Первая была при пуске турбины, а вторая при моем отъезде.

Вышинский. Но на этих «вроде праздничных» встречах на квартирах этих слесарей вообще были инженеры и рабочие или был узкий круг лиц?

Кушни. Были те, которые работали под моим руководством по монтажу.

Вышинский. Эти случаи сопровождались выпивкой?

Кушни. Да.

Вышинский. Насчет выпивки вы не отказывались?

Кушни. Зачем?

Вышинский. Вам неизвестно куда девался Медведев?

Кушни. Я слышал, что он был арестован.

Вышинский. За что?

Кушни. Я не знаю.

Вышинский. А Самойлов?

Кушни. Я слышал, что его там на станции нет.

Вышинский. А где он?

Кушни. Не знаю.

Вышинский. А что он арестован вам неизвестно?

Кушни. Нет.

Вышинский. Скажите пожалуйста, встречаясь с этими людьми вы вели разговоры не только служебные?

Кушни. Не только служебные.

Вышинский. Но и общие?

Кушни. Да, общие.

Вышинский. В частности, скажем, вели ли вы разговоры относительно Красной армии?

Кушни. Нет. Возможно, что кто-нибудь говорил, что он пойдет на службу. Я что-то такое помню один случай, когда один слесарь, работающий под моим руководством, говорил, что он призван на службу, но это я не называю разговором о Красной армии.

Вышинский. Конечно, это разговор о нем, но не о Красной армии. А таких разговоров—насколько Красная армия верна своему долгу, насколько она боеспособна, вы не вели?

Кушни. Нет.

Вышинский. Может быть припомните?

Кушни. Не припомню.

Вышинский. Может быть интересовались, хорошо ли кормят в Красной армии?

Кушни. Я не интересовался Красной армией.

Вышинский. Не интересовались?

Кушни. Нет.

Вышинский. И ни самой Красной армией, ни как она снабжается, ни чем снабжается—не интересовались?

Кушни. Я не помню. Я понимаю, что Красная армия снабжается.

Вышинский. Как снабжается, чем снабжается?

Кушни. Я не узнавал этого.

Вышинский. Вы никого не спрашивали?

Кушни. Нет.

Вышинский. Емельянова не спрашивали?

Кушни. Емельянова—нет.

Вышинский. Может быть он сам говорил?

Кушни. Не знаю, не помню.

Вышинский. А Емельянову вы подарки какие-нибудь делали?

Кушни. Никогда.

Вышинский. Кому-нибудь другому делали?

Кушни. Кому именно? Я своей жене подарки делал.

Вышинский. Из ваших знакомых слесарей на станции и тому подобное?

Кушни. Не делал.

Вышинский. Никаких подарков не делали. Может быть займы давали?

Кушни. Некоторые из них брали у меня иногда мелкие суммы займы.

Вышинский. Суммы брали маленькие?

Кушни. Я бы большой суммы не дал. Надо сказать, что они не спрашивали больших сумм.

Вышинский. Удовлетворялись маленькими суммами?

Кушни. Иногда просили до получки дать 5 рублей, возможно 10.

Вышинский. 10, 20, 50.

Кушни. До 50 не доходило.

Вышинский. Возвращали эти деньги?

Кушни. Я не помню случая, когда они не возвращали, но может быть забыл один раз.

Вышинский. Вы показывали на предварительном следствии, что Емельянов у вас брал?

Кушни. Будьте добры прочесть эти показания.

Вышинский. Я прочту: «Я помню, что давал займы деньги Кислякову, возможно, что также давал Емельянову».

Кушни. Возможно, что давал Емельянову.

Вышинский. А сейчас говорите, что не помните.

Кушни. Это не отрицается, возможно, что давал.

Вышинский. Значит возможно, что Емельянову давали?

Кушни. Возможно да.

Вышинский. И возможно, что вам не возвращали?

Кушни. Я говорил, что если это было, то было не больше одного случая.

Вышинский. Значит тоже возможно?

Кушни. Я не хотел деньги бросать на воздух.

Вышинский. Вы одалживали как любезность или потому, что вам оказывалась любезность. Давали займы тому, кто у вас просит?

Кушни. Я давал им из любезности.

Вышинский. А они тоже оказывали вам любезность?

Кушни. Они всегда хорошо работали.

Вышинский. Значит вы давали за хорошую работу?

Кушни. Нет, за любезность.

Вышинский. «За любезность». Ну, прекрасно. Скажите пожалуйста, помните вы случай с аварией турбины в 1928 году, в связи с перекачкой?

Кушни. Помню.

Вышинский. Эта авария произошла случайно или сознательно, умышленно была вызвана?

Кушни. Я знаю, что попала вода в турбину. Вследствие этого произошла авария. Вода попала благодаря неправильной работе котла. Котлы меня не касались—они не были доставлены фирмой «Метро-Виккерс». Это было вскоре после пуска первой нашей турбины. Котлы были новые, и все оборудование было новое. Котлы, были другие, чем те, которые стационарный персонал раньше наблюдал, так что возможность,

что кто-нибудь из персонала в отношении котлов сделал ошибку—большая. Но это не было моим делом, и я не знаю, отчего получилась эта ошибка, если она была ошибкой в котельной.

Вышинский (к суду). Можно спросить подсудимого Олейника?

Председатель. Подсудимый Олейник.

Вышинский (к Олейнику). Вы тоже работали в Баку на этой станции?

Олейник. Да.

Вышинский. Вы помните эту аварию в 1928 году?

Олейник. Помню.

Вышинский. Причины этой аварии?

Олейник. Перекачка воды.

Вышинский. Случайная или умышленная перекачка воды?

Олейник. В то время я считал, что случайная. Разговор был такой: кочегары собрались утром на смену в 7 часов. Там были постоянные кочегары для дежурства на новых котлах, обученные, проинструктированные. Они зарабатывали около 150 рублей, а остальные зарабатывали около 90 рублей. Эти остальные кочегары без ведома механика вступили в смену самовольно и вскоре после этого, приблизительно в половине восьмого утра, котлы оказались полными воды. Вода бросилась в паропровод и не только в турбину «Метро-Виккерс», которая была ближайшей, а бросилась на весь паропровод, так что была остановлена вся станция.

Вышинский. Это конечно вопросы, относящиеся к делу, но несколько уклоняющиеся от непосредственной темы моего вопроса. Я вас спрашиваю—авария в 1928 году на Бакгрэсе была случайной или была организована кем-либо умышленно?

Олейник. В то время все считали, что это было случайно.

Вышинский. В то время в 1928 году, а потом оказалось, что она была не случайной?

Олейник. Это я узнал в 1932 году.

Вышинский. От кого?

Олейник. Когда инженер Торнтон давал задание о диверсиях, я сначала не решался на эти диверсии итти, говорил, что диверсии со своими машинами очень опасны, потому что прежде всего отвечает фирма. Это раз. Во-вторых, я боялся. Он мне сказал, что надо умело организовать. —И в пример привел аварию в Баку и сказал, что вот Кушни сумел организовать так, что никакого подозрения и никакого отношения к персоналу «Метро-Виккерс» это не имело.

Вышинский (к Кушни). Вы слышали это показание?

Кушни. Я слышал. Олейник врет.

Вышинский. Хорошо. Вы правду говорите?

Кушни. Правду говорю.

Вышинский. Торнтон, Олейник врет?

Торнтон. Он неправду говорит.

Вышинский. У меня к Кушни нет вопросов.

Председатель. Вы долго служили в английской армии?

Кушни. Немного меньше 2 лет.

Председатель. Летчиком были?

Кушни. Летчиком.

Председатель. Какие года?

Кушни. 1917—1919 годы.

Председатель. Потом ушли и больше в армии не служили?

Кушни. Служил временно, только во время войны.

Председатель. На каком фронте были?

Кушни. Во Франции.

Председатель. Ранены были?

Кушни. Да, ранен.

Председатель. Поэтому ушли из армии?

Кушни. Я не ушел тогда. Но после выздоровления от раны меня не послали опять на фронт, а я был инструктором новых летчиков до конца войны.

Председатель. Теперь в запасе или в отставке?

Кушни. Совершенно не касаюсь армии теперь.

Председатель. В отставке теперь?

Кушни (перевод). Ни в каком резерве не числюсь. Совершенно освобожден.

Председатель. У защиты вопросы есть?

Лидов. Вы образование получили, по вашим объяснениям, техническое?

Кушни. Да, техническое.

Лидов. А в другом месте вы говорите, что кончили университет. Где кончили?

Кушни. Лондонский университет.

Лидов. В Лондонском университете есть и техническое отделение?

Кушни. Да, есть. Инженерное есть и химическое есть.

Лидов. Одним словом, вы кончили и получили высшее техническое образование в Лондонском университете?

Кушни. Да.

Лидов. В каком году вы кончили его?

Кушни. Я учился до 1917 года. Потом бросил учение, чтобы идти на войну. После войны, после 1919 года оставалось один год только учиться.

Лидов. Эти подробности мне не важны. Одним словом, война застала вас еще студентом университета?

Кушни. Да.

Лидов. Вы в армию попали прямо со студенческой скамьи?

Кушни. Правильно.

Лидов. По обвинительному заключению, которое вы получили, которое вы слышали и читали, вы значите акционером английской фирмы «Метро-Виккерс»?

Кушни. Да.

Лидов. Вы действительно состоите акционером?

Кушни. Я имею акции на сумму 120 фунтов.

Лидов. Мелкие акции?

Кушни. Акции фунтовые. Можно купить на 1 фунт.

Лидов. Надо понимать вас так, что вы, собственно говоря, имеете у себя некоторое небольшое количество акций?

Кушни. 120 акций.

Лидов. А капитал вложен весьма крупный?

Кушни. Несколько миллионов: 3—4—не знаю.

Лидов. Миллионов фунтов?

Кушни. Миллионов фунтов.

Лидов. Когда вы приехали сюда работать к нам в СССР и попали в Баку, вы ответили прокурору, что вы разговаривали, бывали два раза на угощениях, на которые вас приглашали рабочие, слесаря. Скажите, почему вы интересовались подробностями жизни рабочих и так далее. Вы все-таки в английских условиях капиталистического общества стояли довольно далеко, как инженер, как лицо с высшим образованием, от рабочей массы. Я понимаю—вы можете вместе работать. Но эти настроения рабочих—почему они вас интересовали?

Кушни. Я всегда интересуюсь тем, что идет вокруг меня. И так как я был ближе к этим рабочим, чем другие, так как они работали прямо под моим руководством, я имел дело с ними, а с другими людьми имел меньше дел, стоял более далеко, поэтому и пришлось. И не только поэтому, а потому, что они меня все очень любили.

Лидов. Значит надо понимать вас так, что у вас были с ними отношения в процессе работы такие, которые вас как бы с ними в значительной степени в этой обстановке сближали и уничтожали различие?

Кушни. Да.

Лидов. А эту пирушку, угощение, на которое вас пригласили в квартиру Емельянова, кто придумал и по какому случаю вас позвали?

Кушни. Именно потому, что это было, когда я уже навсегда уезжал из Баку, и другой возможности меня видеть не было, они хотели проститься со мной.

Лидов. Значит это была прощальная вечеринка, на которой с вами прощались ввиду вашего отъезда?

Кушни. Да.

Лидов. Это они вас пригласили—слесаря и рабочие, или вы сказали, что будете устраивать, или это было совместно?

Кушни. Совместное общее желание.

Лидов. Провести вечер?

Кушни. Да.

Лидов. Вы сказали, что помните два случая—один у Емельянова, другой у кого-то другого. А кроме этих случаев было ли такое положение, чтобы бывать в гостях, приходить вместе посидеть, поговорить в квартире Емельянова или может быть Емельянов к вам заходил?

Кушни. Был один случай, когда я и другие английские монтеры были угощены Бочкаревым.

Лидов. А кроме этого, запросто не заходили друг к другу, как в гости?

Кушни. Этого не было.

Лидов. Значит можно установить, что это было два единственных случая, когда вы проводили время в обществе работавших с вами вместе слесарей и рабочих. Много там было народу?

Кушни. В первом случае было наверно человек 30.

Лидов. Значит большое общество?

Кушни. Это было в ресторане. Это было, когда монтаж 2-й машины был не закончен и был полный штат.

Лидов. Значит все работавшие над пуском машины собрались вместе?

Кушни. Возможно, что некоторые не пришли.

Лидов. Но вообще должен был быть весь штат?

Кушни. Да, все были приглашены.

Лидов. Это было где?

Кушни. В ресторане.

Лидов. А у Емельянова когда вы были?

Кушни. Когда работавших на нашей турбине было уже меньше, человек 15.

Лидов. Значит все же целое общество было?

Кушни. Уместиться было очень трудно.

Лидов. Что же на этой вечеринке у вас были все время общие разговоры, все принимали участие, говорили тосты, поднимали тосты за ваше здоровье, вы за их здоровье, или были частные разговоры, или обсуждались какие-нибудь события, разговаривали все вместе?

Кушни. Тосты были, общие разговоры были, а специального ничего не было.

Лидов. Специального обсуждения каких-нибудь вопросов не было?

Кушни. Не было.

Лидов. Значит вы утверждаете, что за время вашей жизни в Баку вы поддерживали некоторые личные отношения с окружающими слесарями и рабочими, интересовались, беседовали об общих вопросах жизни, но специальное собрание через них сведений вы категорически отвергаете?

Кушни. Совершенно верно.

Лидов. Ну, а по отношению к конторе, как таковой, вы получали какие-нибудь просьбы или указания от кого-либо из лиц, работавших здесь, или с которыми вы сталкивались, чтобы собирать сведения даже независимо от определенной цели, но просто собирать сведения о том, как вокруг живет около вас, где вы работаете, какие настроения имеются, довольны рабочие или нет?

Кушни. Никогда. Технические вопросы, касающиеся нашего оборудования, возможно, что просили меня объяснить, но так как вы говорили—никогда.

Лидов. Вы сказали, что когда встречались в Москве и так далее, у вас происходили и с Торнтоном и с другими лицами некоторые разговоры общего характера?

Кушни. Такие разговоры, которые могли быть у вас со мною, если бы мы встретились через неделю.

Лидов. Это был разговор или доклад какой-нибудь?

Кушни. Доклад—нет.

Лидов. Простой разговор?

Кушни. Да. Я может быть давал свои впечатления, и тот, с кем я говорил, говорил о своих впечатлениях.

Лидов. Во время этих разговоров может быть вам ставились специальные вопросы, чтобы от вас получить ответ по каким-нибудь определенным вопросам, или это были обыкновенные разговоры—как живет и так далее?

Кушни. Возможно, что когда-нибудь хотели что-нибудь узнать.

Лидов. В какой области? Какими вопросами интересовались?

Кушни. В технической области, касающейся нашего оборудования, затем другого оборудования, которое связано с нашим.

Лидов. А вам ставились какие-нибудь вопросы о том, как идет работа в различных других отраслях промышленности. Много ли у нас сосредоточено в Красной армии, какие части и так далее. Может быть такие вопросы ставились?

Кушни. Не ставились.

Лидов. Позвольте перевести вопрос к аварии в 1928 году. Что фактически произошло? Вы категорически отвергаете какое бы то ни было свое отношение?

Кушни. К аварии или к причинам аварии?

Лидов. Конечно к причинам, потому что мы все знаем, что авария была, а вот причины?

Кушни. Это меня не касалось.

Лидов. А вот Олейник сказал, что какой-то кочегар самовольно вступил вместо другого. Вы это подтверждаете?

Кушни. Я это слышал.

Лидов. Что именно?

Кушни. Что была какая-то замена кочегаров, и я слышал, что тот кочегар, который делал ошибку, в первый раз попал на новые котлы.

Лидов. Кочегары были в вашем ведении?

Кушни. Нет. Они меня совершенно не касались.

Лидов. Вы к эксплуатации этих котлов какое-нибудь, хотя бы косвенное отношение имели?

Кушни. Никакого.

Лидов. Значит если какой-то кочегар вступил вместо опытного кочегара, то это было сделано в пределах котельной и к вашей работе лично касательства не имело?

Кушни. Нет. Даже если давление пара было неправильное, я должен был сказать об этом не главному кочегару, а заведующему станцией.

Лидов. Если кочегар вступил самовольно вместо опытного—неопытный, вы понимаете, что это с технической точки зрения вещь недопустимая, это не могло остаться без известного расследования, это должно было повлечь то или другое наложение взыскания. Не так ли?

Кушни. Было расследование после этого, этого кочегара посадили, как я слышал.

Лидов. Так что было следствие и кочегар был привлечен?

Кушни. Да.

Лидов. Скажите пожалуйста, больше вы в Баку не возвращались, уехавши оттуда?

Кушни. Нет. Я после этого был там два раза, первый раз в связи с испытанием нашей турбины...

Лидов. А на постоянной работе не были?

Кушни. Нет.

Лидов. Значит вы переехали на другую работу, а потом в Московскую контору?

Кушни. Да.

Лидов. Потом вы ездили главным образом для наблюдения и проверки установок?

Кушни. Да.

Лидов. Я больше вопросов не имею.

Казначеев. Скажите пожалуйста, гражданин Кушни, вы несколько минут тому назад категорически заявили, что Олейник врет. Как вы считаете, врет ли он в целом, что он говорил, или в некоторых частях?

Кушни. Он врет в той части, когда говорит, что я имел касание к этой аварии в смысле причины.

Казначеев. А в той части, где он говорит о разговоре с Торнтоном, врет или нет?

Кушни. Я убежден, что он врет.

Казначеев. Это ваше убеждение?

Кушни. Да.

Казначеев. Известно ли вам что-нибудь о том—имел ли Олейник какой-либо разговор с Торнтоном на эту тему или нет?

Кушни. Не знаю.

Казначеев. Значит вы не можете сказать ни «да», ни «нет», а можете высказывать свое предположение или убеждение?

Кушни. Я не был с ними, я не знаю, было это или нет, но я не допускаю такой вещи.

Казначеев. И только, но отрицать факта вы не можете.

Кушни. Так как я не был все время с ними, то этого утверждать не могу.

Казначеев. Больше вопросов не имею.

Председатель. У защиты больше вопросов нет?

Защита. Нет.

Председатель. У прокуратуры?

Прокуратура. Нет.

Председатель. Подсудимый Кушни, садитесь.

Кушни. Я хочу сделать заявление насчет показаний.

Председатель. Ваши показания ничем не отличаются от тех показаний, которые были даны раньше.

Может быть не всем подсудимым английским подданным известен наш порядок ведения судебного следствия. У нас порядок такой. Идет судебное следствие. Мы допрашиваем подсудимых в известном порядке и по ходу допроса подсудимые могут делать любые заявления. Порядок был установлен на первом заседании. После допроса всех подсудимых будут речи государственных обвинителей, затем речи защитников, затем каждому подсудимому будут предоставлены так называемые последние слова, где они кроме того снова могут делать заявления, затем будет вынесен приговор. Вот какой у нас порядок. Так что делать какие-то заявления в нарушение установленного порядка ведения судебного следствия нецелесообразно.

Кушни. Так что мне будет дана возможность...

Председатель. Такой порядок у нас установлен по Уголовно-процессуальному кодексу. Повторяю, может быть вы плохо поняли. Мы сегодня вечером или завтра утром закончим допрос всех подсудимых, потому что осталось всего 4 человека. Затем вероятно будет некоторый перерыв для подготовки речей, и вероятно еще будет заслушана экспертиза. Затем будут речи государственных обвинителей. После этого—речи всех ваших защитников. После речей защитников—последние слова всех подсудимых. Затем суд удалится на совещание для

вынесения приговора. У нас всегда такой порядок был, и в данном случае не будет исключения.

Кушни. Спасибо, я понял.

Председатель. Теперь разрешите перейти к следующему подсудимому. Подсудимый Олейник.

У суда вопросов нет. У прокуратуры есть вопросы к Олейнику?

Рогинский. Вы служащий конторы «Метрополитен-Виккерс»?

Олейник. Да, я был до последнего момента.

Рогинский. С какого года вы служите в этой фирме?

Олейник. В фирме «Метро-Виккерс» с 1926 года.

Рогинский. До 1926 года где вы работали?

Олейник. Это предшественник «Метро-Виккерс» общество «Вестингауз».

Рогинский. С какого года и по какой?

Олейник. Я начал работу в Америке в 1908 году.

Рогинский. Где?

Олейник. Сначала в Сан-Франциско, а затем в Чикаго. В 1911 году вернулся в Россию и опять поступил в Петербургское отделение русского общества «Вестингауз». Был старшим монтером до 1914 года. В начале 1914 года за ликвидацией русского общества «Вестингауз» британское общество «Вестингауз» или вернее представительство британского общества «Вестингауз» в России предложило мне перейти на службу в британское общество «Вестингауз» и поехать в Англию для изучения турбин. Я был туда командирован на год. Был там до мая месяца 1915 года. В 1915 году вернулся в Россию, работал здесь по монтажу турбин до 1920 года, хотя англичане все уехали в конце 1917 года, но так как представительство британского общества «Вестингауз» было обществом «Динамо», то я все-таки продолжал работать до 1920 года. В 1920 году моя служба прекратилась. Работал я с 1920 по 1926 год помощником заведующего электростанции на Тамбовском пороховом заводе. Затем был помощником заведующего механическим цехом тамбовских вагонных мастерских. Затем был турбинным техником в московском отделении Электротехнического треста центрального района. Впоследствии был назначен заведующим отделением турбин Государственного электротехнического треста. До 1926 года был там и в 1926 году перешел по предложению инженера Монкгауза, который здесь был представителем, на службу в фирму «Метро-Виккерс», то есть фактически это то же самое, что «Вестингауз».

Рогинский. Вы инженера Монкгауза знали до 1926 года?

Олейник. Знал. В 1925 году он нашел меня. Я его узнал с 1925 года.

Рогинский. До этого времени не знали, в период своей работы с 1911 года?

Олейник. Нет, не знал.

Рогинский. Значит вы впервые с ним встретились в 1925 году?

Олейник. В 1925 году.

Рогинский. Какое у вас образование?

Олейник. Официально у меня образования никакого нет, потому что я не окончил даже приходской школы, у меня не было возможности, но я потом старался пополнить свое образование. Пока жил в России, учился между работой. Потом в Америке был в так называемой высшей

технической школе, брал курс заочного преподавания инженера-электрика, но не кончил. Диплома у меня нет.

Рогинский. Ваша специальность?

Олейник. До 1914 года, то есть до отъезда в Англию, я работал старшим монтером-электриком, но с 1914 года, так как в России предполагались работы исключительно по турбогенераторам, для этой цели меня фирма командировала в Англию для изучения паровых турбин, и с того времени, то есть с 1914 года, и по день ареста я работал исключительно по паровым турбинам.

Рогинский. Какую работу вам поручили в конторе «Метро-Виккерс»?

Олейник. Монтаж паровых турбин.

Рогинский. Вы были на таком же положении, как остальные монтажные инженеры и монтеры, работавшие в конторе «Метро-Виккерс»?

Олейник. Не все были в одинаковом положении. По сравнению с некоторыми я был в лучшем положении.

Рогинский. Почему?

Олейник. Потому что больше получал жалования, а по сравнению с другими—в худшем. Оклад неодинаковый и квалификация неодинаковая.

Рогинский. Ваш оклад?

Олейник. Я получал в последнее время 600 рублей. В Макеевке я получал еще 150 рублей добавочно на дороговизну. В счет этих 600 рублей я получил 50 рублей бонами на Торгсин, как и остальные служащие фирмы.

Рогинский. Вы какие-либо сбережения имеете за границей?

Олейник. Да.

Рогинский. Каким образом эти сбережения составлялись?

Олейник. Это было в 1930 году. Я работал в Москве. Инженер Торнтон начал со мной разговор о том, что так как положение советской власти неустойчиво, цена на деньги падает, а может быть и власть падет не сегодня-завтра, то если у меня есть сбережения, лучше их положить в английский банк. Я ему сказал, что у меня есть сбережения—2 000 рублей. Эти сбережения я передал Монкгаузу, потому что, когда я пришел в контору, Торнтон там не было, а он их положил в английский банк, когда был в Англии, и привез мне оттуда чековую книжку, но сказал, что чековую книжку вам опасно иметь на дому на случай обыска. Поэтому будет лучше, если чековая книжка будет храниться у него. Так мы и сделали.

Рогинский. О каком обыске шла речь?

Олейник. На всякий случай.

Рогинский. Почему вы ожидали обыска?

Олейник. Потому что можно было ожидать—наша деятельность была не так легальна.

Рогинский. Это было в каком году?

Олейник. В конце 1930 года.

Рогинский. Следовательно, Монкгауз привез вам чековую книжку?

Олейник. Не Монкгауз, а Торнтон.

Рогинский. Когда это было?

Олейник. В 1931 году.

Рогинский. Почему он вас предупреждал о возможном обыске?

Олейник. Он мне не сказал—почему, но, судя по нашей деятельности, можно было ожидать, что она откроется и будет обыск.

Рогинский. Судя по какой деятельности?

Олейник. По шпионской, вредительской.

Рогинский. По шпионской и вредительской?

Олейник. Да.

Рогинский. Значит правильно будет сказать, что примерно в 1930 году вы имеющиеся у вас наличные средства при посредстве Торнтон и Монкгауза переправили в Англию?

Олейник. Да. Кроме того я забыл сказать—инженер Торнтон тогда же мне сказал, что лучше мне все жалование здесь не получать, а устроить так, чтобы в Англии на мой текущий счет вносили приблизительно 100 рублей, или 10 фунтов ежемесячно.

Рогинский. Я имел в виду задать и этот вопрос. Значит вы средства, свои сбережения переправляете в Англию, плюс к этому, по договоренности с Торнтоном, определенная сумма вашего жалования точно так же должна была вноситься на ваш текущий счет в Англии?

Олейник. Да.

Рогинский. При чем этого рода мероприятие было вызвано, как вы говорите, некоторыми беседами или разговорами, связанными с возможным обыском и раскрытием вашей деятельности.

Олейник. Я вас не понял.

Рогинский. Подготавливали путь отступления?

Олейник. Я подготавливал?

Рогинский. Да.

Олейник. Нет. Это я не имел в виду.

Рогинский. Не имел в виду. Хорошо. Следовательно вы имели в виду только возможность политических осложнений и в силу этого оставили свои сбережения в Англии?

Олейник. Да.

Рогинский. А соображения, связанные с обыском?

Олейник. Нет. Я не предполагал за границу бежать.

Рогинский. А после разговора с Торнтоном в 1931 году, когда он предупредил вас о том, что нельзя хранить у себя на дому чековую книжку?

Олейник. Все равно я не предполагал уезжать.

Рогинский. Предполагали только оставить там средства, а сами остаться здесь?

Олейник. Нет. Это не так.

Рогинский. Теперь конкретно о вредительской деятельности. Какая конкретно вредительская деятельность проводилась вами?

Олейник. Соккрытие дефектов оборудования.

Рогинский. Раз.

Олейник. Собираение сведений.

Рогинский. Два.

Олейник. Организация аварий.

Рогинский. Три. И четвертая, линия.

Олейник. По-моему это покрывает все.

Рогинский. А вербовка?

Олейник. Это я называю организацией аварий.

Рогинский. Итак, четыре линии. Так мы их и перечислим и запишем: сокрытие дефектов—раз, организация аварий—два, вербовка—расчленим все-таки это—и следовательно организация вредительских групп на различных электростанциях—три и наконец шпионаж—четыре. Правильно?

Олейник. Правильно.

Рогинский. Хорошо. С кем непосредственно по этой вашей деятельности вы были связаны в конторе?

Олейник. В последнее время с назначением инженера Торнтонна главным монтажным инженером я имел дело только с ним.

Рогинский. Конкретно—что вы считаете последним временем?

Олейник. То есть с конца 1929 года.

Рогинский. А до 1929 года?

Олейник. А до тех пор—инженер Монкгауз.

Рогинский. Тоже конкретнее—с какого периода времени вы исчисляете свой «стаж» вредительской деятельности?

Олейник. Говорить ли о собирании сведений или о сокрытии дефектов. Если разрешите, буду говорить в хронологическом порядке.

До начала 1928 года я работал в Златоусте и Штеровке и не встречался ни с Монкгаузом и ни с кем из персонала фирмы. Только переписывался. Давал отчеты в своей работе, получал жалованье по телеграфу. Встречать никого не встречал, поэтому заданий не получал. В 1928 году был командирован в Китлынь для перелопачивания первого колеса первого диска турбины, которое было повреждено вылетевшей контрольной шпилькой из сопловой коробки. Шпильки эти были виной монтера, который собирал эту турбину. Они должны быть по инструкции, да и так каждому монтеру ясно, должны быть хорошо закреплены. Они не были зачеканены, вылетели и повредили, это была счастливая случайность, только два ряда лопаток. Это я скрыл, никому не сказал.

Рогинский. Это какой год?

Олейник. Это в начале 1928 года.

Рогинский. Этот свой акт вы совершили по своей инициативе?

Олейник. Да, по своей инициативе.

Рогинский. Ни с кем не посоветовавшись?

Олейник. Да.

Рогинский. Следовательно никто из конторы и Монкгауз на вас влияния не оказывали?

Олейник. Нет.

Рогинский. Это было ваше стремление оказать известную услугу конторе, у которой вы были на службе?

Олейник. Это был незначительный факт, которому я не придавал значения.

Рогинский. И который вы скрыли?

Олейник. Да, я скрыл.

Рогинский. Дальше?

Олейник. В Штеровке была авария в 1928 году в середине лета—поломался циркуляционный насос, довольно большой у турбины. Могло быть значительно хуже, температура подшипника дошла до 99 градусов, и еще немного и можно было всю турбину загнать. После этого было

расследование причин этой аварии. Основная начальная причина была та, что у вспомогательной турбинки, которая должна работать при выключении мотора, конструкция клапана была настолько неудачна, что достаточно задеть рычаг и клапан закрывался. Было установлено, что дежурный машинист второпях, не заметив этого, задел клапан и он закрылся. Вследствие этого начали опять пускать насос, пустили неправильно, и насос поломался. Это я конечно скрыл.

Рогинский. Это вы скрыли от кого?

Олейник. От наших властей и от заказчика.

Рогинский. А что вы должны были сделать?

Олейник. Теперь я вижу, что должен был пойти или тут же заявить представителям Штерстрою, что это вина фирмы, но в таком случае я уже больше не мог продолжать работать у фирмы.

Рогинский. А разве вам было дано такого рода указание, что вы обязательно должны скрывать всякие дефекты?

Олейник. Да, конечно.

Рогинский. Кем?

Олейник. Моими руководителями Монкгаузом и Торнтоном.

Рогинский. Я и спрашиваю вас—ваш акт, который вы относите к 1928 году, и второй на Штеровке являлись ли они следствием ваших самостоятельных действий или в результате определенных указаний, данных вам?

Олейник. Простите, я вас не понял. Указание было общего характера не об этой именно аварии или другой, не об одном дефекте, а указание общего характера, о том, что дефекты должны скрываться.

Рогинский. Во всяком случае вы должны всячески охранять интересы фирмы?

Олейник. Да.

Рогинский. Это понятно. Вы служащий фирмы, вам такое указание было дано?

Олейник. Да.

Рогинский. И вы это указание выполняли достаточно ретиво и рьяно?

Олейник. Я выполнял эти указания очень добросовестно.

Рогинский. Но при выполнении добросовестного сокрытия дефектов было ли вам сказано или дано указание, или вы действовали по своей инициативе, чтобы сверх того умышленно организовывать те или иные вредительские действия в отношении машин?

Олейник. По своей инициативе я этого никак не мог сделать.

Рогинский. Но вы это делали?

Олейник. Да, я пытался организовать, скрепя сердце.

Рогинский. Скрепя сердце или нет—это вопрос иного порядка, вы это делали?

Олейник. Да.

Рогинский. Если не по своей инициативе, то по чьей?

Олейник. По инструкции инженера Торнтонна.

Рогинский. Эти инструкции когда вы получили?

Олейник. В 1932 году.

Рогинский. А до 1932 года таких инструкций не было?

Олейник. Не помню.

Рогинский. И до 1932 года вы к организации аварий отношения не имели?

Олейник. К организации аварий как будто бы нет, не помню.

Рогинский. Мы вам потом напомним. До 1932 года следовательно вы к деятельности различных вредительских групп на различных электростанциях отношения не имели.

Олейник. В смысле сокрытий дефектов конечно имел, а организации аварий я не помню.

Рогинский. А в смысле сокрытия таких дефектов, которые заведомо для тех, кто их скрывал, должны были обязательно вызвать аварию, к этому вы отношение имели?

Олейник. Возможно, что имел.

Рогинский. Я спрашиваю, имели или нет?

Олейник. Я затрудняюсь вам сказать.

Рогинский. А вот ваши показания, которые вы здесь сегодня давали, они о чем говорят?

Олейник. Здесь, сейчас?

Рогинский. На очной ставке с Крашенинниковым. Это не 1932 год. Это раньше.

Олейник. Но я не организовывал этой аварии. Я не пытался организовывать. Я видел, что там что-то есть, но это не относилось к установке «Метро-Виккерс», и я не считаю, что я организовывал это.

Рогинский. При чем здесь установка «Метро-Виккерс». Вопрос идет о совершении определенных аварий. Разве вам были даны инструкции о том, чтобы организовать аварии только с установкой «Метро-Виккерс» или может быть обратно?

Олейник. Нет. Но главным образом конечно с установками «Метро-Виккерс», потому что мне иначе трудно было.

Рогинский. А в актах, которые были совершены Крашенинниковым, принимали вы участие?

Олейник. Будьте добры скажите, какие акты?

Рогинский. Сегодня они были перечислены здесь, и вы сами их перечисляли и указывали Крашенинникову.

Олейник. Я не помню.

Рогинский. Можно спросить Крашенинникова?

Председатель. Пожалуйста.

Рогинский. Может быть вы напомниме Олейнику.

Крашенинников. Насчет подшипников, насчет клапанов, насчет зазоров в лопатках.

Рогинский. Имело это место?

Олейник. Насчет подшипников это имело место в 1932 году.

Рогинский. Насчет клапанов?

Олейник. Это когда я монтировал турбину в 1930 году.

Крашенинников. Зазоры в лопатках.

Олейник. Не в лопатках, а в лабиринтовых уплотнениях.

Крашенинников. Да.

Олейник. Да, но это не могу назвать аварией, это только вызвало бы излишний расход пара или вызывало.

Рогинский. Это имело место?

Олейник. Да.

Рогинский. Это было до 1932 года?

Олейник. Да.

Рогинский. Значит до 1932 года вы равным образом принимали участие в организации тех вредительских актов, которые были организованы на электростанциях?

Олейник. Да, я этого не отрицаю.

Рогинский. Теперь 1932 год. Здесь какие акты были организованы вами, вами совершены, или в которых вы принимали участие?

Олейник. Я не могу сказать—какие.

Рогинский. Их не было?

Олейник. Я мог бы сказать об актах, которые произошли, но не были вскрыты, об авариях, но в 1932 году я пытался организовать, а произошли они или нет—мне неизвестно.

Рогинский. Я спросил, какие акты в 1932 году пытались вы организовать. Что вы пытались организовать в 1932 году?

Олейник. Конкретного задания я не давал и не мог давать, потому что это зависело от условий, но я пытался завербовать некоторых людей для совершения этих актов.

Рогинский. Конкретно.

Олейник. Могу я называть лица?

Рогинский. Из числа тех, кто здесь сидит?

Олейник. Нет.

Рогинский. Вы пока мне назовите факты, места, электростанции.

Олейник. Это было на 1-й Московской станции.

Рогинский. Какой акт вы пытались организовать?

Олейник. Я уже сказал, что дать определенное задание заблаговременно я не мог, потому что я не знал. На ходу этого сделать нельзя, или во всяком случае это было опасно, после моего разговора с инженером Торнтоном это нужно было делать очень осторожно. Значит нужно было подобрать людей и ждать удобного момента.

Рогинский. Подобрать людей и ждать удобного момента?

Олейник. Да.

Рогинский. На что вы направляли вредительский удар?

Олейник. На разрушение.

Рогинский. Конкретный участок? Вы сказали, что пытались организовать определенный вредительский акт?

Олейник. Да.

Рогинский. Я и спрашиваю.

Олейник. Я уже сказал, что не знаю, как понять участок.

Рогинский. Не понимаете, что называется участком? Тогда так поставим вопрос: были ли вами намечены конкретные вредительские акты, или вы только организовывали вредительскую группу, подобрали людей и имели в виду перейти к конкретным вредительским действиям?

Олейник. Да, только так.

Рогинский. Хорошо. Ваша деятельность в исполнении указаний Торнтонна ограничилась только организацией вредительской группы?

Олейник. Да.

Рогинский. На МОГЭС?

Олейник. Нет, не только на МОГЭС, а где представится возможность.

Рогинский. На МОГЭС была организована?

Олейник. Да.

Рогинский. Вами?

Олейник. Да.

Рогинский. В 1932 году?

Олейник. В 1932 году.

Рогинский. Кроме МОГЭС, где еще?

Олейник. Кроме МОГЭС я не могу припомнить, где еще были.

Рогинский. Вы мне сказали—не только в МОГЭС.

Олейник. Было задание организовать не только в МОГЭС.

Рогинский. Конкретно, где было организовано?

Олейник. На МОГЭС.

Рогинский. Было организовано вами лично в МОГЭС?

Олейник. Да.

Рогинский. Значит участие вы принимали в совершении аварий, организованных группой Крашенинникова на МОГЭС. Сами вы организовали равным образом вредительскую группу на МОГЭС в 1932 году и намеревались перейти к конкретным вредительским актам. Так?

Олейник. Так.

Рогинский. По отношению к другим электростанциям были совершены действия аналогично тем, о которых говорил Крашенинников?

Олейник. По организации вредительских групп?

Рогинский. По сокрытию таких дефектов, которые обязательно вызывали аварии?

Олейник. Я хотел рассказать по порядку.

Рогинский. Скажите—были?

Олейник. Были.

Рогинский. Где были?

Олейник. В Штеровке.

Рогинский. Значит в Штеровке, МОГЭС. Где еще?

Олейник. В Белово в Сибири.

Рогинский. Дальше?

Олейник. Не помню.

Рогинский. Эти три станции вы помните, а дальше других станций не помните?

Олейник. Показания давал свободно, а сейчас я сразу вспомнить не могу.

Рогинский. Плюс к этому те действия, о которых вы вчера говорили, связанные с Нордволлом. В этом была ваша вредительская работа?

Олейник. С Нордволлом—это была вредительская работа.

Рогинский. На Макеевке и Мотовилиховском заводе?

Олейник. Да.

Рогинский. Тоже умышленная вредительская деятельность?

Олейник. Да.

Рогинский. Теперь скажите пожалуйста, эти действия были вами проведены, как вы говорите, по прямым инструкциям Торнтонна?

Олейник. Да, главным образом так. Бывали случаи по инструкции инженера Монкгауза.

Рогинский. И по инструкции инженера Монкгауза. Он тоже давал инструкции по организации вредительских актов?

Олейник. Этого я не помню, но что он был в курсе дела, это я знаю.

Рогинский. Откуда это вам известно?

Олейник. Со слов Торнтон и из тех инструкций, которые он мне давал для того, чтобы люди, которых я вербовал, так как инженер Торнтон часто уезжал из Москвы, пришли для переговоров с Монкгаузом, так как он в это дело посвящен.

Рогинский. Какие люди?

Олейник. Те, которых я намечал завербовать.

Рогинский. Чтобы они непосредственно могли иметь сношения с инженером Монкгаузом?

Олейник. Да.

Рогинский. Но лично вы получали от Монкгауза такого же рода установки, которые имели от Торнтон?

Олейник. Лично от инженера Монкгауза я получил только распоряжение не производить испытание и не только не производить, а уговорить заказчиков и всеми способами оттянуть испытание турбин, которые, как потом он объяснил при следующей встрече, гарантийного расхода пара выдержать не могут. Я получил такого рода письменное распоряжение от инженера Монкгауза.

Рогинский. Но это отнюдь не такого рода указания, как те, которые давал вам Торнтон.

Олейник. Да, это другого характера.

Рогинский. А я вас спрашиваю о такого рода указаниях, которые вы имели от Торнтон?

Олейник. От Торнтон я получал всякие указания, и, как я уже сказал, с Монкгаузом я имел мало дела с тех пор, как заведывание монтажными работами принял Торнтон.

Рогинский. Значит больше вы имели дело с Торнтон и непосредственно от Торнтон?

Олейник. Да.

Рогинский. Но вы утверждаете, что вам было ясно, что в курсе всей этой деятельности был Монкгауз?

Олейник. Так мне сказал Торнтон и даже дал такого рода инструкцию.

Рогинский. Вы здесь указали, что вы равным образом занимались шпионажем. Какие сведения здесь вас интересовали?

Олейник. Меня никакие не интересовали, а я выполнял те задания, которые мне давали.

Рогинский. Ну, хорошо—какие сведения вы должны были собирать согласно полученной вами инструкции?

Олейник. Сведения о техническом состоянии электростанции, о расширении станции, заводов, о предполагавшихся заказах, о настроениях масс. Также сведения о продвижении войск и снаряжении.

Рогинский. Значит военного порядка сведения тоже должны были вами собираться по тем указаниям, которые вы имели.

Олейник. Такие указания я получил в 1932 году.

Рогинский. О собирании военных сведений?

Олейник. Да.

Рогинский. От кого?

Олейник. От Торнтона.

Рогинский. Вы приняли это поручение?

Олейник. Да.

Рогинский. Предпринимали шаги к тому, чтобы выполнить это поручение?

Олейник. Я частично и выполнил.

Рогинский. И эта ваша работа по заданиям Торнтона и по заданиям Монкгауза выполнялась вами вполне добросовестно, так?

Олейник. Да, так, как и всякая работа.

Рогинский. Эта работа сверх жалования была оплачиваемая?

Олейник. Я считаю, что да.

Рогинский. И эта деятельность была вызвана тем, что все ваше благополучие было связано с фирмой «Метро-Виккерс», что вы все свое благополучие всегда строили на интересах этой фирмы?

Олейник. Да, это так.

Рогинский. И вы это делали, будучи гражданином Советского союза?

Олейник. Да.

Рогинский. И эти интересы фирмы добросовестно защищали?

Олейник. Да.

Рогинский. Нанося вредительские удары интересам Советского союза?

Олейник. Да.

Рогинский (к суду). У меня есть вопрос к Торнтону.

Председатель. Подсудимый Торнтон.

Рогинский (к Торнтону). Показания Олейника отрицаете?

Торнтон. Отрицаю.

Рогинский (к суду). Вопрос к Монкгаузу.

Председатель. Подсудимый Монкгауз.

Рогинский (к Монкгаузу). Вы также отрицаете показания Олейника в той части, которая вас касается?

Монкгауз. Отрицаю, и я прошу у суда разрешения показать несколько документов.

Рогинский. Об этом вы можете потом попросить суд, а сейчас вернемся к части тех показаний, которые дал Олейник относительно вас. Вы их отрицаете?

Монкгауз. Отрицаю.

Рогинский. У меня больше нет вопросов.

Казначеев. Скажите, обвиняемый Олейник, вас как специалиста монтера ценили в фирме или нет?

Олейник. По-моему очень ценили.

Казначеев. Вы считались хорошим специалистом?

Олейник. Да. Лучше, чем многие англичане.

Казначеев. Тогда мне немножко непонятно. Если вы были хорошим специалистом, если вы могли при таких условиях найти работу, когда угодно и где угодно, то чем обуславливалось то обстоятельство, что материально вы были так тесно спаяны с фирмой. Вы ответили на вопрос прокурора, что эта материальная связь толкала вас на вредительскую деятельность?

Олейник. Я бы сказал, что это не только материальная связь.

Казначеев. А что еще?

Олейник. Привычка. Я так давно работал в фирме, мне легче было в тех условиях работы работать, потому что даются точные инструкции.

Казначеев. Здесь известную и может быть доминирующую роль играл вопрос привычки, вопрос близких отношений, тесное знакомство?

Олейник. Да.

Казначеев. Теперь скажите по вопросу относительно вашего текущего счета—за границей. Через кого должна была проводиться персонально эта операция? Кто должен был вносить деньги на ваш счет?

Олейник. Как сказал мне инженер Торнтон, это должен был делать завод.

Казначеев. Но разговор на эту тему вы вели с Торнтоном?

Олейник. Только с ним.

Казначеев. Ни с кем другим вы на эту тему разговоров не вели?

Олейник. Нет.

Казначеев. Он выполнил это обещание или нет?

Олейник. Он мне показывал чековую книжку.

Казначеев. Таким образом вы были убеждены в том, что это обещание не осталось обещанием, а было выполнено?

Олейник. Да, я ему верил.

Казначеев. Все-таки непонятно. На протяжении многих лет вашей работы вы вредительской деятельностью не занимались. Под влиянием каких факторов вы активизировались, стали на путь активного вредительства и шпионажа. Под влиянием чего—именно последние годы. Ведь вы служили и раньше?

Олейник. Да, служил раньше.

Казначеев. Почему именно в последние годы вы перешли к активному действию?

Олейник. Добыча сведений о состоянии заводов, о предполагаемых расширениях и так далее. То, что фирму интересует. Это всегда было обычным явлением. Взятки при старом режиме тоже были обычным явлением. Без взятки ничего нельзя было делать.

Казначеев. Поэтому вы продолжали те навыки, которые вы получили, работая в фирме?

Олейник. Да. Я бы сказал, что это навыки.

Казначеев. Так. Дальше. Вы стали рассказывать относительно того, как вы стали собирать сведения и другие. Но собирать сведения вообще—это одно, а собирать сведения определенного шпионского характера, военного характера—это другое. Меня интересует момент перехода. Вы поняли меня?

Олейник. Я вас понял. В конце 1930 года инженер Торнтон завел со мной разговор специально о моей будущности, о том, что мне недолго придется работать уже по возрасту. Проработаю может быть 5, максимум 10 лет, а дальше мне нужно подумать о том, чем я должен жить. Советская валюта, мол, неустойчива, и если у вас есть сбережения, так мы вам устроим вклад в Англии, а кроме того ежемесячно около 10 фунтов в счет вашего жалования там будет откладываться. Это вас сможет обеспечить на старость. Это конечно меня очень расположило. Но это было сделано предварительно, а после этого уже пошли разговоры антисоветского характера. Я бы сказал,

что не только одни разговоры—и литературу я читал. Англичане привозили журналы, книги, газеты.

Казначеев. Вы владеете английским языком?

Олейник. Свободно владею.

Казначеев. Торнтон перед вами ставил проблему вашего ближайшего будущего?

Олейник. Я видел, что он принимает очень близкое участие во мне, и когда он начал давать задания, мне отказаться было неудобно.

Казначеев. То есть он вас так расположил к себе?

Олейник. Да, участием в моей судьбе.

Казначеев. Но вы ведь сознавали, какой ответственности вы подвергаетесь, добывая такие сведения характера военного шпионажа, или не понимали в тот момент, или недоучитывали?

Олейник. Я понимал.

Казначеев. Понимали?

Олейник. Да.

Казначеев. Чем же объяснить, что вы сравнительно так легко на это пошли?

Олейник. Я старался как можно меньше выполнять это.

Казначеев. Старались меньше выполнять?

Олейник. Да, потому что все-таки здесь была внутренняя борьба.

Казначеев. С одной стороны, чувство реальной возможности близкой ответственности, а с другой стороны—что?

Олейник. Не только чувство ответственности, но я бы сказал и нравственное.

Казначеев. Этот момент меня и интересует. Скажите о нравственной стороне?

Олейник. Подлее быть ничего не может конечно.

Казначеев. Как вы мирились с этим?

Олейник. Я говорю—скрепя сердце.

Казначеев. Скрепя сердце. Теперь скажите, когда вы думали о своем близком будущем, вас интересовала ваша личная судьба или других людей—вашей семьи, родни? Большая ли у вас семья?

Олейник. На моей шее порядочно.

Казначеев. Кто да кто?

Олейник. Своя семья небольшая, но есть мать.

Казначеев. Возраст матери?

Олейник. Ей уже 86 лет, но она еще бодрая.

Казначеев. Исключительно на вашем иждивении?

Олейник. Да, исключительно.

Казначеев. Еще кто есть?

Олейник. Есть сестра с детьми.

Казначеев. Какого возраста?

Олейник. 48 лет.

Казначеев. Кто еще?

Олейник. Другим сестрам я от случая к случаю помогаю, но они не на моем иждивении.

Казначеев. Воспитанника еще нет?

Олейник. Есть воспитанница.

Казначеев. Какого возраста?

Олейник. 10 лет, 11-й.

Казначеев. Тоже на вашем иждивении?

Олейник. Да.

Казначеев. Таким образом, идя на это дело, разрешая преступным путем вопрос, вы заботились не столько о своей судьбе, сколько о судьбе своих близких—так я вас понимаю?

Олейник. Да, я свою судьбу конечно связываю с судьбой своих близких.

Казначеев. Я спрашиваю—их судьба конечно тоже роль играла?

Олейник. Я был старшим сыном в семье, семья была большая, всю жизнь на меня надеялись, и всю жизнь я помогал воспитывать братьев и сестер.

Казначеев. Еще последний вопрос. Мы знаем, что у вас таким образом был некоторый текущий счет, а кроме этого в течение прошлых лет были накопления, сбережения, какие-нибудь средства или не было?

Олейник. В последние годы?

Казначеев. Нет. Вообще когда бы то ни было имущество имели?

Олейник. Одно время был дом. Накопления были. Я получал хороший оклад.

Казначеев. В больших размерах или нет?

Олейник. Да, 5000 примерно теперь.

Казначеев. От отца вы не получили ничего?

Олейник. Что я мог получить, когда он получал 10 рублей в месяц.

Казначеев. Значит его имущественное положение было таким плачевным. У меня больше вопросов нет.

Брауде. Я хотел бы, чтобы вы уточнили несколько объем той преступной деятельности, которую приписывали Торнтону. Вы говорите, что Торнтон поручил вам организацию вредительской группы?

Олейник. Да.

Брауде. Одной группы или по возможности большого количества групп?

Олейник. Где только имеется возможность.

Брауде. Много их организовали?

Олейник. Я не успел.

Брауде. Но, что успели?

Олейник. Успел здесь в Москве.

Брауде. А в других местах?

Олейник. Но там был кроме меня Нордволл.

Брауде. Вы ответили на вопрос прокурора, что не припоминаете или не организовали?

Олейник. Не организовывал.

Брауде. Значит только в МОГЭС. Кого туда вовлекли?

Олейник. Эти лица здесь не присутствуют.

Брауде. Хорошо. Вы докладывали суду подробно о тех вредительских действиях, которые лично производили вы. Тоже во многих местах или нет?

Олейник. Я не знаю, как показывать. Я был во многих местах.

Брауде. Там вы и организовали?

Олейник. Да.

Брауде. Вы назвали два места—Штеровка и еще?

Олейник. В Белово, МОГЭС. Но ведь я не на многих работах и был.

Брауде. Значит только два места. Вы ответили, что остального не припомните.

Олейник. Я уже сказал о случае на Урале.

Брауде. И больше нет?

Олейник. Как будто нет.

Брауде. Разве вы каждый день устраиваете вредительские действия, что вы не знаете. Это не такой случай, чтобы можно было забыть. Вы собирали военные сведения по поручению Торнтон. Какого рода военные сведения Торнтон поручал вас собирать?

Олейник. Во-первых, это было на военном заводе около Перми.

Брауде. Какого характера и какие военные сведения?

Олейник. О количестве производства, о характере производства.

Брауде. Производство было секретное?

Олейник. Безусловно.

Брауде. Вас к нему допускали?

Олейник. Нет.

Брауде. Как могли узнавать?

Олейник. Если бы я мог связаться с людьми, которые там работали, конечно мог бы.

Брауде. Но вы не связались и не узнали и не сообщили?

Олейник. Я сообщал то, что наблюдал сам и что случайно слышал.

Брауде. Значит в общем ничего секретного. То, что вы могли наблюдать, мог каждый наблюдать.

Олейник. Нет, не каждый. Я работал на заводе, сталкивался с людьми, работающими в разных цехах.

Брауде. И спрашивали их?

Олейник. Спрашивать было неудобно. На этот счет строго. Но то, что случайно слышал, я это сообщал.

Брауде. Какие конкретно сведения сообщали? Касательно чего, не называя ни цифровых данных, ни формулировки этих сведений?

Олейник. При моей поездке на Дальний Восток я также сообщал о продвижении войск, о снаряжении.

Брауде. А вы имели поручения для получения сведений по продвижению войск? Вы были пассажиром на станции железной дороги?

Олейник. Да.

Брауде. Значит вы видели то же, что видели все пассажиры?

Олейник. Да.

Брауде. И это все сведения, которые вы сообщили?

Олейник. Да.

Брауде. У меня больше вопросов нет.

Вышинский. Можно значит в качестве бесспорного установить военный шпионаж. Давал вам Торнтон поручения собирать сведения о военной работе заводов около Перми, когда вы туда и направлялись, или он не давал поручений?

Олейник. Он не только давал поручения, а и сам приезжал в 1931 г.

Вышинский. И сам приезжал в 1931 году, чтобы собрать сведения?

Олейник. Он ехал в Челябинск и заехал ко мне, где я работал, хотя в этом надобности не было.

Вышинский. Подсудимый Торнтон, вы там были?

Торнтон. Был.

Вышинский. То, что вам не удалось собрать тех сведений, которые интересовали Торнтон, это в какой-нибудь мере меняет вопрос о том, что вам было дано поручение? Поручение так и оставалось?

Олейник. Оставалось.

Вышинский. Простите меня за некоторые резкие выражения, но они верны—шпионы всегда умело и удачно выполняют поручения?

Олейник. Думаю, что нет.

Вышинский. Для получения сведений о передвижении войск вы старались завязать связь с соответствующими пассажирами, людьми, администрацией, послушать, выведать, высмотреть, вынюхать или не старались?

Олейник. Я не могу сказать, что я старался, потому что нужно выбирать подходящих людей, а откуда я знаю, какого направления эти люди.

Вышинский. А какое задание имели?

Олейник. Задание—узнать.

Вышинский. Вы это задание выполняли добросовестно?

Олейник. Да.

Вышинский. Скажите, для фирмы «Метро-Виккерс» все эти сведения имели какое-нибудь значение? Фирма «Метро-Виккерс» была заинтересована в этом или нет?

Олейник. Нет.

Вышинский. Я тоже думаю, что не была, но может быть кто-нибудь из ее служащих был заинтересован?

Олейник. Если бы не был заинтересован, то не давал бы поручения. Это ясно.

Вышинский. А вам Торнтон давал поручения?

Олейник. Давал не только Торнтон, но и Нордволл, когда он был в Мотовилихе.

Вышинский. Они все имели в виду интересы не только фирмы, в которой работали. Может быть они прикрывались фирмой?

Олейник. Этого я не знаю.

Вышинский. Вас в это не посвящали?

Олейник. В это я посвящен не был.

Вышинский. Вы были на правах служащего или на правах акционера этой шпионской организации?

Олейник. Скорее на правах служащего.

Вышинский. Значит получи, принеси и сообщи?

Олейник. Да.

Вышинский. Сколько принесете, столько получите материального благополучия, чек на Лондонский банк, фунты и так далее.

Олейник. Так не было, чтобы за отдельные сведения мне давали.

Вышинский. По совокупности?

Олейник. Да.

Вышинский. Как работали, так и получали? Больше вопросов не имею.

Председатель. Перерыв до 6 часов вечера.

П. п.

В. В. Ульрих

Председатель Специального присутствия

Верховного суда СССР

А. Ф. Костюшко

Секретарь.

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 15 апреля 1933 г. 18 час.

Комендант. Прошу встать. Суд идет.

Председатель. Садитесь пожалуйста.

Имеются ли еще вопросы к подсудимому Олейнику у защиты?

Коммодов. Имеются.

Председатель. Подсудимый Олейник.

Коммодов. Гражданин Олейник, из утреннего допроса позвольте считать установленными следующие факты, будьте добры говорить—подтверждаете ли вы их или нет? Первое. Непосредственные сношения с Монкгаузом у вас кончились в 1929 году. Правильно?

Олейник. Нет, неправильно. Инженер Монкгауз был все время главным инженером отделения фирмы «Метро-Виккерс» в Москве. Отношения у меня с ним были.

Коммодов. Я говорю—непосредственные сношения?

Олейник. И непосредственные были.

Коммодов. Тогда как же понять ваш ответ прокуратуре, когда вы сказали, что до 1929 года вы непосредственно сносились с Монкгаузом, а когда был назначен главным монтажным инженером Торнтон, вы стали сноситься с ним?

Олейник. В отношении монтажных работ это так.

Коммодов. Я и спрашиваю о монтажных работах. Значит здесь грань 1929 год?

Олейник. Да.

Коммодов. А до тех пор?

Олейник. Я не помню точно дату, но кажется действительно это было в конце 1929 года, когда Торнтон был назначен монтажным инженером.

Коммодов. До 1929 года был ли хоть один акт вредительства, неприкрытия дефектов оборудования в интересах фирмы, а вредительства как искусственного разрушения, или аварий, которые затем последовали. До 1929 года?

Олейник. По-моему, нет.

Коммодов. Значит таких не было?

Третий вопрос: по конкретным заданиям Монкгауза, вы на предварительном следствии, а по-моему и здесь указали два случая,—собираение сведений, когда вы поехали на Надеждинский завод в 1928 году, и затягивание, если можно так выразиться, сроков испытания турбин до того момента, когда пройдут контрольные сроки на Штергрэсе.

Олейник. Это вернее срыв испытания, чтобы испытание не было

проведено совсем. Если испытание оттянуть и гарантийные сроки пройдут, тогда испытание не нужно... Я так понял?

Коммодов. Чтобы совсем оттянуть испытания, чтобы их не было или только задержать?

Олейник. Раз гарантийные сроки прошли, то заказчики уже не имеют права требовать испытания.

Коммодов. Но испытания могут быть?

Олейник. Они могут быть, но никакой силы не будут иметь.

Коммодов. Последние требования, вы говорите, были изложены в письменной форме?

Олейник. Да.

Коммодов. Вы не помните приблизительно месяц, когда было написано это письмо?

Олейник. Я думаю, это было в августе или сентябре.

Коммодов. Вы на это письмо отвечали Монкгаузу тоже письменно?

Олейник. Отвечал кажется, наверное не могу сказать.

Коммодов. За пределами этих двух конкретных случаев, которые вы показали, других случаев таких заданий вы не припомните?

Олейник. Пока нет.

Коммодов. Теперь мне хотелось бы, чтобы вы просто подтвердили некоторую часть ваших показаний, данных на предварительном следствии. Лист дела 83, том XV. Вам был задан вопрос: «Расскажите подробно, как вы были втянуты в работу по шпионажу». Что вы показываете: «Я в фирме работаю давно. Сначала мне дали задание о собирании сведений о состоянии промышленности в связи с заказами, что было связано с работой фирмы. Это было в 1928 году. Я считал, что в интересах фирмы я обязан был это делать. В 1931 году мне было мистером Торнтоном сказано, что сведения нужно доставлять о состоянии промышленности, транспорта и электроэнергии. А в 1932 году мне было уже совершенно ясно сказано мистером Торнтоном, что нужно подбирать людей для шпионажа и диверсий». Вы подтверждаете эту часть ваших показаний?

Олейник. Да.

Коммодов. Еще одно показание. Лист дела 82, том XV. Вам был задан вопрос: «Какие поручения шпионского диверсионного характера вы получали от Монкгауза». Ваш ответ: «В 1928 году, когда я ехал на Урал, мне было поручено узнать о состоянии завода, на который я ехал,—Надеждинского и вообще о состоянии транспорта и промышленности на Урале. В части диверсий от Монкгауза я заданий не получал». Вы подтверждаете это?

Олейник. Подтверждаю.

Коммодов. Товарищ председатель, у меня к Олейнику вопросов нет. Разрешите мне на основании 272 статьи приобщить два документа, предварительно осмотренных прокуратурой и судом. Я просил бы их посмотреть и, если вы найдете возможным и целесообразным для дела, их приобщить. Причем оговариваюсь, что первый документ, поскольку он является копией с письма,—не заверен, поскольку применение 272 статьи всецело зависит от суда, приобщить или нет.

Долматовский. Когда вы познакомились с Торнтоном?

Олейник. Впервые это было в 1931 году на Мотовилихе.

Долматовский. Вы в это время имели уже указания Торнтона, как вести себя?

Олейник. То есть как вести себя?

Долматовский. Как вы сегодня рассказывали, что нужно совершать диверсионные акты и так далее.

Олейник. Нет, в то время не имел.

Долматовский. А когда вы были вместе с ним в Макеевке, тогда эти указания имели?

Олейник. Тогда уже имел.

Долматовский. От Нордволла имели указания относительно вредительских актов, шпионских действий и прочее?

Олейник. Указаний нет, но вопросы и помощь имел.

Долматовский. Вы у него просили помощи или он у вас?

Олейник. Нет, он у меня.

Долматовский. В чем эти просьбы выражались?

Олейник. Когда он приезжал в Мотовилиху, он, во-первых, задавал мне несколько вопросов по производству завода, а потом, так как я там был долгое время, а он только что приехал, просил познакомиться с местными инженерами, у которых можно было получить эти сведения.

Долматовский. Значит вы от Торнтона не имели указаний?

Олейник. Как не имел?

Долматовский. Вы говорили, что познакомились с ним в Мотовилихе, и сказали, что указаний в это время не имели.

Олейник. Указания я имел. Их было несколько. Сначала были указания о добывании сведений просто производственного характера.

Долматовский. То, что вы считали нужным в интересах фирмы и в чем ничего нелегального не было. По-вашему сведения о производстве, о том, в чем нуждается производство, это уже нелегальные сведения?

Олейник. Смотря, где и когда. Я умею отличать, где они являются легальными и где нелегальными.

Долматовский. Значит Нордволл требовал нелегальных сведений, вы это понимали, и вы их ему давали?

Олейник. Некоторые сведения я ему дал.

Долматовский. Понимая, что это нелегальные сведения?

Олейник. Да, понимая.

Долматовский. Значит в это время были уже нелегальные сведения?

Олейник. Вы не так ставите вопрос.

Председатель. Защитник ставит вопрос так, как находит нужным, а вы отвечайте.

Олейник. Он смешивает два вопроса. Если ставить вопрос о диверсиях, то я еще не получал.

Долматовский. А какие сведения?

Олейник. Задания добыть сведения о производстве военного завода. Это как раз было приблизительно за месяц-полтора до приезда Нордволла в Мотовилиху.

Долматовский. Значит шпионского характера задания вы уже имели?

Олейник. Имел.

Долматовский. А вы сказали, что не имели.

Олейник. Нет, я этого не сказал.

Долматовский. Значит Нордволл во исполнение указаний, которые дал Торнтон, уже ставил известные вопросы в Мотовилихе. Так?

Олейник. Я не знаю, в соответствии ли с указаниями Торнтона— он мне этого не сказал, а самостоятельно задавал вопросы.

Долматовский. Но вы поняли, что это идет из одного источника?

Олейник. Я в этом не был убежден. Я знаю, что он спрашивал, а что это из одного источника идет—я об этом не думал.

Долматовский. А что это совпадало с указаниями Торнтона, вы думали, что это просто совпадение?

Олейник. Я об этом не думал.

Долматовский. А когда вы побывали в Макеевке, вы уже знали, что Нордволл свой человек?

Олейник. Нет, не знал.

Долматовский. Вы когда же узнали, что он свой человек. Он давал вам задания шпионского характера?

Олейник. Да.

Долматовский. Вы знали, что он свой человек?

Олейник. В Макеевке не знал. Я говорил, что насчет Нордволла у меня было предупреждение.

Долматовский. Какое?

Олейник. Я думал, что это просто маскировка, потому что Нордволл производил на меня впечатление очень опытного шпиона. В соответствии с его действиями как в Мотовилихе, так и в Макеевке он производил впечатление очень опытного шпиона.

Долматовский. Тогда я совсем не могу понять вас. Вы имеете задание от Торнтона шпионского характера. Приезжает Нордволл и повторяет конкретные задания шпионского характера.

Олейник. Дает от себя, а не повторяет. Он меня просил ознакомиться его с персоналом, который мог дать ему сведения.

Долматовский. Вы считали его опытным шпионом?

Олейник. Там не считал, а в Макеевке уже считал.

Долматовский. Только что говорили, что не считали, допустим, что считали. Вы были в Макеевке?

Олейник. Да.

Долматовский. Вы были в это время в контрреволюционной организации. Вы имели уже в это время задания Торнтона?

Олейник. Имел.

Долматовский. Вы считали, что Торнтон сам по себе дает задания или что здесь есть целая организация?

Олейник. Я знал об инженере Торнтоне, а также о Монкгаузе, а других я не знал.

Долматовский. Я прошу разрешения напомнить вам, что детально вы знали, каким инженерам какие задания даются. Вы в Макеевке знали, что Нордволл не просто шпион, а чрезвычайно опытный шпион. Вы в это время были в организации, были связаны с Монкгаузом и с другими?

Олейник. С Торнтоном.

Долматовский. Имели задания?

Олейник. Да.

Долматовский. Зачем же надо было опасаться Нордволла?

Олейник. Нет, Нордволла я не опасался.

Долматовский. Чего же вы опасались?

Олейник. Повторяю, я его не опасался, но Торнтон мне говорил, что его нужно опасаться. Если хотите, я могу рассказать очень много.

Долматовский. Значит в Макеевке не связались с ним, потому что не знали, то ли он очень опытный шпион, то ли большевик. Поэтому не связались?

Олейник. Потому что я еще не определил, что собой Нордволл представляет и насколько можно на него полагаться. Какие у него были намерения—я точно не знал.

Долматовский. Что вам сказал Торнтон?

Олейник. Я уже вам объяснил. Кроме того меня смущали указания Торнтонна, что в случае чего Нордволл способен донести, потому что он такой человек, что в случае чего пойдет в учреждение доносить и так далее.

Долматовский. В какое учреждение?

Олейник. Да хотя бы даже в РКИ и так далее.

Долматовский. Вот какой человек.

Олейник. Это буквально. Я думаю, что инженер Торнтон это подтвердит сейчас же.

Долматовский. Теперь скажите вот что. У вас были какие-нибудь недоразумения с Нордволлом в Макеевке? Вы относились к нему враждебно?

Олейник. Враждебно—нет. Он не был мне симпатичен, но враждебно к нему я не относился.

Долматовский. А как относились к вам и к нему тамошние рабочие?

Олейник. По этому поводу я хотел сказать. Он дезорганизовал там работу—вел подпольную работу, подкупал рабочих.

Долматовский. Чем?

Олейник. Деньгами. Подкупал определенно—это я знаю.

Долматовский. От кого вы знаете?

Олейник. От него и своими глазами видел, как расплачивался.

Долматовский. Значит вы были связаны с ним по вашей нелегальной работе?

Олейник. Какой нелегальной работе?

Долматовский. Вы с ним были в одной организации?

Олейник. Никакой организации, я имел дело с Торнтонном.

Долматовский. Значит Торнтон давал вам указания нелегального характера делать диверсии и собирать шпионские сведения.

Олейник. Торнтон предупреждал, чтобы я не спутывался с ним, потому что когда два человека, то можно напутать, а так как Нордволл более опытный, я должен был держаться в стороне, а Нордволл должен был делать все, что нужно.

Долматовский. Поэтому вы его не любили?

Олейник. Не потому.

Долматовский. А почему?

Олейник. Просто потому, что он отталкивающий, даже подлый человек.

Долматовский. Как относились к Нордволлу и как относились к вам в Макеевке?

Олейник. Нордволл все время агитировал на этой почве. Когда я хотел проводить работу, Нордволл восстанавливал рабочих против меня. Прораб, друг Нордволла, вел таки шпионскую работу, его здесь нет, может быть его не нужно называть, доставлял очень много сведений, и эти сведения были очень важные. Это был друг Нордволла, и Нордволл опять-таки с этой целью держался с ним в дружбе и платил ему деньгами. Через этого прораба он действовал, подкупал рабочих, не только подкупал, а и агитировал.

Долматовский. В каком смысле агитировал?

Олейник. Агитировал, чтобы не подчинялись и не исполняли моих распоряжений, задерживали работу. Здесь он говорил об ударной работе. Это называется очковтирательством, потому что работу, которую мы делали 4½ месяца, можно легко сделать за 2 месяца с меньшей затратой труда, с половинной затратой труда. Теперь, если эта работа выполнена, а на Дзержинке отстали, то это значит, что там вредили еще больше, чем на Макеевке.

Долматовский. Ведь это же входило в ваши задания?

Олейник. Нет, не входило.

Долматовский. А что же входило в ваши задания—вести хорошую работу для советской власти на Макеевке?

Олейник. Я молчал и вредил вместе с Нордволлом.

Долматовский. А почему же Нордволл был вам ненавистен?

Олейник. Я не сказал—ненавистен, а сказал несимпатичен.

Долматовский. Почему он несимпатичен?

Олейник. Какие я поступки ни совершал, но подлости никогда не делал.

Долматовский. Теперь совершенно ясно, какая цена вашим показаниям относительно Нордволла.

Олейник. Я могу еще доказать.

Долматовский. Когда последний раз в Новороссийске был Нордволл?

Олейник. Уехал в конце сентября 1932 года.

Долматовский. Вы имели беседу после Новороссийска с Нордволлом?

Олейник. Имел.

Долматовский. И у вас было отношение к нему как к человеку несимпатичному, который может пойти в РКИ пожаловаться?

Олейник. Я тогда еще мало его знал, так как на Мотовилихе он был 10 дней.

Долматовский. Вы задания шпионского характера имели?

Олейник. Задания не успел дать.

Долматовский. Нордволл давал задания в Мотовилихе?

Олейник. Давал.

Долматовский. По Новороссийску давал. Или по своей инициативе собирали сведения?

Олейник. Я не собирал, я рассказывал Нордволлу то, что наблюдал, что видел.

Долматовский. Рассказывал, что спрашивал?

Олейник. Да.

Долматовский. Вы докладывали, что видели, что собирали?

Олейник. Я должен сказать, что инженер Торнтон за 4 месяца в Макеевку приезжал три раза и только один раз заходил на работу, а два раза заходил на квартиру к Нордволлу.

Долматовский. Вы докладывали о том, что собирали сведения в Новороссийске?

Олейник. Я передавал Нордволлу, а Нордволл передавал эти сведения Торнтону.

Долматовский. Вы передавали Нордволлу, а Нордволл Торнтону, а вы сами не могли передать Торнтону?

Олейник. Я его не видел. Нордволл был как раз лицом, для этой цели назначенным в Макеевке.

Кроме того я могу сказать еще кое-что о Нордволле, если так ставите вопрос, и не потому, что я его ненавидел, а потому, что этому есть много доказательств. Нордволл знал Макеевский завод лучше, чем какой-нибудь инженер, работающий на Макеевском заводе. Он знал и его производство и план—это я знаю доподлинно.

Долматовский. Из-за этого он вам несимпатичен?

Олейник. Я не сказал, что из-за этого. Вы не перефразируйте мои слова.

Долматовский. Откуда вам известно, что он знает план?

Олейник. Из разговоров, которые частично велись в моем присутствии.

Долматовский. Между кем разговор?

Олейник. С теми, от которых лично получал сведения.

Долматовский. Значит вы с ним были связаны, раз в вашем присутствии говорилось о таких вещах, о которых не говорится при третьих лицах?

Олейник. Я не устрояю себя от этого, я себя вины не думаю снимать.

Долматовский. Боялись его ли не боялись как человека, который может пойти в РКИ пожаловаться?

Олейник. Я не боялся, что он может пойти в РКИ пожаловаться, я сказал, что об этом предупредил меня инженер Торнтон, но я не боялся и видел, что это просто блеф, маска.

Долматовский. Кто кому был подчинен в Макеевке?

Олейник. Нордволл как электрик был старшим.

Долматовский. Вы были ему подчинены?

Олейник. Как вам сказать—подчинение странное, по моему стажу это странно.

Долматовский. Странно, что вы ему были подчинены, должно было бы быть наоборот.

Олейник. На этой работе—нет.

Долматовский. А вообще на других работах?

Олейник. Да, конечно.

Долматовский. И вы считали себя обиженным?

Олейник. Нет, здесь уже известно, что я турбинщик, а это была механическая работа.

Долматовский. Последний вопрос—к нему в Макеевке лучше относились, чем к вам?

Олейник. Только некоторые лица, но не все.

Долматовский. А вы слышали, что там ему премию дали, в президиум пригласили?

Олейник. Это правильно, но я тоже получил премию.

Долматовский. Таковую же, как он?

Олейник. Он получил 1000 рублей, я 400 рублей, но не всегда получают премию те, кто работает.

Долматовский. Значит вы получили премию правильно или неправильно?

Олейник. Я считаю это пустым вопросом и не желаю отвечать.

Долматовский. Это ваше дело. Но вы мне скажите, Нордволл правильно или неправильно получил премию?

Олейник. Неправильно.

Долматовский. Вы говорили о Грегори. 24 марта мы дали показание и привели данные, касающиеся того, какие инженеры и чем занимались. Между прочим вы поставили в одну группу Кушни, Грегори, какого-то Ноя и Нордволла. Что Грегори контактировал с вами в работе?

Олейник. Если у Нордволла осталось хоть сколько-нибудь порядочности, пусть он выйдет сюда и скажет то, что он говорил о вредительской работе Грегори.

Долматовский. Вам говорил?

Олейник. Да, мне.

Долматовский. Вы конечно об этом можете спросить Нордволла. Я вас спрашиваю—вы Грегори знали?

Олейник. Знал, он приезжал два раза.

Долматовский. Или вы давали показания о Грегори со слов Нордволла?

Олейник. Я знаю Грегори по Макеевке.

Председатель. Виноват, товарищ защитник, Грегори все время слышит свою фамилию, не понимает, в чем дело. Нужно прибегнуть к помощи переводчика.

Долматовский. Пожалуйста. Я задаю вопрос Олейнику—знаете ли он Грегори?

Олейник. Знаю, Грегори приезжал два раза.

(Переводчик переводит.)

Долматовский. Его вредительскую работу вы знаете? Он производил определенные вредительские акты?

Олейник. Вы мне прежде всего скажите, что вы называете вредительской работой.

Председатель. Подсудимый Олейник, вы до перерыва целый час говорили о вредительстве, а теперь спрашиваете, что такое вредительская работа.

Олейник. Защитник говорит так неясно, что мне поневоле приходится просить его, чтобы он сказал конкретно.

Долматовский. Вы ведь прекрасно знаете, что такое вредительская работа.

Олейник. А я прошу вас сказать конкретно.

Председатель. Я считаю целесообразным прекратить допрос Олейника.

Долматовский. Пожалуйста.

Шварц (к суду). Разрешите задать мне несколько вопросов Олейнику.

Торнтон (с места). Я хочу спросить Олейника.

Вышинский. Я хотел бы поддержать ходатайство Торнтона относительно его права задать несколько вопросов Олейнику. Мне кажется, это важно в интересах этого дела. Можно ограничиться только тем, чтобы не было повторений. Я ходатайствую об этом.

Председатель. Олейник так длинно и путанно отвечает на все вопросы, что это только напрасно затягивает судебное следствие.

Брауде. У Торнтона есть к Олейнику несколько вопросов технического порядка.

Председатель. Суд считает излишним продолжать этот допрос.

Подсудимый Монкгауз, расскажите основные моменты вашей биографии.

Монкгауз. Родился в 1887 году в Новой Зеландии. 15 лет приехал в Англию учиться. Кончил Манчестерский университет. Получил диплом инженера-механика и 2-й диплом инженера-электрика. После этого был на заводе «Диккерт и К⁰» до 1911 года. В 1911 году приехал в Москву как монтажный инженер «Диккерт и К⁰». Приехал на оборудование Московского городского трамвая. Работал здесь примерно год. После этого поступил на завод Динамо как заведующий трамвайным и железнодорожным отделом. Работал на заводе Динамо и на другом заводе, связанном с заводом Динамо до марта 1918 года. В это время в военное время я имел дело с другим маленьким заводом, который делал электрические измерительные приборы здесь в Москве.

В марте месяце 1918 года я отправился из Москвы через Сибирь на Владивосток. Оттуда попал в Америку, поступил в канадскую армию. Канадская армия была отправлена в Англию, где я был переброшен в великобританскую армию. Так как знал русский язык, то был назначен переводчиком второй экспедиции в Архагельск.- В сентябре месяце 1918 года приехал в Архангельск и сразу на следующий день был отправлен на станцию Высокие Горки, в 12 верстах от Архангельска. Был там переводчиком при паровозном депо. Имел чин унтер-офицера.

В феврале месяце 1919 года офицер, который, командовал депо (был начальником тяги на Северной железной дороге), был откомандирован обратно в Англию. Поэтому меня назначили офицером и дали мне ранг капитана.

Председатель. Сразу из унтер-офицера вас произвели в капитаны?

Монкгауз. Был произведен из унтер-офицера в капитаны через две недели.

Председатель. Прибыли унтер-офицером?

Монкгауз. Да.

Председатель. Через две недели стали капитаном?

Монкгауз. Прибыл в сентябре месяце. В феврале месяце был дан офицерский чин. И через две недели был назначен капитаном. Сделали это потому, что начальник тяги—это должность капитанская.

Оставался в Архангельске до последнего момента, пока была там британская армия. После этого поступил на завод «Метро-Виккерс».

Председатель. Один вопрос в связи с вашим пребыванием в Архангельске. Каковы были ваши функции?

Монкгауз. Мои функции в Архангельске были—организация и оборудование паровозных депо и железнодорожный монтаж.

Председатель. Вы служили в железнодорожных войсках?

Монкгауз. Да.

Председатель. Сколько было в вашем подчинении солдат?

Монкгауз. Около 86 человек англичан и около 800 русских, включая все железнодорожные бригады и тех, кто ездил на паровозах и рабочих депо. Но кроме того был начальник тяги русский, так что мы работали параллельно и было двойное командование.

Председатель. Русские это кто—железнодорожные служащие или солдаты?

Монкгауз. Железнодорожные служащие.

Председатель. Они были военизированы?

Монкгауз. Да, можно сказать почти военизированы.

Председатель. А кому вы подчинялись непосредственно?

Монкгауз. Я подчинялся полковнику Грем, который все время сидел в Архангельске при Главном штабе. Он был помощником директора железных дорог.

Председатель. Сколько времени вы пробыли в этом районе?

Монкгауз. Я был в этом районе почти 12 месяцев.

Председатель. Следовательно целый год?

Монкгауз. Да. Я прибыл 2 сентября, а уехал из Архангельска 23 сентября и из Мурманска 11 октября. Выходит 13 месяцев, немного больше.

Председатель. Вы уехали из Архангельска одним из последних?

Монкгауз. Почти последним. Это было по приказанию главнокомандующего. Он хотел, чтобы я сам был на последнем поезде и убедился, что все в порядке.

Председатель. А генерал Миллер где был?

Монкгауз. В Архангельске, но я его не видел.

Председатель. Когда он уехал?

Монкгауз. Я не знаю, когда он уехал.

Председатель. Ваш школьный товарищ—Ричардс встречался с вами?

Монкгауз. Я ездил в Архангельск один раз в месяц и почти каждый раз видел Ричардса, потому что он был при Главном штабе. Там было офицерское собрание, я там завтракал и встречался с ним. Он был мой хороший знакомый, поэтому я почти всегда его видел.

Председатель. Он был офицером разведки?

Монкгауз. Контрразведки или разведки—я не знаю.

Председатель. Как вы не знаете. Это же разница—разведка или контрразведка.

Монкгауз. По моему контрразведки.

Председатель. Разведка ищет сведений, а контрразведка ищет разведчиков. Кого Ричардс искал—сведений или русских разведчиков?

Монкгауз. Мне кажется он то и другое делал. Я не знаю Ричардс лично это делал или нет.

Председатель. Ну конечно не лично. В каком он был чине?

Монкгауз. Капитана.

Председатель. Значит вы были в одинаковых чинах?

Монкгауз. Да.

Председатель. Вам не приходилось помогать ему в его работе?

Монкгауз. Нет.

Председатель. Только железнодорожным делом занимались?

Монкгауз. Да.

Председатель. Итак встречались часто?

Монкгауз. Я всегда был в офицерском собрании при Главном штабе и там его встречал.

Председатель. Вы вместе с ним уехали, или он раньше?

Монкгауз. Он уехал на несколько дней раньше, кажется на один день. Он уехал на пароходе с Главным штабом, а я на товарном пароходе.

Председатель. Что же вы дальше делали. Вы ушли из армии? Были демобилизованы?

Монкгауз. Да. Я поступил на завод «Метро-Виккерс» в Манчестере и через несколько месяцев был назначен помощником заведывающего отделом научного исследования и я на этой работе работал до конца 1923 года. В конце 1923 года в Манчестер приехала комиссия из Москвы по покупке оборудования для Штеровской и Шатурской станций. Они просили показать им завод. После этого попросили меня приехать сюда смонтировать это оборудование. Я сначала не хотел этого делать, потому что было интересное дело, но после разговора, который я имел на вокзале с Винтером, который был в этой комиссии, я решил приехать и приехал в первый раз в феврале 1924 года. Был здесь только месяц, потом был 3 месяца на заводе, где следил за отправкой оборудования на Читинскую и Штеровскую станции. Затем окончательно приехал сюда в августе 1924 года и жил на Шатуре. Я был на Шатуре в течение 14 месяцев и после этого отправился на Волховстрой для монтажа подстанции в Ленинграде. В Ленинграде я жил до 1929 года. Потом, когда образовался Электроимпорт и наша фирма была приглашена для образования при Электроимпорте технического бюро для выяснения всяких технических вопросов в связи с запросами и заказами, я приехал сюда в Москву жить.

Председатель. В каком году?

Монкгауз. Это был 1929 год, и с этого времени я живу почти все время в Москве, но 3 раза в год я езжу в Англию в правление.

Председатель. Сколько всего лет вы провели в СССР?

Монкгауз. Вообще 17 лет.

Председатель. А в СССР, после Архангельской истории?

Монкгауз. Я приехал сюда в 1924 году—9 лет.

Вышинский. Так как мы уже целый ряд вопросов исчерпали в процессе всего судебного следствия, то я хотел бы заявить суду, что мы ограничимся некоторыми добавочными вопросами, чтобы не повторять уже пройденного.

Подсудимый Монкгауз, меня интересует несколько вопросов, чтобы установить ясность в плоскости обвинений к вам предъявленных.

Первый вопрос. Сведения вы собирали или получали от разного рода лиц, связанных с вами служебными и прочими отношениями?

Монкгауз. Сведения я получал, может быть вернее было бы сказать, не сведения, а впечатления.

Вышинский. Вы получали информации, может быть это назвать информациями?

Монкгауз. Информации. Это мне конечно нужно было, потому что я каждый раз, когда приезжаю в Лондон, я докладываю своему правлению...

Вышинский. Разные вопросы, связанные с вашей работой?

Монкгауз. Разные вопросы, связанные с нашей работой, и наше правление всегда просит доложить, в каком положении находится страна.

Вышинский. Можно считать установленным, что все ваши показания, где вы подтверждаете о получении разного рода информации, вы сейчас подтверждаете именно в тех пределах, в которых вы сейчас говорите?

Монкгауз. Именно в тех пределах как я говорю, то есть я получал ту информацию, которая может быть полезна для нашего правления, когда оно должно решать вопрос, подождать давать сюда кредит или нет.

Вышинский. Значит ту информацию, которую вы считали полезной и необходимой для вас вы получали?

Монкгауз. Правильно.

Вышинский. Эту информацию от кого вы получали, в частности получали ли ее от Торнтон?

Монкгауз. Когда Торнтон приезжал из своих поездок, он всегда докладывал, что он видел и от этого я получал впечатления, которые оставались в голове.

Вышинский. Но главным образом вы от кого получали?

Монкгауз. Это очень трудно сказать. Я читаю все русские газеты каждый день, все технические газеты.

Вышинский. А кроме газетных сведений?

Монкгауз. Я знал многих руководителей...

Вышинский. Словом использовали все возможности для получения информации?

Монкгауз. Конечно это было мое дело.

Вышинский. Конечно ваше дело использовать все информации, всякие встречи, разговоры и так далее.

Монкгауз. Использовать только в том смысле, в котором я говорил, чтобы вести наше дело здесь.

Вышинский. Ясно, что вести дело здесь. В числе ваших осведомителей, ваших источников получения сведений находился Торнтон?

Монкгауз. Конечно Торнтон находился, потому что я его видел каждый день.

Вышинский. Вы на предварительном следствии показывали, что эти сведения вам доставлял Торнтон и Кушни, которые часто ездили по строительствам?

Монкгауз. Правильно.

Вышинский. Вы только отрицаете их шпионский характер?

Монкгауз. Я отрицаю шпионский характер этих информации.

Вышинский. Вы это отрицаете кроме некоторых показаний, к ко-

торым мы вернемся. Эти сведения вы получали разными путями, из разных источников, главным образом от Торнтона и Кушни?

Монкгауз. Трудно сказать, что главным образом, но из англичан главным образом.

Вышинский. Это я и хотел установить. Относительно Долговской истории говорить не будем.

Монкгауз. Я уже говорил, что ему негде взять деньги, деньги дали взаимообразно и когда Долгов деньги не платил обратно я участвовал в списании этих денег.

Вышинский. Вы это признаете?

Монкгауз. Признаюсь только в списании—это моя ошибка, когда я участвовал в списании.

Вышинский. Вы признаете себя в этой части виновным?

Монкгауз. Признаю, что сделал ошибку.

Вышинский. Вы сначала говорили относительно подарка, а потом хотели взять обратно.

Монкгауз. Так как он деньги не платил, то пришлось списать.

Вышинский. Значит он сам себе подарил деньги?

Монкгауз. Если хотите, то считайте так. Я считал, что он человек хороший.

Вышинский. Третий вопрос: в том оборудовании, которое поставляла ваша фирма имелись дефекты?

Монкгауз. Имелись дефекты.

Вышинский. Может быть назовете, какие дефекты, где, в каких случаях. Скажем Орехово-Зуево.

Монкгауз. В Орехово-Зуево были дефекты.

Вышинский. С турбиной, вернее у турбины?

Монкгауз. У турбины были дефекты.

Вышинский. Что же они были удачны или неудачны в конструкции или по монтажу?

Монкгауз. На предварительном следствии я говорил, что турбины в Орехово-Зуево были неудачны по выбору.

Вышинский. И по исполнению?

Монкгауз. И по исполнению.

Вышинский. Значит, то что говорили на предварительном следствии в этом отношении вы подтверждаете?

Монкгауз. Подтверждаю.

Вышинский. Возьмем МОГЭС в частности 1-ю ГРЭС. Здесь что?

Монкгауз. Там тоже были дефекты.

Вышинский. Серьезные?

Монкгауз. Довольно серьезные с лопатками.

Вышинский. Вследствие этих дефектов были аварии?

Монкгауз. Были аварии.

Вышинский. Серьезные?

Монкгауз. По-моему не очень серьезные. Я не знаю, что вы называете серьезными. Я считаю серьезной аварией тогда, когда турбина вылетает через крышу (в зале шум).

Вышинский. А если через крышу не вылетела, а пришла в негодность, это не серьезная авария. Наши понятия о несерьезности несколько различны.

Монкгауз. Когда надо остановить турбину на 2—3 дня и исправить лопатки это не очень серьезная авария.

Вышинский. Я не говорю, что это очень серьезная, но между двумя днями остановки и между тем, чтобы турбина выскочила через крышу—разница большая.

Монкгауз. Конечно для репутации фирмы это серьезно, но вообще авария не серьезная.

Вышинский. Фирму вашу мы не судим, а говорим здесь с вами, поэтому меня репутация вашей фирмы мало интересует, а меня интересуют ваши действия.

Монкгауз. Я говорил на предварительном следствии, если вы рассматриваете эту турбину, которая работает на 1-й ГРЭС, вам нужно сопоставить количество киловатт часов, которое турбина работает и количество киловатт часов, которое стоит. Получится совсем не плохо.

Вышинский. Не совсем плохо.

Монкгауз. Совершенно не плохо.

Вышинский. А совсем хорошо, можно сказать?

Монкгауз. Можно сказать, имея в виду, что эта турбина была заказана пиковой машиной, которая должна работать 2000 часов в год.

Вышинский. А может быть нужно иметь в виду то, что была заказана для нашей страны и что для нас это хорошо.

Монкгауз. Мы так вообще не делаем.

Вышинский. Ну и то хорошо. На 1-й ГРЭС имеются дефекты, которые вы считаете достаточно серьезными, хотя и не очень.

Монкгауз. Неприятными. Не очень серьезными, но неприятными.

Вышинский. В Зугрэс дефекты были?

Монкгауз. Я говорил об этом на предварительном следствии—там были дефекты.

Вышинский. С диафрагмой.

Монкгауз. Да, и мы послали новую диафрагму, это дело ликвидировали.

Вышинский. Дальше—в Баку?

Монкгауз. В Баку имелись дефекты с лопатками.

Вышинский. Опять лопатки. Ивгрэс?

Монкгауз. Дефекты, которые были в Баку, распространялись на Ивгрэс и на Челябгрэс. Это все дефекты с лопатками.

Вышинский. В результате этого турбины вылетали через крышу?

Монкгауз. Нет.

Вышинский. Но ломались?

Монкгауз. Нет, мы останавливали турбины во-время.

Вышинский. Но простои были.

Монкгауз. Небольшие простои. Мы исправляли все дефекты или во время годового ремонта, или во время другой остановки турбины.

Вышинский. А что было еще кроме этих дефектов с отдельными частями. Как с регулированием обстояло дело?

Монкгауз. Здесь тоже были...

Вышинский. Дефекты.

Монкгауз. Не дефекты, а недоразумения, но мы тоже это сейчас же исправляли.

Вышинский. Вы на предварительном следствии говорили решительнее. Вы говорили прямо, что здесь имелись дефекты.

Монкгауз. Дефекты в регулировании.

Вышинский. Вы говорили: «в Баку, на Ивгрэсе, на Челябгрэсе, на Зугрэсе были обнаружены дефекты регулирования». Правильно это?

Монкгауз. Правильно.

Вышинский. Вы это подтверждаете?

Монкгауз. Подтверждаю, но все эти дефекты были устранены.

Вышинский. «На Челябгрэсе, на Зугрэсе, на машинах в 11 000 вольт был обнаружен случай вытекания лака из лобовой обмотки.

Монкгауз. Это было, но я участвовал в комиссии, которая туда ездила и решила, что нет никакой опасности.

Вышинский. Я не говорю об опасности, но такие случаи были?

Монкгауз. Были.

Вышинский. Вы подтверждаете, что на целом ряде станций—Ивгрэс, Зугрэс, Челябгрэс, 1-я Мгрэс имел место ряд дефектов и в отношении регулирования, и в отношении турбин, и в отношении диафрагм.

Монкгауз. Правильно, но я должен сказать, что все эти дефекты мы исправляли и исправляли быстро. Это все дефекты, которые зависели либо от материала, либо от конструкции, но не от монтажа.

Вышинский. Словом это были дефекты, в одних случаях более значительные, в других менее значительные. Так или нет?

Монкгауз. Можно так считать, если хотите.

Вышинский. В результате этих дефектов бывали аварии, простой машин?

Монкгауз. Простой были.

Вышинский. А аварии были?

Монкгауз. Больших аварий не было.

Вышинский. Я не говорю—большие. Будьте любезны, если это вас не затруднит, ответить на поставленный мной вопрос: были аварии?

Монкгауз. Что такое аварии?

Вышинский. Это расстройство работы.

Монкгауз. Если турбина останавливается на одни или двое суток—это авария?

Вышинский. Я считаю, что это авария, а вы как считаете?

Монкгауз. Если на год останавливается машина—это авария, но на одни, двое суток... Я плохо знаю русский язык.

Вышинский. Вы знаете русский язык так же, как и я его знаю.

Монкгауз. Очень рад, если это так. Небольшие аварии были.

Вышинский. И простой были. Правда?

Монкгауз. Простой небольшие были. Но в Орехово-Зуеве был действительно длительный простой.

Вышинский. Теперь мы подошли к Орехово-Зуеву, где был простой большой.

Монкгауз. Но в большом простое виноват не «Метро-Виккерс» и не мы.

Вышинский. Я еще раз говорю, что я «Метро-Виккерс» не обвиняю здесь. Я обвиняю здесь Монкгауза.

Монкгауз. Ну я совсем не отвечаю за это.

Вышинский. Посмотрим. В результате выяснится, кто отвечает.

Итак, мы устанавливаем, что в Орехово-Зуеве простой был значительный. Правда?

Монкгауз. Да значительный.

Вышинский. А в Челябинске в результате недостатка с диафрагмой был даже несчастный случай.

Монкгауз. Какой несчастный случай там был?

Вышинский. Я спрашиваю, не было ли несчастного случая?

Монкгауз. Что значит несчастный случай?

Вышинский. Кому-нибудь причинило повреждение.

Монкгауз. Человеку?

Вышинский. Наверное. Может быть зданию.

Монкгауз. Нет. В Челябинске одна диафрагма касалась рабочего колеса. Мы остановили машину.

Вышинский. И предотвратили.

Монкгауз. Да. Так что очень серьезной аварии не было.

Вышинский. Очень серьезной не было. Но все-таки авария была?

Монкгауз. Да, но несчастного случая не было.

Вышинский. На предварительном следствии вы показывали: «в Орехово-Зуеве машины не дали гарантированной мощности и нуждались в перемене лопаток. На Челябинске был несчастный случай вследствие изменения диафрагмы».

Монкгауз. Я извиняюсь, я плохо говорю по-русски. Несчастный случай—это авария.

Вышинский. Вы имели в виду аварию?

Монкгауз. Да.

Вышинский. Мы исправим так, что была авария. Очень хорошо. Дальше теперь. Как вы отнесетесь к такому показанию: «В СССР было поставлено пять турбин с номинальной мощностью от 46 000 до 80 000 киловатт, в то время, как они такую нагрузку выдержать не могли».

Монкгауз. Я не помню. Я сказал—пять турбин—46 000 киловатт.

Вышинский. Различной мощности от 46 000 до 80 000 киловатт. были поставлены, но не могли такую нагрузку выдержать?

Монкгауз. Я говорил, что на Зуевке было три турбины. А здесь на другом месте—две турбины, где нам нужно было переделать диафрагмы, чтобы дать полную нагрузку.

Вышинский. Значит вследствие неправильности диафрагмы турбины не могли дать полную нагрузку?

Монкгауз. Но на самом деле они работают.

Вышинский. Если работают, то могут дать нагрузку?

Монкгауз. Да могут.

Вышинский. А вы говорили, что не могут.

Монкгауз. Мы просили станцию по возможности не загружать полной нагрузкой турбины пока не сменим диафрагму. Это мера предосторожности.

Вышинский. Правильно. Следовательно можно сказать, что недостаток, дефект в диафрагмах был такой, что из-за предосторожности нельзя было турбины загружать полной нагрузкой.

Монкгауз. Были два раза такие случаи.

Вышинский. Это в отношении целых трех турбин, даже пяти.

Монкгауз. Кажется четыре турбины.

Вышинский. Это тоже по-моему серьезный недостаток.

Монкгауз. Когда станция не нагружена на полную нагрузку—это не беда.

Вышинский. Конечно, смотря с какой точки зрения. Когда беда—когда не беда. Но каждая турбина должна быть способна работать полной нагрузкой. Правильно.

Монкгауз. Конечно.

Вышинский. А раз они не могли работать полной нагрузкой, то следовательно это уже дефект.

Монкгауз. Это уже дефект—ясно.

Вышинский. Так вот, например я хотел бы вот что спросить. На целом ряде станций имеется ряд турбин, отдельных агрегатов с определенными дефектами—верно?

Монкгауз. Есть.

Вышинский. Если бы явились люди, которые почему-нибудь пожелали бы эти дефекты скрыть, то они следовательно могли бы это сделать? Есть что скрыть?

Монкгауз. Я думаю, что нет. Дефекты с лопатками скрыть нельзя.

Вышинский. Ну возьмем диафрагмы, регулирование.

Монкгауз. Тоже нельзя. Дефекты с лопатками и с диафрагмами нельзя скрыть.

Вышинский. Дефекты с лопатками могут привести к аварии. Я знаю, что лопатка ненадежна, мне нужно было бы остановить турбину или не пускать в ход, а я правил не зная, что она ненадежна, все-таки пускаю ее в работу и получаю аварию. Какой-нибудь злой умысел может действовать?

Монкгауз. Конечно, если лопатки были в таком серьезном состоянии, но у нас не было таких случаев.

Вышинский. Как у вас не было? Мы видим, что за некоторый срок у вас произошло целых 20 аварий и все с лопатками.

Монкгауз. Да.

Вышинский. Следовательно, если дефекты были, то происходили аварии.

Монкгауз. Дефекты были, но были наши монтеры, мы посылали лопатки в срочном порядке на завод и исправляли. Например, когда мы нашли дефекты с диафрагмой в Челябинске, то мы сменили сначала все диафрагмы на остальных турбинах.

Вышинский. Значит можно констатировать, что были дефекты, в результате этих дефектов были аварии, в результате этих аварий были простои?

Монкгауз. Да были. Но когда вы эти простои обсуждаете, вам надо иметь в виду отношение ко всей работе, количество киловатт.

Вышинский. Это правильно, но я интересуюсь установлением фактов, которых вы не отрицаете и спрашиваю, если бы нашлись люди, которые пожелали бы воспользоваться дефектами, для того чтобы не предотвратить аварию, а умолчать об этих дефектах, вызвать аварию, то обстановка была подходящая?

Монкгауз. Люди не могут быть такими.

Вышинский. Ну это уже другое дело.

Монкгауз. А если бы даже они хотели это сделать, они не могут,

потому что все дефекты, которые имелись на турбинах, мы о них сразу сообщаем в Электроимпорт.

Вышинский. Но аварии были с лопатками, а почему не предупредились?

Монкгауз. Этого нельзя.

Вышинский. Можно было бы например прошить бандажом?

Монкгауз. Пусть уже это техническая комиссия обсуждает.

Вышинский. Ваша фирма это делала проволокой?

Монкгауз. Да, пыталась.

Вышинский. А вы говорите нельзя. Значит можно?

Монкгауз. Можно, но как только мы узнавали, что здесь слабость, мы сообщали.

Вышинский. Другое дело, что ничего не выходит, но такие попытки были.

Монкгауз. Это не попытки, а это делается.

Вышинский. Но тем не менее это не дает результатов на 1-й ГЭС.

Монкгауз. По Московской ГЭС эти меры недостаточны и мы сейчас обсуждаем вопрос о том, что дальше надо сделать.

Вышинский. Это значит правильно?

Монкгауз. В этом случае правильно.

Вышинский. Таким образом можно констатировать ряд дефектов, ряд аварий, ряд простоев.

Монкгауз. Это несправедливо так делать.

Вышинский. Вы так говорите.

Монкгауз. Это дефекты МОГЭС.

Вышинский. В Зуевке была авария. О справедливости понятие у нас различное, вы будьте добры говорить о фактах. Мы с вами перечислили сейчас. В Орехово-Зуеве была авария?

Монкгауз. Была.

Вышинский. Вследствие дефектов?

Монкгауз. Нет. Первая не вследствие дефектов.

Вышинский. Вторая.

Монкгауз. Первая вследствие перекачивания котла, вторая—причина неизвестна. Говорят, что тоже перекачивали котел. В Орехово-Зуеве совершенно другое дело. Там приходится переделывать турбину.

Вышинский. Вы в течение 15 минут отвечаете на ряд вопросов. Все то, что вы делали, а я только повторяю ваши ответы и спрашиваю вас: подтверждаете ли вы—вы подтверждаете, а когда дело доходит до последнего вывода, вы говорите, что это не так. Так вот выслушайте меня еще раз, чтобы не было бесполезных споров и скажите либо, что я ошибаюсь, либо подтверждаете, что я говорю.

Следующий вопрос. В целом ряде вашего оборудования—турбины, диафрагмы и прочее были дефекты или не были?

Монкгауз. Были.

Вышинский. Вторым вопросом: в связи с этими дефектами на целом ряде станций—Ивгрэс, Челябингрэс, Зуевка, 1-й МГЭС были простои, вывод на некоторое время машин из строя был?

Монкгауз. Был.

Вышинский. Третий вопрос. Я спрашиваю вас: могут ли люди, желающие воспользоваться этими дефектами, действовать так, чтобы

эти дефекты во-время не вскрывать, а наоборот во-время замазывать. Могло быть так или не могло быть?

Монкгауз. По-моему очень трудно.

Вышинский. Но не исключена возможность?

Монкгауз. По-моему почти невозможно.

Вышинский. Но все-таки возможно, если почти.

Монкгауз. Если бы человек знал...

Вышинский. Здесь вы даете иной ответ, чем тот, который можно дать по всем правилам логики. Вот вы оценивая дефекты ряда машин, оборудования, в одном месте вашего показания сказали следующее: «Если бы я был...»

Монкгауз. Подождите. Я от этого показания отказался.

Вышинский. Я этого не слышал.

Монкгауз. Я вам говорил, когда я был у вас в прокуратуре.

Вышинский. Этого я не помню.

Монкгауз. Вы сами согласились. Я сказал, что дал показание, после 18-часового допроса, я очень устал.

Вышинский. Мы посмотрим, во-первых, что вы сказали, во-вторых, почему?

Монкгауз. Вы согласились это показание уничтожить.

Вышинский. Я не имею возможности выступить здесь в качестве свидетеля по вашему делу, поэтому я не могу говорить о том, что вы мне когда-то говорили.

Монкгауз. Я говорил, что это показание было дано после 18-часового допроса.

Председатель. О каком показании идет речь?

Вышинский. О показании от 13 марта.

Монкгауз. Это речь идет об Ореховской турбине?

Вышинский. Нет, о сотруднике Наркомтяжпрома. Так как гражданин заявил, что 18-часовой допрос был, я говорю, что я не имею права выступить в качестве свидетеля по его делу, но должен решительно опровергнуть эту ссылку его на меня, как на свидетеля. Вы здесь говорили, если бы я был сотрудником Наркомтяжпрома, я не купил бы этих машин.

Монкгауз. Я это говорил про рыковскую машину.

Вышинский. Причем же здесь то, что вас допрашивали 18 часов, что вас вынудили и так далее.

Монкгауз. Но я говорил о другой вещи...

Вышинский. Я говорю не о другой вещи, а о том, что здесь это не при чем.

Председатель. Подсудимый Монкгауз, сколько вы находились часов в заключении в Москве?

Монкгауз. Только 2 суток.

Председатель. И уже в панике?

Монкгауз. Достаточно при таких способах допроса.

Вышинский. Значит таким образом, вы на месте сотрудника Наркомтяжпрома эти машины не взяли бы?

Монкгауз. Не взял бы.

Вышинский. А кто эти машины присылал?

Монкгауз. Наша фирма.

Вышинский. Так что ваша фирма продавала...

Монкгауз. Не наши выбирали машины.

Вышинский. Значит выбирали наши, а ваши сплавляли?

Монкгауз. Мы сделали все, что возможно.

Вышинский. Вы сделали все, что возможно, чтобы наши не взяли, а наши все-таки тянули.

Монкгауз. Мы сделали все, чтобы удовлетворить клиентов машинами.

Вышинский. От которых вы сами, как представитель фирмы, отказываетесь.

Монкгауз. Мы делали все, чтобы удовлетворить требования клиентов, посылали машины, на которые давали гарантию и эти машины мы будем переделывать.

Вышинский. То, что вы будете делать—это одно дело, а что сделали—это другое. Как это не неприятный факт, но с ним считаться нужно.

Монкгауз. Всякая фирма, которая берется за это дело может на это рассчитывать.

Вышинский. Мне теперь ясно, что были такие машины, которые вы продавали, но вы их бы не купили.

Монкгауз. Это мое личное мнение.

Вышинский. Правильно, ваше мнение, а не мое. Я хочу, чтобы вы на гласном суде еще раз подтвердили—правильно это или неправильно?

Монкгауз. Я бы лично не купил эти машины, не выбрал бы.

Вышинский. Почему?

Монкгауз. Это длинный технический разговор.

Председатель. Потому что они хорошие или плохие?

Монкгауз. Это новая система.

Вышинский. Но и новая система может быть хорошей или вы враг нового?

У меня вопросов нет.

Председатель. У защиты есть вопросы?

Коммодов. Что машины бывают с дефектами это мы знаем. На вас как на представителе фирмы лежала обязанность исправлять эти дефекты?

Монкгауз. Да.

Коммодов. Когда вам докладывали об этих дефектах, вы должны были их исправлять?

Монкгауз. Конечно.

Коммодов. Считали ли вы себя обязанным каждый раз, когда обнаруживались там дефекты, посылать своих людей и исправлять?

Монкгауз. Да, это мы сразу делали.

Коммодов. На вас, как на представителя фирмы «Метро-Виккерс» в Москве ложится эта обязанность?

Монкгауз. Ложится и на меня и на монтажника.

Коммодов. На вас главным образом?

Монкгауз. Да.

Коммодов. Таким образом можно прийти к такому выводу: дефекты были, вы не отрицаете, но когда о них доводили до вашего сведения, вы тогда старались их исправить?

Монкгауз. Я могу рассказать такой случай: когда в первый раз была авария на Орехово-Зуевской станции, мы знали, что МОГЭС находится в трудном положении в смысле загруженности машин и чтобы скорей исправить все, чтобы МОГЭС могла иметь энергию, мы взяли свой грузовичок, съездили в Орехово-Зуево и отправились по шоссе в Ленинград. За 2½ дня это было сделано на металлургическом заводе в Ленинграде, так что мы за свой счет все это исправили и помогли.

Коммодов. Негодный или с дефектом мотор или турбину всегда ли нужно признать негодной только потому, что она плохо сконструирована или потому, что эта система в данном случае, допустим, для данной станции не подходит.

Монкгауз. Я затрудняюсь объяснить. Я считаю, что эта машина неудачна по выбору.

Коммодов. По системе?

Монкгауз. Это сложная система.

Коммодов. У меня больше вопросов нет.

Лидов. Вы здесь сказали, что в некоторых из ваших турбин были недостатки в смысле их конструирования в виде неправильно устроенных лопаточек, которые ломались. Скажите, это зависело от самого фабричного производства или от неправильной приемки, сборки или монтажа на месте?

Монкгауз. Это зависело от выбора материала и от конструкции на фабрике.

Лидов. Значит материал был не совсем такого качества, который нужен был для этих лопаточек?

Монкгауз. Материал был хорошего качества, но этот вопрос — вибрации турбины — очень сложный вопрос. Это так называемая усталость металла.

Лидов. Преждевременная изнашиваемость металла?

Монкгауз. Это называется усталостью металла.

Лидов. Это от вас, как не собирайте, не зависит, так было сделано на месте в Англии.

Монкгауз. Да.

Лидов. Почему же вы не писали в Англию о том, что турбина такого-то типа обнаруживает усталость металла и благодаря этому ломаются лопатки?

Монкгауз. Мы телеграфировали в Англию, наши эксперты приезжали сюда и имели совещание на металлургическом заводе в Ленинграде и здесь в МОГЭС. Сразу на месте сделали полное обследование дефектов. Это сразу было сделано.

Лидов. Значит после первого случая написали в Лондон?

Монкгауз. Мы не писали, а телеграфировали в Лондон.

Лидов. Оттуда приехали специалисты и у вас был целый ряд заседаний, комиссий и обследований, которые по этому поводу имели суждение. К каким выводам в результате пришли эти комиссии?

Монкгауз. В МОГЭС мы пришли к заключению, что достаточно было бы сделать постоянный провод.

Лидов. Это то, что говорил прокурор?

Монкгауз. Это самое.

Лидов. Это оказалось недостаточным?

Монкгауз. Мы сомневаемся, этот вопрос еще обсуждается.

Лидов. Значит это настолько сложная вещь, что сейчас не знаете, каким путем сделать.

Монкгауз. Это очень сложно.

Либсон. Скажите пожалуйста, вы на Волховстрое долго работали?

Монкгауз. На самом Волховстрое я не работал, но я работал на Ленинградской подстанции.

Либсон. Сколько времени?

Монкгауз. Почти год.

Либсон. Одновременно с Кутузовой?

Монкгауз. Она была секретарем технического директора Волховстроя.

Либсон. Вы там с ней познакомились?

Монкгауз. Да.

Либсон. Когда позже Кутузова поступила к вам работать, то вы приняли ее потому, что знали по Волховстрою?

Монкгауз. Когда был ликвидирован Волховстрой, большинство служащих Волховстроя перешло в Электротягу, но не все. Кутузова осталась без места. В это время моя секретарша вышла замуж за одного из наших инженеров и на ее место я пригласил Кутузову.

Либсон. И она была вашим секретарем?

Монкгауз. Да.

Дмитриев. Подсудимый Монкгауз, вы сказали, что вибрация лопаток происходит от усталости металла?

Монкгауз. Нет, я этого не говорил. Я плохо говорю по-русски и быть может вы меня не поняли. Я сказал, что этот вопрос связан с усталостью металла: когда бывает вибрация лопаток, то, если она очень сильная, получается усталость металла.

Председатель. Имеются ли еще у кого-нибудь вопросы к Монкгаузу. Таковых нет. (К Монкгаузу.) Садитесь пожалуйста.

У нас остались еще не допрошенными двое подсудимых — Кутузова и Грегори. Кого мы будем допрашивать в первую очередь?

Вышинский. Просьба допросить Кутузову.

Защита. Мы также присоединяемся к этой просьбе.

Председатель. Объявляется перерыв на 20 минут.

* * *

Комендант. Прошу встать. Суд идет.

Председатель. Садитесь пожалуйста.

Подсудимая Кутузова, займите ваше место.

Укажите основные моменты вашей биографии. Более подробно расскажите как вы поступили в контору «Метро-Виккерс» и какие выполняли обязанности?

Кутузова. Я родилась в Ленинграде в 1895 году в семье ремесленника. Я окончила Демидовскую женскую гимназию с золотой медалью и там же прослушала 8-й общеобразовательный курс и изучила стенографию. Жила там в интернате. Сразу со школьной скамьи я начала работать около 17 лет.

Макдональд: показания 17
Макдональда от 19 марта 1933 г.

It is declared to me that the accusations made against me and initiated by the United States Political Administration are being handed over to the office of the Prosecutor. Tests were given by me in the O.G.P.D. which have been shown to me during this investigation in which I confessed my guilt in the following

1. That I carried out economic, political and military espionage whilst working in the electric power stations in the capacity of an location engineer of the electrical firm Metropolitan-Vickers

2. That I gave direct instructions for the damaging of machinery and equipment at certain plants and establishments of the U.S.S.R. particularly in plants which have military defence significance (Zlatoust)

3. That I gave direct instructions for the organisation of breakdowns in certain plants and establishments of the U.S.S.R. (Zlatoust and Jazyves)

4. That for the organisation of spying work and for organisation of damaging and taking out of service of machinery and also for organising and carrying out of breakdowns I involved certain engineers and technicians who were working at different plants and establishments and whose names I have given in my testimonials

5. That to these persons mentioned by me I have paid money for spying work, damaging of machinery and organisation of breakdowns

6. That all these crimes against the U.S.S.R. I carried out not only in conjunction with Russians

Факсимиле собственноручного показания Макдональда на английском языке (от 19 марта 1933 г.), в котором он целиком признает свою вину в шпионаже, вредительстве и даче взяток.

ing engineers and technicians involved by me but also in conjunction with other employees of the Metropolitan Vickers Company and whose names were given by me in previous testimonies, especially with Mr Thornton supposing the participation in these activities of Messrs Monkhouse, Cushman and Wood.

All these crimes I fully confirm. All these testimonies have been given by me of my own will without any outside influence or pressure. All testimonies given by me were given in the English language and written by myself. The protocol of interrogations in the prison of Gaoer and myself during which I confirmed all my spying activities work in organization of damaging of machinery and paying money to Russian engineers and technicians involved by me, was translated in English. It has been read by me and confirmed as wholly correct.

I deem it necessary to request to put on record of this interrogation that all discussions and instructions on espionage and organization of breakdowns and damaging of machinery I received from Mr Thornton. I deem it necessary also to mention in this protocol that information of spying nature which was passed by me to Mr Monkhouse the latter passed on to the Intelligence Service.

I also request to put on record that in making my confession I was guided by the following motives:

1. I wanted to make clear the accusations made against me.

Продолжение показания Макдональда от 19 марта 1933 г. На этой стр. он в частности подчеркивает полнейшую добровольность своих показаний и снова подтверждает, что выдавал деньги русским инженерам и техникам за шпионскую и вредительскую работу.

2. Because of the facts and proofs that were shown to me by the questions. This protocol was read to me and I confirm that it was taken down correctly according to what I said.

W. McDonald.

19-III-33.

Вопросы: Нам прокурор Ресурдман
Романов

Три вопроса ассоциатов
Прокурор Нам Бешар
Вильямсон

Третий лист собственноручного показания Макдональда от 19 марта 1933 г. с подписью Макдональда. В этом показании он отмечает, что все директивы по шпионажу и организации аварий получал от Торнтон.

Первая моя служба была учительская. Я была учительницей младшего приготовительного класса частного коммерческого училища. Затем я перешла на конторскую работу.

Работала последовательно: шесть месяцев в 1913 году я работала в частной технической немецкой конторе. Затем перешла в русско-американское общество резиновой мануфактуры «Треугольник». Там работала 4 года. После Октябрьской революции завод свернули, и я перешла в автомобильный отдел Морского ведомства, где проработала 4 месяца в качестве машинистки.

Из автомобильного отдела я поступила в инспекцию пехоты Ленинградского округа. Там я пробыла год с небольшим: конец 1918 и 1919 год.

В середине 1919 года я уехала в город Торопец (Псковской губернии) и служила в Военно-инженерной дистанции 8 месяцев в качестве заведующей техническим делопроизводством.

Осенью 1920 года возвратилась в Ленинград и поступила на Свирьстрой. На Свирьстрое работала 4 года и занимала должности последовательно, начиная от конторщиков 3-го разряда и кончая помощником и заместителем управляющего делами Свирьстроя.

Когда Свирьстрой временно свернули, я была приглашена на службу в Волховстрой—секретарем главного инженера по электрической части. Здесь проработала 4 года.

Когда работы по Волховстрою заканчивались, приблизительно за полгода до этого—я начала изучать английский язык, с расчетом поступить как-нибудь в частную иностранную контору.

На Волховстрое я познакомилась с представителями фирмы «Метро-Виккерс», инженером Монкгаузом, инженером Торнтоном и инженером Сутерландом. Инженер Монкгауз пригласил меня на службу к ним. 7 апреля 1929 года я поступила в Ленинградское бюро этой фирмы в качестве секретаря уполномоченного этой фирмы в Союзе, инженера Монкгауза. В этой должности я была до момента ареста—до 11 марта сего года.

Председатель. У прокуратуры есть вопросы?

Рогинский. Да, есть. Подсудимая Кутузова, уже в процессе судебного следствия при допросе ряда подсудимых в значительной мере был исчерпан ваш допрос. Поэтому я вам поставлю только несколько вопросов в значительной мере в порядке итогов ваших показаний, которые вы дали в процессе судебного следствия по делу.

Первый вопрос—вы подтверждаете свои показания о том, что вам было известно о преступной, или, как вы говорили в показаниях, нелегальной деятельности Торнтон и Монкгауза?

Кутузова. Да, подтверждаю.

Рогинский. Вы подтверждаете, что существом этой преступной деятельности был шпионаж. Так?

Кутузова. Да, шпионаж входил в эту работу.

Рогинский. Вы подтверждаете, что наряду со шпионажем существом этой преступной деятельности, как вы показали, было то, что вы слышали из разговоров Торнтон и Монкгауза—организация порчи машин?

Кутузова. Да, диверсионную работу этой группы я также подтверждаю.

Рогинский. Подтверждаете вы свои показания о том, что вам известно, о подкупе ряда русских инженеров и техников за совершение тех преступных действий, о которых вы сейчас излагали суду?

Кутузова. Да.

Рогинский. Можете вы назвать тех из инженеров, которые получали денежное вознаграждение за совершение вредительских актов, которые сидят здесь на скамье подсудимых?

Кутузова. Да, могу.

Рогинский. Пожалуйста.

Кутузова. Получал взятки инженер Гусев.

Рогинский. Можно подсудимому Гусеву сразу задать вопрос?

Председатель. Пожалуйста.

Рогинский. Подсудимый Гусев, вы получали взятки?

Гусев. Получал.

Рогинский. За вредительскую работу?

Гусев. Да.

Рогинский. За шпионаж?

Гусев. Да.

Рогинский. Больше вопросов к Гусеву нет.

Кто следующий?

Кутузова. Затем я слышала из разговоров, что один из мастеров Гусева тоже получал.

Рогинский. Кто?

Кутузова. Соколов.

Рогинский. Вопрос Соколову задать можно?

Председатель. Пожалуйста.

Рогинский. Подсудимый Соколов, вы получали взятки?

Соколов. Да.

Рогинский. За вредительство?

Соколов. Да.

Рогинский. За шпионаж?

Соколов. Да.

Рогинский. Больше вопросов Соколову нет.

Кутузова. Витвицкий. Кто еще работал с Витвицким—я не знаю.

Рогинский. Я прошу удостоверить суд, что в показаниях Витвицкого имеется прямое указание на получение денег за доставляемые сведения и за вредительскую работу и в связи с этими показаниями Кутузовой буду просить разрешить задать один вопрос подсудимому Гусеву.

Председатель. Пожалуйста.

Рогинский. Подсудимый Гусев, вам что-либо известно о получении денег Витвицким?

Гусев. Да.

Рогинский. Что вы знаете?

Гусев. Я передавал деньги Витвицкому.

Рогинский. В какой сумме?

Гусев. Около 4500 рублей.

Рогинский. От кого вы получали эти деньги?

Гусев. От Макдональда.

Рогинский. К Гусеву больше вопросов нет. Еще кого-нибудь

можете назвать из тех инженеров, здесь сидящих, которые по вашим данным получали деньги?

Кутузова. Инженер Крашенинников, Зорин, Сухоручкин, Рязанов, Языков.

Рогинский. Я спрашиваю о тех, которые здесь сидят.

Разрешите задать вопрос подсудимому Сухоручкину.

Председатель. Пожалуйста.

Рогинский. Эти показания верны?

Сухоручкин. Да.

Рогинский. Деньги получали?

Сухоручкин. Да.

Рогинский. За совершение вредительских актов?

Сухоручкин. Да.

Рогинский. Подсудимый Зорин, эти показания верны?

Зорин. Да.

Рогинский. Вы деньги получали.

Зорин. Да.

Рогинский. Больше нет вопросов к подсудимому Зорину.

Подсудимый Крашенинников, эти показания верны?

Крашенинников. Да.

Рогинский. Вы деньги получали?

Крашенинников. Да.

Рогинский. Нет вопросов.

Вы подтверждаете, подсудимая Кутузова, равным образом и ту часть своих показаний, где вы указывали на способ записи этих сумм в соответствующих книгах.

Кутузова. Не совсем так. Книг никаких не было, а записи вел инженер Торнтон в своих записных книжках у себя на квартире.

Рогинский. Значит записи об израсходованных суммах на оплату шпионажа и вредительства заносились в специальные книжки Торнтоном у него на квартире?

Кутузова. Да.

Рогинский. Где находятся эти книги?

Кутузова. Я знаю, что он увез их в Англию.

Рогинский. Когда?

Кутузова. Примерно в декабре 1932 года, когда уезжал на рождество.

Рогинский. Один вопрос Торнтону.

Показания Кутузовой отрицаете?

Торнтон. Отрицаю.

Рогинский. Нет вопросов Торнтону. У меня нет больше вопросов к Кутузовой.

Председатель. У защиты есть вопросы?

Брауде. Каким образом вы, собственно говоря, знали об этой вредительской и диверсионной работе, которую организовали Монкгауз и Торнтон. Из разговоров или они поверяли вам?

Кутузова. Я почти в течение 4 лет жила совместно с ними в одном доме.

Брауде. У них были отдельные комнаты?

Кутузова. У Торнтонна отдельная квартира, я жила наверху.

Брауде. Вы были в хороших отношениях?

Кутузова. Да, была в очень хороших отношениях.

Брауде. Что же, они при вас говорили об этих вещах?

Кутузова. Не сразу говорили.

Брауде. Вот вы давно знаете обоих, как можете их охарактеризовать. Монкгауз—болтливый, легкомысленный или это серьезный деловой человек специфического английского типа?

Кутузова. Монкгауз—человек серьезный, но и шпионская работа тоже не комическая.

Брауде. Вот поэтому-то я и спрашиваю. Я хочу узнать, почему серьезную и некомическую работу серьезные люди могли доверять вам? Объясните, вы сами принимали непосредственное участие в этой вредительской работе?

Кутузова. Принимала. Я принимала деньги и пересылала.

Брауде. Но в самих диверсионных актах принимали участие?

Кутузова. Нет, не принимала, потому что очень мало понимаю в технике.

Брауде. Теперь объясните—почему два серьезных, неболтливых человека в работе, в которой вы не принимали участие, не могли принимать и не помогали, почему они находили возможным говорить в вашем присутствии?

Кутузова. Потому что наша жизнь так сложилась, что жили вместе.

Брауде. А уйти от вас никуда нельзя было?

Кутузова. Никуда.

Либсон. Из ваших рассказов получается, что вы с этими людьми работали с 1926 года.

Кутузова. С 1927.

Либсон. Ведь вы работали на Волховстрое?

Кутузова. Я там работала, и они меня знали.

Либсон. Очевидно знали настолько, что после окончания работы сочли возможным пригласить вас сюда?

Кутузова. Я не думаю, что они меня знали лично, они приходили как к секретарю помощника главного инженера, но они очевидно обо мне слышали и не плохое.

Либсон. Что это послужило поводом к приглашению, значит они вас знали? Вы работали с ними 7 лет?

Кутузова. 8 лет.

Либсон. Эти 8 лет вы работали совместно?

Кутузова. Да.

Либсон. Совместно с Монкгаузом и Торнтоном вы все время не только работали, но и проживали?

Кутузова. Да.

Либсон. Вы были секретарем Монкгауза?

Кутузова. Да.

Либсон. Так что особенно близко соприкасались с ним?

Кутузова. По делам я соприкасалась со всей конторой.

Либсон. Но на протяжении времени, когда вы стали замечать «их работу», как вы говорите, вы своим поведением давали основание отнести к вам осторожно?

Кутузова. Я говорила, что я боюсь за себя.

Либсон. В каком смысле?

Кутузова. Боялась ареста.

Либсон. Значит это вас волновало?

Кутузова. Немножко волновало.

Либсон. Но у них могло возникнуть опасение, что это не безопасно.

Кутузова. Не знаю. Мы были большими друзьями.

Либсон. Вечерами тоже бывали вместе?

Кутузова. Также вместе.

Либсон. А проживали в Перловке или в Лосиноостровской?

Кутузова. Сначала жили в Лосиноостровской. В Лосиноостровской арендовали маленький домик, а в Перловке выстроили три дома.

Либсон. Значит все, кто приезжал к ним в гости или по делам, все попадали в это место?

Кутузова. Попадали в дом, где жил инженер Монкгауз.

Либсон. Будьте добры осветить следующее: когда вы начали замечать их преступную деятельность, с самого начала, или позже стали догадываться?

Кутузова. Приблизительно в конце 1930 года.

Либсон. До 1930 года у вас подозрений не возникло?

Кутузова. Нет.

Либсон. Это вас естественно волновало, вы свои волнения выражали им неоднократно?

Кутузова. Меня волновало не в конце 1930 года, меня сначала не волновало.

Либсон. Почему?

Кутузова. Потому, что волноваться можно тогда, когда уверена.

Либсон. Вы не были уверены, точно не представляли?

Кутузова. Да.

Либсон. Когда начали волноваться, вернее когда поняли?

Кутузова. К концу 1931 года я постаралась выяснить этот вопрос и частично его выяснила.

Либсон. Меня интересует приблизительное время—хотя бы год.

Кутузова. 1931 год.

Либсон. Стало быть эта уверенность была после 1931 года?

Кутузова. Я точно узнала в 1932 году.

Либсон. Теперь скажите—вот на почве того, что вы знали эту тайну, становились невольной соучастницей, у вас возникла мысль о том, что вам как-то нужно покончить с этим лично для себя?

Кутузова. Возникало, но я покончить не могла.

Либсон. Что помешало, чтобы сделать какие-нибудь решительные шаги?

Кутузова. Во-первых, я была с ними связана организационно, во-вторых, я дала слово, а раз даю слово, я его держу.

Либсон. Вы считали нужным это слово держать?

Кутузова. Да.

Либсон. Вы говорите, что были участницей. Позвольте поставить вопрос совершенно конкретный: в чем вы считаете себя участницей? Вы все время перечисляете эту историю с посылками.

Кутузова. Я посылала посылки и передавала деньги.

Либсон. Посылали посылки кому?

Кутузова. Инженеру Гусеву.

Либсон. С чем?

Кутузова. С продуктами.

Либсон. Вы лично Гусева знали или нет?

Кутузова. Только по фамилии.

Либсон. Никогда не встречались?

Кутузова. Нет.

Либсон. Вы имели точное представление о характере его работы и шпионской и диверсионной и тому подобное?

Кутузова. Я знала, что он принадлежит к нашей группе.

Либсон. Это вы знали?

Кутузова. Да.

Либсон. А подробности знали?

Кутузова. Нет.

Либсон. Ваша активная деятельность выразилась в том, что посылали посылки?

Кутузова. Да, и кроме того передавала деньги.

Либсон. Как обстояло дело вообще с деньгами? Входили ли в вашу обязанность деньги?

Кутузова. Да. Все деньги Торгсина были на моих руках. Кроме того в моем распоряжении всегда было 5 или 6 тысяч рублей.

Либсон. Когда получали распоряжение, это деньги вы давали?

Кутузова. Нет, я эти деньги не давала. Эти деньги фирмы, и деньги фирмы не выдавались на это дело.

Либсон. Я понимаю.

Кутузова. Но торгсиновские деньги выдавались тоже в виде займа—потом покрывались рублями.

Либсон. По чьему распоряжению?

Кутузова. По распоряжению инженеров Торнтона и Монкгауза.

Либсон. Вы лично выдавали деньги?

Кутузова. Были случаи, когда выдавала лично.

Либсон. Знали ли вы, что эти люди делают преступные дела?

Кутузова. В общих чертах я знала.

Либсон. Только в общих чертах?

Кутузова. Да.

Либсон. Знали это, но достаточных сил нехватило донести по тем мотивам, о которых говорили?

Кутузова. Да.

Либсон. Вопросов у меня больше нет.

Шварц. Я позволю себе вас спросить относительно Крашенинникова.

Вы слышали о признании его в получении денег. Вы помните ответ Торнтона, что он отрицает передачу через вас денег Крашенинникову. Скажите пожалуйста, кто передавал деньги Крашенинникову?

Кутузова. Я не передавала деньги Крашенинникову.

Шварц. Кто передавал?

Кутузова. Я думаю, что передавал Торнтон, но подробностей я не знаю. Я слышала эту фамилию, слышала вообще разговор, советы их.

Шварц. Так что при вас передачи денег через третьих лиц не было?

Кутузова. Не было.

Шварц. И разговора относительно передачи пакета также не было?

Кутузова. Разговоры были.

Шварц. С чьей стороны разговоры?

Кутузова. Инженер Торнтон говорил инженеру Монкгаузу.

Шварц. Вы присутствовали при этом разговоре?

Кутузова. Нет, я вошла в комнату, когда они заканчивали разговор.

Коммодов. В Перловке вы жили в том же доме, где и Монкгауз?

Кутузова. Рядом.

Коммодов. Там, где инженер Торнтон?

Кутузова. Да.

Коммодов. У Монкгауза был отдельный кабинет?

Кутузова. Да.

Коммодов. А у Торнтонна?

Кутузова. Также.

Коммодов. Рядом с кабинетом Монкгауза чей кабинет находился?

Кутузова. Рядом не было кабинета, была его спальня.

Коммодов. А там еще не жил один инженер?

Кутузова. У нас каждый день был прилив и отлив инженеров и монтеров.

Коммодов. Так что рядом не жил инженер?

Кутузова. Там жил инженер Беки, но не рядом, а напротив—через площадку.

Коммодов. Значит у этих трех инженеров были отдельные кабинеты?

Кутузова. Да, можно так сказать.

Коммодов. Ваш защитник вас спросил—в чем выразилось ваше непосредственное участие как члена вредительской шпионской организации. Вы сказали, что вы передали деньги, и Гусев признал, что получил деньги. Кто ему их передал?

Кутузова. Я думаю, что деньги ему передал или Торнтон или Макдональд.

Коммодов. Но вы не передавали лично?

Кутузова. Нет.

Коммодов (к Гусеву). Вы деньги получали?

Гусев. Да.

Коммодов. От кого?

Гусев. От Макдональда.

Коммодов (к Кутузовой). Соколову вы денег не передавали?

Кутузова. Нет.

Коммодов (к Соколову). Вы деньги от кого получили?

Соколов. От Гусева.

Коммодов (к Кутузовой). Крашенинникову вы деньги передавали?

Кутузова. Нет.

Коммодов (к Крашенинникову). Вы от кого деньги получили?

Крашенинников. От Олейника.

Коммодов (к Кутузовой). Зорину вы деньги передавали?

Кутузова. Нет.

Коммодов (к Зорину). Вы деньги от кого получали?

Зорин. От Торнтона.

Коммодов (к Кутузовой). Сухоручкину вы деньги передавали?

Кутузова. Нет.

Коммодов (к Сухоручкину). От кого вы деньги получали?

Сухоручкин. От Торнтона.

Коммодов. В своих показаниях на предварительном следствии Витвицкий указывал, что деньги получал от Гусева.

(К Кутузовой.) А вы кому деньги передавали?

Кутузова. Кому я передавала деньги—я уже сказала в своих показаниях.

Коммодов. Я спрашиваю о тех, которые сидят здесь на скамье подсудимых. Таким образом у нас остается бесспорным факт отправления посылки на имя Ивановой?

Кутузова. Нет, от имени Ивановой.

Коммодов. От имени Ивановой. Вы сказали, что там было масло и продукты?

Кутузова. Правильно. Насколько я помню, это так, но я послала каждый день продукты ящиками.

Коммодов. Значит в этой посылке было масло и другие продукты?

Кутузова. Да.

Коммодов. У меня больше вопросов нет.

Председатель. Есть ли еще вопросы у защиты (таковых нет). Есть ли вопросы у подсудимых?

Торнтон. Можете вы сказать подробности о вредительской работе, о которой якобы я давал указания?

Кутузова. Подробностей я сказать не могу, я слышала общие разговоры.

Торнтон. Может быть вы скажите, какие?

Кутузова. Я слышала, как вы делали с инженером Монкгаузом план порчи турбин на Бакгрэсе, Нигрэсе, Вугрэсе. Я помню, вы мне разъяснили, что если в турбину подбросить посторонний предмет, просто тряпку или щепку, то турбина может вылететь через крышу. Конечно это было сказано аллегорически.

Торнтон. Вам известно, что такого случая не было?

Кутузова. Я и говорю, что это было сказано аллегорически, то есть иносказательно.

Торнтон. Может быть так: если бросить что-либо в турбину, тогда крышка полетит?

Кутузова. Нет обязательно.

Торнтон. Вы говорите, что я Монкгаузу говорил о Зуевке, о Бакинской станции и думал там бросать болт. Там такого рода вредительства не было?

Кутузова. Я не знаю. Я в технике ничего не понимаю. Я говорю, как я слышала и что я поняла.

Торнтон. Относительно шпионской работы. Какие-нибудь конкретные случаи?

Торнтон, Ханс Карл Юнго Промышленник

на Английском языке

4 April 1933 r.

I admit that I am guilty according to the charge presented to me ^{as the accused} with the exception of paragraph four, in which it is stated that I gave instructions to wreck installations. In this matter I declare I am not guilty.

In answer to questions I answer as follows—

1. I have met Vitritsky of the Cheliabinsk. I became acquainted with him about 1931, when I visited Cheliabinsk Power Station. I only had business connections with Vitritsky and he gave me no information of Spying character. I had no information about Cheliabinsk Power Station from him.

Spying information of a military nature I had about the Putiloff and Milschi books. This is detailed in my previous statements.

2. Sukharitchkin who worked at MOSES Works, he gave me information about the rules for the 2nd transformer bank. I have never given him any money.

3. I know I know, and became acquainted with him in connection with claims about the Oudoro installation supplied by our firm. I have never given money to Kozov.

4. Kraschivnikoff Works, but have received no information from him and given him no money—

I would add that the amount of about Rs 1500.— which I gave to Moedwald I gave him in 1932.

The amount of Rs 4990.— which I paid into the office of the Company, were derived out of the sale of our erection tools to Higgins—

written in my own hand and witnessed
Дондосин: Редже Г. Торнтон

Сведователь по обвинению
Генерал: Шустин

April 4th 1933.

Факсимиле собственноручного показания Торнтона от 4 апреля, в котором он признает себя виновным в экономическом и военном шпионаже, привлечении для шпионской работы русских инженеров и даче взяток за сокрытие дефектов оборудования фирмы «Метро-Виккерс» и не признает себя виновным в совершении аварий на электростанциях.

Кутузова. Я слышала общие разговоры. Я уже сказала суду, а подробности имеются в моих показаниях.

Торнтон. О подробностях вы и скажите.

Кутузова. Я отказываюсь говорить подробности, потому что это государственный секрет.

Торнтон. Последний вопрос. Вы говорили, что я деньги получил от вас?

Кутузова. Я это не говорила.

Торнтон. Так что я денег от вас не получал?

Кутузова. Не знаю.

Рогинский. Подсудимый Котляревский, на Зуевке болт был спущен в генератор?

Котляревский. Да.

Рогинский. Подсудимый Торнтон, вы слышите эти показания?

Торнтон. Да.

Рогинский. Был болт в генераторе на Зуевской станции?

Торнтон. Да, в генераторе был. В турбине не был.

Рогинский. Следующий вопрос Котляревскому. Умышленно там был оставлен болт?

Котляревский. Да.

Рогинский. С вредительской целью?

Котляревский. Да.

Рогинский. Нет вопросов ни к Торнтону, ни к Котляревскому.

Один вопрос к Кутузовой: когда-нибудь на предварительном следствии вы говорили о том, что вы лично передавали деньги Гусеву, Крашенинникову, Зорину и так далее, словом, тем, кого перечислил Коммодов?

Кутузова. Нет.

Рогинский. На предварительном следствии вы указали иных лиц?

Кутузова. Да.

Рогинский. Здесь не находящихся?

Кутузова. Здесь их нет.

Вышинский. Подсудимый Торнтон, вы сейчас слышали ответ на ваши вопросы к Кутузовой. Так это было, или так это не было?

Торнтон. Я не понимаю.

Вышинский. Разъясню. Кутузова говорит, что она слышала от вас разговоры, которые содержали в себе сообщения о прямых указаниях, что можно и нужно вывести из строя турбину или какой-нибудь агрегат, бросивши туда какой-нибудь металлический или иной предмет, как например говорил Котляревский—болт. Вели вы такие разговоры с Кутузовой. Она правильно это говорит или нет?

Торнтон. Я этого не говорил.

Вышинский. А вы с Монкгаузом говорили об этом?

Торнтон. Я с Монкгаузом на тему о вредительстве никогда не говорил.

Вышинский. Так что она говорит неверно?

Торнтон. Неверно.

Вышинский. Может быть вы так говорили: «Вот Анна Сергеевна, если бросите, то получится то-то».

Торнтон. Я думал сначала, что она так сказала—если бросить? Но она этого не говорила.

Вышинский. А ей вы тоже не говорили?

Торнтон. Нет, никаких дискуссий о том, как вредить, не было.

Вышинский. Дискуссий не было.

Торнтон. Не было.

Вышинский. А почему должна быть дискуссия, если есть единодушие?

Торнтон. Может быть я неправильное слово взял.

Вышинский. Дискуссия—это значит спор.

Торнтон. Можно через переводчика? (Переводчик.) Подсудимый настаивает, что слово дискуссия не означает в русском переводе спор. В английском языке это означает разговор, беседа.

Вышинский. Спорить не будем. Подсудимый имеет в виду здесь разговор. Значит таких разговоров не было ни в положительной форме, ни в условной, следовательно она выдумывает?

Торнтон. Да, она путает.

Вышинский. Что же она путает?

Торнтон. Может быть она думала, что это так.

Вышинский. Хорошо, думала, что вы с Монкгаузом говорите о вредительстве. Она это могла думать. А почему вы думаете, что она могла это думать?

Торнтон. Потому что она это говорит.

Вышинский. Нет, она говорит не так. Она говорит, что я слышала, как Торнтон с Монкгаузом вели такие разговоры, а вы говорите, что разговоры не вели, а может быть Кутузова думает, что я вел такие разговоры. Какие основания так думать?

Торнтон. Потому что таких разговоров не было.

Вышинский. Тогда значит нет и основания думать, что она так думает. Больше вопросов нет.

Рогинский. А вы не говорили подсудимой Кутузовой, что у вас, помимо фирменных обязательств, есть еще и другие?

Торнтон. Нет, не говорил, отрицаю.

Рогинский. А на очной ставке тоже отрицали?

Торнтон. Отрицал.

Рогинский. Можно зачитать это показание?

Вышинский. У меня вопрос к Торнтону. Здесь на суде вам этот протокол очной ставки оглашался, вы сидели на этом месте против микрофона. Шел ваш допрос. Вы заявили, что это подтверждаете. Это было всего 2 дня тому назад. Сейчас вы это отрицаете?

Торнтон. Что я другие дела имею?

Вышинский. Да, в протоколе очной ставки с Кутузовой. Мы здесь допрашивали вас и Кутузову, и вы заявили, что это подтверждаете, и подтвердили по целому ряду вопросов.

Торнтон. Я этого не подтверждал.

Вышинский. Тогда давайте еще раз огласим.

Рогинский. Протокол очной ставки между Торнтоном и Кутузовой 16 марта 1933 года: «Вопрос Кутузовой—было ли вам известно, что»

Торнтон занимается шпионской деятельностью». Ответ был раньше общий, а потом так: «Да, мне было известно это, я замечала, что к нему стали приходить какие-то лица, русские инженеры, и он с ними вел тайные беседы. Это меня навело на размышления. Это было в конце 1930, в начале 1931 года. На заданный мной об этом вопрос Торнтону— он мне ответил, что у него кроме фирменных обязанностей есть и другие. Вопрос Торнтону—подтверждаете ли показание Кутузовой? Ответ—да. Показание Кутузовой подтверждаю. Подпись Торнтон».

Вышинский. Вот теперь вопрос Торнтону—подтверждаете вы это или не подтверждаете?

Торнтон. Все равно другой работы у меня нет.

Рогинский. Протокол подтверждаете. Значит правильно здесь записано, правильны ваши показания.

Торнтон. Написано-то написано, только другой работы нет.

Рогинский. Я спрашиваю, написано здесь так, как вы показывали?

Торнтон. Я это напрасно подписал.

Рогинский. Второе, по этому же протоколу. «Вопрос Кутузовой—производилась ли оплата производимой шпионской работы? Ответ—да, производилась оплата шпионской работы. Об этом мне говорил Торнтон, и кроме того я слышала из разговора Торнтон с Монкгаузом, так как пользовалась у них большим доверием и часто входила в комнату во время их разговоров. Они меня не стеснялись. Разговоры эти происходили на английском языке, я владею достаточно, чтобы понимать. Вопрос Торнтону—что вы скажете в отношении этих показаний гражданки Кутузовой. Правду она говорит или нет? Ответ—да, гражданка Кутузова говорит правду».

Вышинский. Как с этим вопросом?

Торнтон. Шпионская работа.

Рогинский. Шпионская работа оплачивалась вами, по показанию Кутузовой, подтвержденному вами на очной ставке с Кутузовой. Подписано—Торнтон. Давали вы эти показания?

Торнтон. Да, я подписывал.

Рогинский. Давали эти показания?

Торнтон. Да, раз это подписано.

Вышинский. Так было?

Торнтон. На самом деле так не было.

Рогинский. Третий вопрос. «Вопрос Кутузовой: каким образом проводили по бухгалтерии расходы на оплату шпионской работы? Ответ: суммы, которые проводились на оплату этой работы, официально по бухгалтерии не проводились, а инженер Торнтон вел свой счет на даче. Об этом он мне сам лично говорил, и кроме того я видела его сидящим ночью, записывающим эти счета. Вопрос Торнтону: признаете ли вы и это? Ответ: официальных книг конечно я не вел, но мною был написан дневник для памяти, чтобы потом эти суммы списывать в расход. Так я и делал, проводя эти суммы по книгам фирмы по несуществующим расходам. Этот дневник отправлен в Англию».

Рогинский. Эти показания вы равным образом давали на очной ставке с Кутузовой.

Торнтон. Да, только я хочу объяснения дать.

Вышинский. Еще один вопрос, потом объяснения. Дневник у вас

был? Куда вы записывали свои расходы, которые не проводили по книгам. Это верно?

Торнтон. Да.

Вышинский. В Англию его отправили?

Торнтон. Я все взял с собой.

Вышинский. 9 штук?

Торнтон. Да.

Вышинский. Это соответствует действительности?

Торнтон. Я хочу дать объяснение, что эти мелкие суммы я писал...

Вышинский. Мелкие или крупные—это потом будем выяснять. Нам важен факт, что на очной ставке с Кутузовой 16 марта по поводу ваших расходов на оплату различных лиц, проводимых вами неофициально, а вот таким образом, как вы здесь записали, по несуществующим расходам, вы подтверждали, что вы вели специальные дневнички, которых набралось 9 штук, и вы заблаговременно увезли их в Англию. Правильно?

Торнтон. 9 штук—9 лет.

Вышинский. Может быть и больше, в зависимости от тех лет, которые вы занимались этим делом. Кутузова правильно говорит?

Торнтон. Она правильно говорит, что увез.

Вышинский. Правильно, что там эти расходы записаны?

Торнтон. Там были записаны.

Вышинский. Значит вы подтверждаете, что увезли?

Торнтон. Что книжки увез—да. Там были те суммы, которые я давал Зиверту.

Вышинский. Зиверт здесь говорил, что вы давали за шпионскую и вредительскую работу?

Торнтон. За шпионскую и вредительскую не давал.

Рогинский. Следующий протокол—протокол постановления следователя от 4 апреля 1933 года, протокол предъявления обвинения. Там содержится:

«1) Обвинение в том, что Торнтон занимался экономическим и военным шпионажем.

2) Привлекал к шпионской работе ряд советских инженеров и техников и давал им разными суммами деньги за передаваемые ему сведения.

3) Как лично, так и через посредство Макдональда и других инженеров указанной фирмы, ему подчиненных, систематически давал взятки ряду советских инженеров за сокрытие ими дефектов в оборудовании, поставленном фирмой «Метрополитен-Виккерс».

4) Давал задание Монкгауз и другим инженерам фирмы организовывать и проводить через посредство специально привлеченных советских инженеров и техников порчу оборудования и аварий на ряде электростанций предприятий СССР, каковые аварии и порча оборудования были в дальнейшем проведены, за что он, Торнтон, платил разными суммами лицам, непосредственно осуществляющим его диверсионные задания».

Вот постановление о предании вас суду.

Торнтон. Кто это писал?

Рогинский. Писал следователь по важнейшим делам.

«Торнтон (ответ)—обвинение я признаю, кроме 4-го пункта постановления о привлечении меня в качестве обвиняемого».

То есть вы признаете, что вы привлекли к экономическому и военному шпионажу ряд русских инженеров и техников и признаете дачу взяток русским инженерам и техникам за сокрытие дефектов оборудования и лишь не признаете организацию и совершение аварий.

Торнтон. Насчет шпионских военных сведений я это снял.

Вышинский. Здесь сняли. А почему?

Торнтон. Это неправда.

Вышинский. А почему вы говорили неправду?

Торнтон. Это было не в прокуратуре, а в ГПУ.

Вышинский. Но ведь это был следователь по важнейшим делам при прокуроре республики. Вы там так говорили?

Торнтон. Он так писал.

Вышинский. Вы говорили?

Торнтон. Я подписался.

Вышинский. Вы так говорили или нет?

Торнтон. Он написал, а я подписался.

Вышинский. Вам его показывали?

Торнтон. Показывали.

Вышинский. Вы его прочитали?

Торнтон. Да.

Вышинский. Подписали?

Торнтон. Да.

Вышинский. Вы написали, что признаете виновным в 3 пунктах, а в 4-м нет. Вы могли тогда бы написать, что признаете в 2, а в 2 не признаете, а вы написали, что признаете себя виновным в 3 пунктах, а по 4-му пункту не признаете. Правильно это?

Торнтон. Да, и объяснил, что хотел это взять обратно, но мне сказали, что этого нельзя делать, это можно сделать в процессе суда.

Вышинский. Вы можете взять обратно все, что хотите, но надо объяснить, почему вы хотите взять обратно.

Торнтон. Это неправда.

Вышинский. Почему?

Торнтон. Это основано на показаниях от 26 марта.

Вышинский. Это основано на ваших показаниях.

Торнтон. На основе показаний 26.

Вышинский. А протокол ваших показаний 26 марта—чем он плох?

Торнтон. Это взято было с меня под большим давлением.

Вышинский. Например?

Торнтон. Очень долго допрашивали.

Вышинский. Какого числа?

Торнтон. 13 числа.

Вышинский. Потом?

Торнтон. Я не могу найти слово.

Вышинский. Можно через переводчика.

Торнтон (через переводчика). Долго допрашивали, затем мне дали понять, что если я признаюсь, все будет хорошо.

Вышинский. А если не признаетесь?

Торнтон (перевод). Если не признаюсь, тогда я буду беспо-

лезен как Советскому союзу, так и Англии. Кроме того я настолько устал от этого дела, что подписал протокол.

Председатель. Написали или подписали?

Торнтон (переводчик). Мне диктовали по-русски, а я писал по-английски.

Председатель. Вы так устали, что сразу могли с русского языка переводить на английский. Разве вы так хорошо владеете русским языком, что, будучи усталым, сразу писали по-английски, когда диктовали по-русски?

Торнтон. В данном случае так было.

Вышинский. Потом?

Торнтон. Раз это было, пришлось подписать.

Вышинский. Это все ваши объяснения. Позвольте теперь по этим объяснениям задать дополнительно несколько вопросов.

Первый вопрос: это протокол, где содержится ваше указание на вашу шпионскую сетку.

Торнтон. О... это об 27?

Вышинский. От других протоколов вы тоже отказываетесь?

Торнтон. Есть еще один.

Вышинский. Скажите, какой это один—сразу, хотя и с опозданием на 4 дня.

Торнтон. Где сказано об оборонительных и наступательных возможностях.

Вышинский. Это тоже там, где распределены 15 и 12 человек—кто чем занимается: кто экономическим, кто политическим, кто военным шпионажем?

Торнтон. Это в другом.

Вышинский. Другого нет. От него отказываетесь?

Торнтон. Да.

Вышинский. Вас допрашивали только 13 числа?

Торнтон. Нет, много раз.

Вышинский. Когда вас арестовали?

Торнтон. 11 числа.

Вышинский. 12 допрашивали?

Торнтон. Да.

Вышинский. Вы были усталый?

Торнтон. Да.

Вышинский. 13 допрашивали?

Торнтон. Да.

Вышинский. Вы были усталый?

Торнтон. Да.

Вышинский. 14 допрашивали?

Торнтон. Да.

Вышинский. Вы были усталый?

Торнтон. Я был очень подавлен.

Вышинский. Чем вы были подавлены? Вы не можете конкретно сказать?

Торнтон (молчит).

Вышинский. Настроение было плохое?

Торнтон (молчит).

Вышинский. 15 марта вас допрашивали?

Торнтон. Да.

Вышинский. Настроение было такое же?

Торнтон. Лучше.

Вышинский. 17 вас допрашивали?

Торнтон. Да.

Вышинский. Настроение было лучше?

Торнтон. Немножко лучше.

Вышинский. 18 вас допрашивали?

Торнтон. Допрашивали кажется все дни, кроме какого-то одного.

Вышинский. Позвольте вас спросить тогда, когда у вас настроение стало лучше, вы где-нибудь, когда-нибудь, кому-нибудь заявили, что вы от этих ваших показаний, данных 13 марта, отказываетесь, или ничего не заявляли?

Торнтон. Я ждал суда.

Вышинский. Простите пожалуйста. Вопрос задан мною ясно, и нам нужно сейчас договориться окончательно. Через час кончится судебное следствие, и тогда поздно будет разбирать обстоятельства дела. Поэтому будьте любезны выслушайте меня и отвечайте на заданные мною вопросы, но только в определенном порядке. Будьте добры ответить на мой вопрос: когда-нибудь, в последующие дни после допроса 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 31 и 1 вы заявляли о том, что вы этот протокол 13 марта анулируете?

Торнтон. Нет.

Вышинский. Здесь на суде, когда я вас допрашивал первые дни по поводу ваших объяснений, вы заявили о том, что этот протокол вы написали под давлением? Отвечайте на мой вопрос.

Торнтон. Не заявлял.

Вышинский. Я задал вам три вопроса: оказывали ли на вас давление. Вы ответили—нет.

Торнтон. Нет.

Вышинский. Я спрашивал вас—мучили ли вас. Вы отвечали—нет.

Торнтон. Нет.

Вышинский. Я спрашивал вас—применяли ли к вам при допросе третью степень. Что вы ответили?

Торнтон. Нет.

Вышинский. Теперь, что вы говорите?

Торнтон. Я понял—мучили ли физически.

Вышинский. Физически или морально—мучение есть мучение.

Я спрашиваю вас, кто из находящихся в Москве англичан научил вас говорить сейчас неправду?

Торнтон. Я говорю правду.

Вышинский. Я понимаю, кто вас мог научить, кто вас научил и почему вы теперь это говорите?

Я больше вопросов к Торнтону не имею.

Председатель. Торнтон, садитесь. К Кутузовой есть вопросы?

Монкгауз. Я хочу, чтобы Кутузова сказала о том, как через консульство были переданы деньги (не слышно).

Кутузова. Я такого показания не давала.

Монкгауз. Этот документ, это показание, где она подписала, что получила деньги от английского консульства, можно показать.

Кутузова. Я такого показания не давала.

Вышинский. Если бы гражданка Кутузова когда-нибудь и дала такое показание, касающееся действий какого-либо из официальных учреждений какого-нибудь иностранного государства, пребывающего на нашей территории, этот документ не может быть оглашен на открытом заседании. Поэтому я категорически возражаю против оглашения такого рода документов.

Председатель. Совершенно правильно.

Вопросов больше к Кутузовой нет? (таковых нет.)

Подсудимый Грегори!

Председатель. Подсудимый Грегори, займите ваше место.

Ваша биография?

Грегори (перевод). Я кончил среднюю школу. Пошел на работу в электропромышленность, затем работал у различных фирм в Англии. Дальше работал в немецкой фирме в Англии. Работал в этой фирме, когда началась война. Поехал в Северную Шотландию. Затем поступил на государственный завод, работающий на оборону, и после этого поступил на заводы «Метро-Виккерс». Работал на этих заводах с тех пор.

Председатель. С какого года?

Грегори (перевод). С 1920 или 1921 года. Приехал в Москву 16 июля 1932 года. Один день пробыл в Москве и затем поехал на Днепрострой. Оставался на Днепрострое до 3 сентября прошлого года. После чего поехал в Дзержинск. С самого начала должен был поехать в Дзержинск, но оказалось, что необходим монтер для Днепростроя, и поехал туда. В Днепрострое работал на сборке масляных выключателей. Затем поехал в Каменск, где работал на сборке прокатного стана.

Председатель. У прокуратуры есть вопросы?

Рогинский. Да. (К Грегори.) Вы слышали показания Зиверта о том, что вы допускали саботаж в работе?

Грегори (перевод). Я не придаю никакого значения этим показаниям.

Вышинский. Эти показания не верны?

Грегори (перевод). Я считаю, что поскольку вы его сами отвергли на его собственных показаниях, то и я отвергаю. Это есть суд справедливости. Если вы сами отвергаете обвинение, то и я должен так делать.

Вышинский. Он утверждает, что работал добросовестно?

Грегори (перевод). Я этот вопрос поставил перед экспертизой вчера.

Вышинский. А как он сам считает?

Грегори (перевод). Я безусловно работал добросовестно. С этой целью приехал в Россию.

Председатель. У защиты есть вопросы? (Нет.) У подсудимых есть вопросы? (Нет.)

Вышинский. У меня есть заявление по поводу представленных документов. Вчера было возбуждено ходатайство, но не было вынесено определение Верховного суда, хотя заключение было мною дано.

It is hereby declared to me that the prosecution against me initiated by the State United Federal Administration (OGPU) is transferred to the office of the Prosecutor.

My testimony given by myself in the OGPU and presented to me during the enquiry wherein I have acknowledged my guilt;

1. That being the Chief Section Engineer of Metropolitan Vickers Company in the USSR I carried out Espionage, doing this work under direct guidance of Mr. Roberts - Managing Director of Metropolitan Vickers Company, who is an agent of the Intelligence Service.
2. That for carrying out of the above mentioned spying activities I drew in certain Russian Engineers and Technicians whose names I enumerated in previous testimonies.
3. That for carrying out spying activities I have paid ~~monthly~~ remuneration to the persons I drew in.
4. That this work I have carried out in conjunction not only with Russian Engineers and Technicians whom I drew in, but I have carried out and organized it in conjunction with certain employees of the Metropolitan Vickers Company - Macdonald, Arthur, Monkhouse and others whom I mentioned in the protocol of March 13th 1933.
5. That I gave orders to Russian Engineers and Technicians for concealing defects and discrepancies in the operation of plant and equipment which had been supplied by us.

Факсимиле собственноручного показания Торнтон от 19 марта 1933 г. на английском яз., в котором он целиком признается в шпионской деятельности и подтверждает, что это признание он делает добровольно и без всякого давления.

6. That I gave orders for passing me information ^{to} plant and equipment to be imported from abroad.

This I fully and truthfully confirm

These ~~two~~ testimonies were given by me wholly on my free will without outside influence or pressure. The testimonies were ~~given~~ given by me in the English language and were written in my own hand writing -

The protocols of interrogations first in Jozseff's name and each other's presence and in Kulunov's name and in each other's presence that were shown to me during these interrogations and in which I confirm facts about my spying activities and my connections with other persons I have read. I can make no additional remarks about the contents of these protocols. The ~~two~~ protocols are taken down correctly and are confirmed by my signature.

This protocol was read by me, and I confirm its accuracy.

Reshe G. Thornton

19-3-33

Второе — сегодня представлены два документа. Один из них является письмом, очевидно подлинным, доставленным из материалов конторы «Метро-Виккерс» за подписью Олейника. Прежде чем сказать что-нибудь об этом, я просил бы разрешить предъявить Олейнику письмо и удостовериться — его эта подпись или нет. В зависимости от этого я дам заключение (предъявляется письмо Олейнику).

Олейник. Да, это мое письмо.

Вышинский. Передайте пожалуйста суду. Ввиду того, что Олейник подтверждает свою подпись и нет оснований сомневаться в подлинности этого документа, я против него не возражаю.

Второй документ, представленный защитником Торнтона, содержит в себе два листа, написанных на пишущей машинке, начинается словами: «Испытания штеровских турбин, Штеровка Олейнику». Но этот документ не только никем не заверен, но и никем не подписан, и уже в силу этого, а не в силу каких-то формальных соображений он не может иметь никакой доказательной силы, и поэтому против приобщения этого документа прокуратура возражает.

Коммодов. Я должен сказать, что я оговорился, что он не заверен. Подписать этот документ, который написан Монкгаузом, он может и сейчас.

Вышинский. Он напечатан на машинке.

Коммодов. Это письмо есть ответ на то письмо.

Вышинский. Не знаю, на чье письмо?

Коммодов. Я говорил это.

Вышинский. Вы не свидетель.

У меня есть еще заявление следующего рода. Во-первых, к концу сегодняшнего заседания, до перерыва, Монкгауз между прочим так слегка, как будто нечаянно, сказавши о своей усталости, сослался на 18-часовой допрос. Не придавая этому серьезного политического значения, но однако считаясь с возможностью использования этого мотива для организованных попыток дискредитировать некоторые действия предварительного следствия, — а что эти попытки имели место, показывает дальнейшее поведение Торнтона, о котором я конечно до перерыва знать не мог, — я затребовал из внутреннего изолятора ОГПУ дела арестованных, содержащие в себе, во-первых, ордер на арест и направление для заключения в изолятор арестованных.

И за сим бланки, на которых содержатся не только даты, но также часы по установленной форме выбытия на допрос и прибытия с допроса каждого выводимого из камеры изолятора в следственную часть.

Из рассмотрения этого материала, который я буду иметь честь представить суду и просить приобщить его к делу до момента исчезновения надобности и необходимости в нем, так как это должно быть возвращено по назначению, я должен обратить внимание на то, что заявление Монкгауза сегодня о 18-часовом допросе является ложным заявлением, точно так же, как заявление Торнтона о длительном допросе, в результате которого охватило его особая усталость, также является ложным. Доказательством чего служит следующее: Монкгауз был арестован в ночь с 11 на 12, в 3 часа 15 минут доставлен уже в изолятор. Вызван был на допрос 12 в 11 часов 15 минут утра. Следовательно имел полную возможность для отдыха. Допрос длился до 15 часов 15 минут, после

чего был перерыв на обед, который был тут же в комнате следователя предоставлен подсудимому Монкгаузу и который занял у него весьма продолжительное время, ибо состоял из 3 блюд. Снова допрос был возобновлен в 17 часов 10 минут. Прекратился в 1 час 10 минут. В течение этого допроса был также перерыв в 40—45 минут для ужина, там же в кабинете следователя. Эти факты отрицать Монкгауз не посмеет.

Кроме того в это время Монкгауз не только был допрошен за этот период часов, но его допрос был им собственноручно переведен на английский язык, после того, как он предварительно был следователем написан на русском языке. То есть проходила за этот период времени тройная процедура: допрос на русском языке, запись на русском языке и перевод Монкгаузом этого допроса на английский язык. На все это понадобилось время, которое исчисляется в максимальный день допроса в 12 часов 30 минут с указанными мною перерывами.

Я полагаю, что этих данных достаточно, для того, чтобы отбросить эту совершенно негодную попытку с ссылками на всякого рода ненормальные условия допроса, дискредитировать этот допрос, как и отдельные моменты предварительного следствия, не говоря уже о том, что всегда была возможность конкретно об этом заявить, чтобы можно было путем прямого расследования установить факты, которые могли бы противоречить объяснениям, представляемым мною сейчас суду.

Что касается Торнтон, то поскольку я вытребовал все дело для того, чтобы быть достаточно вооруженным и встретить в этом вооружении всякие заявления, которые могут здесь последовать после попытки Монкгауза допустить такую вылазку,—то и здесь дело обстоит также неблагоприятно для заявления обвиняемых. Торнтон был, как видно из его дела за № 597, арестован и доставлен во внутренний изолятор в то же время. Первый допрос его происходил также 12 марта в 11 часов 45 минут. Занял 4 часа 15 минут. Второй допрос в 17 часов вечера и окончился в 1 час ночи, то есть 7 часов 55 минут, то есть занял 12 часов.

Это максимальное время допроса, которое имело вообще место, со всеми перерывами на обед, на ужин, на завтрак, на путь, который необходимо пройти от изолятора в кабинет следователя и из кабинета следователя обратно в изолятор, пройдя известное пространство, требующее 8—10 минут хода. Все эти данные свидетельствуют о том, что организованная попытка подсудимых и Торнтон и Монкгауза таким путем попытаться уйти от улик, предъявляемых к ним, это попытка должна быть отвергнута как недобросовестная, как опровергаемая всеми имеющимися данными.

Я прошу суд приобщить эти дела к делу настоящего рассмотрения с тем, чтобы по миновании надобности они были возвращены по назначению (передает дела председателю).

Председатель. Защита не возражает?

Коммодов. Не возражает.

Монкгауз. Можно по этому вопросу?

Председатель. Пожалуйста.

Монкгауз. Я не хочу отрицать точных цифр, которые были представлены прокурором, потому что, когда я был во внутреннем изоляторе, то у меня не было часов, поэтому я не знал, сколько точно был на

допросе, а в показаниях есть некоторая неправильность. Во-первых, он показал, что допрос был записан на русском языке, а потом переведен на английский язык. Это было совсем не так.

Вышинский. А как?

Монкгауз. Только на английском языке.

Вышинский. По моим сведениям так было написано на русском языке, а потом было переведено.

Монкгауз. Было неправильно.

Вышинский. С вами на русском языке разговаривали, а потом перевели на английский. Правильно?

Монкгауз. Правильно.

Вышинский. Я эту поправку принимаю. Затем если у вас не было часов, то почему вы утверждаете, что вас допрашивали 18 часов?

Монкгауз. Очень просто. Когда я шел из камеры, то я предполагал, что время 8 часов, а когда я вернулся в камеру ночью и спросил молодого офицера, то он сказал, что около 2 часов.

Вышинский. А вы посчитайте и выйдет не 18.

Монкгауз. Я вижу, что я ошибся и приношу свои извинения.

Вышинский. Вы извиняетесь за свою ошибку—это очень приятно слышать.

Председатель. У защиты есть какие-нибудь ходатайства о приобщении документов, чтобы рассмотреть сразу?

Коммодов. Монкгауз просил приобщить 4 документа, характеризующие его отношения к Советскому союзу в качестве уполномоченного фирмы. Это подлинник на английском языке и есть газеты на русском языке. Я просил бы их посмотреть.

Председатель. Кто-нибудь из сторон будет задавать вопросы к экспертизе? У прокуратуры есть вопросы?

Вышинский. Обвинение считает, что вопросы, которые подвергались здесь рассмотрению, они достаточно обследованы и без специального опроса Экспертной комиссии, поэтому у нас нет никакой необходимости в этом.

Председатель. Какие есть соображения у защиты? Зададите ли вы вопросы Экспертной комиссии?

Брауде. Разрешите спросить у обвиняемых (спрашивает у Торнтон). Со стороны Торнтон возражений не встречается.

Долматовский. Подсудимый Нордволл желает задать несколько вопросов.

Коммодов. Монкгауз желает задать несколько вопросов экспертизе.

Председатель. Значит желают задать вопросы Монкгауз и Нордволл. Остальные подсудимые не желают?

Защита. Нет.

Вышинский. Согласно закону эти вопросы к экспертизе со стороны подсудимых должны быть представлены в письменной форме. Экспертиза обсудит и даст ответ.

Председатель. Да. Сумеем ли мы закончить сегодня судебное следствие?

Вышинский. Мы сегодня не сумеем закончить судебное следствие.

Председатель. Формально не сумеем, но ориентировочно можем

наметить дальнейший ход работы. У подсудимых вопросы заготовлены?

Защита. Нет.

Д.

Председатель. Может быть устроим небольшой перерыв, чтобы разрешить вопрос о приобщении ряда документов.

Вышинский. Если в перерыве защита сумеет организовать вопросы подсудимых в письменной форме.

(Объявляется перерыв на 15 мин.)

* * *

Комендант. Прошу встать, суд идет.

Председатель. Садитесь пожалуйста.

Долматовский. Нордволл отказывается от дачи вопросов экспертизе. У меня здесь имеются 3 характеристики Нордволла, которые я прошу суд приобщить к делу. Затем сообщение в газету «За индустриализацию» от 24 января по поводу Грегори и ударная грамота.

Коммодов. Я получил список вопросов от Монкгауза, но поскольку они были написаны в качестве отдельных замечаний, мне пришлось их срочно переписать. Позвольте их или перепечатать на машинке, или огласить в том виде, как я их записал.

Монкгауз предлагает следующие вопросы экспертизе:

1) Страница 30 обвинительного заключения: «Мог ли кусок металла под клапаном пройти к турбине, поскольку на паровой коробке имеется сетка».

2) Страница 31 обвинительного заключения. «Может ли вызвать причину течи лака при условии, что все статоры обмотаны на заводе».

Вышинский. Виноват, «может ли вызвать причину течи лака», как это понять, ведь это совершенно неотредактированная фраза.

Коммодов. Здесь подразумевается—может ли монтаж быть причиной течи лака, если все статоры обмотаны.

Всего 23 вопроса. Я из них сделал 6 вопросов. Я обращаюсь с просьбой к суду—позвольте мне их отредактировать и отпечатать, или быть может мы перенесем на утреннее заседание это дело и передадим тогда вопросы, уже окончательно отредактированные экспертизе утром.

Председатель. Каково мнение прокуратуры по этому поводу?

Вышинский. Я думаю, единственный выход—отложить предъявление вопросов экспертизе до завтрашнего утра.

Шварц. Быть может мы устроим перерыв минут на 15—20, с тем, чтобы защитник Коммодов мог вручить отредактированные вопросы экспертизе, а завтра утром заслушаем мнение экспертизы.

Председатель. Специальное присутствие постановляет объявить перерыв до 10 часов утра завтрашнего дня.

(Вечернее заседание закрывается в 20 часов 35 минут).

П. п.

В. В. Ульрих

Председатель Специального присутствия

Верховного суда СССР

А. Ф. Костюшко

Секретарь.